

ДЖЕК ГЕЛЬБ

ГОЙДА

Многие имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и историческими личностями случайны. Это художественный текст, не имеющий цели оскорбить чьи-либо чувства и не претендующий на историческую достоверность.

Роман не предназначен для чтения несовершеннолетними.

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г32

Художественное оформление *А. Андреева*
Иллюстрация на переплете *Кориандр*

Гельб, Джек.
Г32 Гойда / Джек Гельб. — Москва : Эксмо, 2023. — 864 с.

ISBN 978-5-04-168545-4

Юный сын бывалого воеводы Федор Басманов прибывает к царскому двору, чтобы служить государю словом и делом. Страна разрывается на части: воля владыки все больше вызывает сомнение у народа, а опричники сеют страх и смерть, где бы ни ступала их нога. Федору предстоит принять правила игры и выжить во всепоглощающем пламени жестокости и насилия. Сможет ли он сохранить свою душу или нет ей места в столь жутком мире царской воли?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168545-4

© Джек Гельб, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Глава 1

Октябрь. 1564 год.

Поля давно остыли от жаркого лета. Открытые просторы переходили в леса, потерявшие свою пышную листву. Чёрными силуэтами высились стволы деревьев, меркнувшие с наступлением по-зимнему морозных сумерек. Далеко за зубастой кромкой леса догорало ярко-янтарное солнце. Воронье уже щёлкало клювами, предвкушая пиршество.

Мужчина был высокого роста, широк в плечах, и под его тяжёлой поступью оставались глубокие следы в промёрзшей чёрной земле.

— Фёдор! — громкий раскат баса прокатился над полем. Вороны взлетели, метнувшись к другой добыче.

— Фёдор! — раздалось вновь, лишь хлопанье крыльев улеглось.

Голос срывался на надрывный низкий хрип. Взгляд воеводы метался по очертаниям тел, павших в битве, боясь узнать среди них знакомое лицо. Он вглядывался в потемневшие лица, хмурия свои густые, чёрные с проседью брови. Он опустил взгляд на землю, продолжая переходить от трупа к трупу. Тела мешались в полумраке, который стучался с каждой минутой. Сердце могучего воеводы едва не замирало от страха. Он опустился к бездыханному телу юноши. Чёрные волосы слипались прядями от крови, вытекавшей из обширной раны на затылке. Воевода на мгновение замер. Сглотнул. Взяв волю в кулак, он был готов принять этот удар судьбы и, наконец, решился перевернуть тело мыском сапога на спину. Даже в царившем полумраке мужчине хватило беглого взгляда на погибшего — это точно не его сын.

— Басман! — кто-то окликнул его.

Мужчина сразу же обернулся.

— Алексей! Живой сын твой, гляди, как скачет!

К Басманову уже мчался конь с юным всадником. За пару метров юноша спешил, едва ли не на ходу. На белой коже багрянел румянец от холодного ядрёного воздуха. Сквозь густой ряд чёрных ресниц безумно сверкали голубые миндалевидные глаза. Несмотря на тяжёлое дыхание и шаткую походку, ему всё же удавалось выглядеть непринуждённым.

— Что ж ты, батюшка, уж схоронил меня? — усмехнулся Фёдор, хотя его голос звучал слабо.

Алексей опустил свою тяжёлую руку на плечо сына, оглядывая его с ног до головы, и сердце старого воеводы от облегчения будто забилось вновь.

— Только попробуй, сволочь, чтобы я тебя хоронил, — пробасил воевода, придерживая сына за плечо и оглядывая его.

Облачение юноши было потрёпано долгой битвой и погоней, в которую они пустились с отцом. Справа оголилась чешуя кольчуги, испачканная в крови и грязи.

— Узнаю своего отца — едва увидел меня живым, так сразу я тебе чем-то неугоден, — притворно вздохнул Фёдор.

— Помалкивай. Много крови потерял, — коротко ответил Алексей.

— Татарской пролито ещё больше, — юноша задумчиво оглядел поле боя.

Воеводе приходилось напрягать зрение, чтобы различать силуэты людей в сгушающемся мраке. Воронье уже слетелось попировать. Гомон их наполнил ночной воздух.

— И пленных взяли, — довольно произнёс мужчина, вглядываясь в поле битвы. — Таких именитых только и ждут от нас.

Отец и сын вернулись победителями. Послание об их доблести было составлено и отправлено в Москву. Помесье Басмановых располагалось на берегу широкой реки Оки. Листья уже отгорели огненными цветами, давно опали, устилая реку, и деревья стояли голые в преддверии особенно холодной зимы. Верною службой Алексей Басманов добился исключительного положения. Будучи воеводой крутого нрава и незаурядного ума, он не раз отличился за долгие годы службы государю. В награду семье Басмановых было пожаловано это поместье до тех пор, пока сей славный род служит царю верой и правдой.

Алексей был горд своей победой, но она не задурманила разум опытного воеводы. Много пороков было на его душе, но не тщеславие. Он следил за новостями с других краёв — судьба Руси находилась под угрозой. Царские войска терпели одно поражение за другим в Ливонской войне, и каждая дурная весть с поля битвы испытывала терпение государя.

За долгие годы службы Алексей твёрдо усвоил лишь одну вещь — наперёд ничего знать никому не дано. Сейчас они вернулись с сыном с гордо поднятой головой, но всё могло круто измениться. Много именитых семей теряли благосклонность государя, а их родословные были древнее, что уж говорить о молодом роде Басмановых.

Сколько ещё продлится их век — один только Бог ведает.

Погружённый в эти тяжёлые думы, он сидел во главе стола, а его сын по правую руку. Фёдор же был менее мрачен — славная победа в нелёгком бою, гордость за отца и довольство собой сопутствовали хорошему расположению духа. Да и самые мрачные мысли не могли испортить вид Басманова-младшего — уж больно тот был хорош собой. Чёрные длинные волосы, бледная кожа, соболиные брови, а из-под них глаза васильковые — все девки вокруг вздыхают по нему. А в бою-то юнец как хорош! Резвый, ловкий, точный — и вместе с тем хитрый и искусный.

Воеводы иной раз говорили Алексею: «А Федыка твой с саблей да в седле родился, что ли? Сколько, говоришь, ему от роду? Семнадцать? Ну, Алексей, удалый воин — твой сын, гляди, вскоре и затмит тебя отпрыск-то!»

Едва в коридоре послышались частые торопливые шаги, Алексей поднял свой угрюмый взгляд. В зал вошёл привратник и низко поклонился, едва переступив порог, затем снял шапку и прижал её к своей груди.

— Пётр Иванович Хворостинин прибыл из Рязани с наказами от государя, — доложил привратник, продолжая неловко кланяться.

— Зови его, окаянный, чего уж! — бросил Алексей, сжав кулаки в нетерпении.

Привратник тотчас же метнулся к дверям и скрылся в коридоре. Через несколько мгновений зашёл мужчина. Лицо было будто грубо выточено из цельного камня. До бороды и усов, закрывавших пол-лица, уже успела коснуться седина. Ростом Пётр был чуть ниже Алексея, но так же широк в плечах. Его твёрдая поступь, суровый взгляд, грубая обветренная кожа лица и рук выдавали в нём человека ратного. Гость имел при себе на поясе лишь кинжал полуметра длиной, за который он держался своей грубой рукой. Алексей встал из-за стола и большими шагами вышел навстречу своему ратному другу.

— Рад видеть тебя в доме моём! — радушно произнёс хозяин, обнимая гостя.

Фёдор, едва они встретились с гостем взглядом, плавным жестом пригласил его к столу, тут же посмотрев на холопа, прислуживающего при обеде. Тот тотчас принялся подавать кушанья и питьё. Басманов-младший занял своё место по правую руку от своего отца, гость же сел слева от Алексея.

— Томить не буду, а сразу прочитаю грамоту государеву, — произнёс Пётр, доставая послание, скреплённое царской печатью.

— Послание от великого князя Московского и всея Руси, государя нашего Иоанна Васильевича боярину Алексею Даниловичу Басманову и сыну его Фёдору. Божьей милостью был послан мне верный слуга.

Велено было держать осаду, но разбил ты татар и гнал их прочь, за что честь тебе и хвала. О подвигах твоих, о смелости твоей я давно наслышан, Алексей Данилович. Оттого радостнее было слышать мне о сыне твоём Фёдоре. Вижу, в жилах его течёт та же горячая кровь, что и в отце. Благословлён я, пока подле меня род ваш Басмановых. От имени своего и от всего сердца своего дарю тебе, Алексей Данилович, и сыну твоему за доблесть, за службу верную золотых монет. Велю явиться тебе и сыну твоему в Александровскую слободу, ибо нет мне кроме вас утешения в кромешном аду, что учинили мне изменники. Этот змеиный клубок давно надобно уничтожить да вымести с земли нашей святой. Оттого же велю немедля вам с сыном явиться на службу ко мне.

Закончив читать, Пётр глубоко выдохнул и поднял взгляд на Алексея.

— Слышал, Федя? — усмехнулся воевода и, обернувшись к сыну, потрепал его по голове.

— Да как же тут не услышать, — задумчиво протянул юноша.

Князь Пётр Иванович Хворостинин и так был желанным гостем в доме Басмановых, а с такими речами от самого царя уж и подавно. Трапеза продолжалась ещё часа два. Алексей долго расспрашивал гостя о том, кто ныне окружает государя, как его душевный настрой, кто кормит его лошадей — да вообще обо всём.

— Да тебе ли, Басман, не знать, какой настрой у Иоанна Васильевича! — на очередной вопрос рассмеялся Пётр, уже изрядно выпив. — Ты-то сколько служил у царя, не знаешь будто, какой нрав у него? Вот так же всё и осталось.

— Неужто у царя-батюшки настолько скверный нрав? — удивлённо спросил Фёдор, доливая гостю и отцу вина.

Пётр и Алексей дружно рассмеялись, и все трое подняли чаши.

— Избави нас, Господь, от гнева его! — воскликнул Алексей и осушил чашу разом.

— А ты, Федя, предстанешь когда перед государем, не дерзи, — предостерег Пётр. — Видел я тебя в бою, и парень ты смелый, но молод и горяч. Таких сейчас царь себе и собирает вместо старых бояр.

Юноша на секунду задержал взгляд на чаше в своей руке, пристально рассматривая содержимое. Вроде бы даже прислушиваясь к словам гостя. Но мгновение спустя вернул себе непринуждённый вид.

— Вот любопытно, что же с этими самыми старыми боярами стало, да, батюшка? — усмехнулся, переводя тему разговора, Фёдор. — Да хоть с Мишей Репниным.

— Даст Бог, не узнаешь никогда, — хмуро осадил сына Алексей, повелевая жестом налить ему ещё.

* * *

Москва укрылась белым снегом. На улице стояла такая студёная погода, что ставни в царских палатах были плотно закрыты. Духота наполняла весь зал. Наперебой звенели бокалы и раскатисто гремел пьяный смех. Скоморохи шныряли меж гостей, со свистом и взвизгиванием догоняя друг друга. Поодаль ото всех стоял Михайло, облачённый в пурпурный кафтан. Его твёрдый, слегка презрительный взгляд будто бы скользил поверх всего царившего вокруг бесчинства. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и потирал уставшие от пёстрых красок и беготни скоморохов глаза.

— Царь велит идти к нему! — громко крикнул из ниоткуда подкравшийся боярин.

Князь сглотнул и, стиснув зубы, последовал за боярином, который повёл его меж пьянствующих придворных и скоморохов, с одним из которых князь столкнулся лицом к лицу. И тут же на миг оторопел от ужаса, ибо возникшая перед ним маска была отнюдь не весёлой — исполосована глубокими морщинами, а глаза точно разъехались от старости или тяжкой скорби. Откуда только на царском пиру такие черти берутся?

Скоморох в этой жуткой маске точно забавлялся с князем и не давал ему дороги, торопливо и неуклюже переступая с ноги на ногу. Боярин же бесцеремонно толкнул шута, дабы князь наконец предстал перед государем.

Царь сидел на троне, заливаясь грудным смехом. Тёмные глаза, поблёскивая янтарными всплесками от пламени свечей и факелов, глядели на князя пронзительно и зло. Взгляд Иоанна Грозного, хоть государь и пил немало на пиру, был чист, ясен и пронизывающ. На вытянутом худом лице застыло страшное выражение безумия и безразличия. В почти чёрной у основания его бороде, переходящей в медную рыжину, блестела седина, но внешне государь вовсе не выглядел старо. Напротив, его резкие жесты, раскатистый смех, пытливый взор — всё говорило о том, что человек пред вами живого и пылкого разума, преисполненный духовной силой. Когда государь веселился на пирах, его улыбка, как и сейчас, скорее походила на оскал. Длинные пальцы, унизанные перстнями, неравномерно стучали по столу.

— Кому ты служишь, Михайло? — спросил он, чуть наклонив голову набок, подпирая лицо рукой.

Голос царя выделялся из сотни голосов, что бесновались сейчас в палате под расписными сводами. Этот глубокий, звучный голос,

имевший силу и стройность, звучал ровно и величественно. Князь насилу поднял взгляд и невольно стиснул зубы.

— Я ваш верный слуга, царь-батюшка, — ответил князь с поклоном. — И нет врагов у вас, государь, среди подданных ваших.

Не успел князь договорить, как в него была брошена пёстрая маска, сродни тем, что сейчас заливались пьяным хохотом на пиру, прыгали друг через друга, ползали под столом и под ногами.

— Так развесели меня в этот вечер! — с широкой улыбкой, но сквозь зубы произнёс царь. — Гони эти дурные мысли из моей головы! А мыслей дурных и скверных так много нынче на душу легло!

Царь положил руку себе на сердце. Князь схватил на лету брошенную ему маску и метнул на неё взгляд, полный гнева и презрения.

— Да чтобы я, боярин, стал безумствовать и бесчинствовать?! — Михайло швырнул маску на пол и тотчас же развернулся.

Не успел он сделать и шагу, как вновь столкнулся лицом к лицу с безобразной старухой. Даже в грохочущем шуме веселья князь слышал, как за его спиной государь заливается смехом, в котором льётся горячее безумие. Свежий воздух обдал Михайло — на мгновение в глазах потемнело после удушливого жара на пиру. Князь огляделся, стоя на высоком крыльце. Двор был припорошен белым снегом и спокойно мерцал под светом от факелов и фонарей у ворот и во дворе.

* * *

Солнце ещё не взошло. Раннее морозное утро застыло в трепетном ожидании нового суетного дня, когда князь взошёл на крыльцо церкви, но ему не суждено было переступить порог. Михайло осенил себя крестным знаменем, сзади послышались шаги, приглушённые снегом. Князь не успел схватиться за кинжал на поясе, как сталь вражеского клинка, припрятанного под плащом, пронзила Михайло под сердцем. Поворот клинка в ране, и удар в шею. С его губ сорвался отчаянный хрип, и ему вторил крик ужаса прихожан, обернувшихся во время службы.

Убийца вытер клинок об одежду князя и спрятал оружие в рукав. Никто не видел его лица под чёрным капюшоном, опущенным до самых глаз, а если бы кто и видел широкое лицо с неподвижными угрюмыми бровями, то ни за что бы не сознался. Чёрная фигура сошла с паперти, оставив тело князя прямо на пороге церкви, и исчезла в проулках московских дворов.

В тот же день под расписными сводами зала, ещё не остывшего от праздного веселья, царь восседал на троне, слушая своего приближённого, подперев рукой лицо.

— Хворостинин передал ваши речи и дары, государь, — доложил с поклоном мужчина в скромном облачении. — Басмановы вскоре придут в Слободу.

Мужчина говорил гудящим басом. По его раскрасневшемуся лицу казалось, что он только вернулся с мороза. Густые тёмно-русые волосы нависали над узкими глазами.

— А князь Репнин? — спросил царь, не давая договорить.

— Отделан, — коротко кивнул мужчина. — На пороге церкви.

Государь тяжело вздохнул, прикрыв глаза.

— Отдайте сорок рублей на помин души, — он отмахнулся медленным жестом.

Слуга удалился с поклоном, оставив государя наедине со своими тяжёлыми мыслями, которые не оставляли ни днём ни ночью.

* * *

Когда опускалась тьма, в каждом шорохе слышался заговорщицкий шёпот. Под холодным мерцанием далёких северных звёзд Иоанн лежал в своих покоях, не в силах совладать с теми страхами, что наполняли его сердце. Виски наливались тяжестью, тело ломило от усталости, но глаза, утомлённые в дневных трудах, не смыкались. Царь в немощном иступлении пялился на своды своей опочивальни в тревожном ожидании и трепетной надежде, когда же наконец придёт долгожданный покой.

Как и раньше, за порогом виднелись тени — полоса света, пробивающаяся под массивной дверью на тяжёлых стальных петлях, дрожала и прерывалась, точно прямо сейчас кто-то выжидает за дверью. Слышались голоса людей, которые говорили украдкой, тихо, монотонно бормоча что-то, скрываясь за дверьми. Стражники, денно и ночью сторожившие покои царя, божились, что нет никого у царских покоев. Это лишь сильнее смущало государя. Теперь он понимал, что эти тени охотятся лишь за его душой.

— Прочь! — сквозь зубы скрипел царь, бормоча на грани помешательства, но тени не исчезали, и голоса всё обсуждали, как бы известить мать наследника престола, а уж с дитём-то совладать сумеют.

Когда-то царь полагался на оружие, выкованное из стали, и даже в собственных покоях всегда был готов вцепиться в рукоять ножа или меча. Однако ночь за ночью он слышал голоса людей, давно отдавших свою душу Богу или дьяволу. Эти голоса шептались о кончине матери Иоанна, о том, как сгубить юного наследника престола русского. Когда маленький царевич, запуганный криками и руганью бояр, прятался по углам собственного дома, своей спальни, эти голоса преследовали его громовым басом тогда и слышатся сейчас в отголосках ночных теней. Теперь

же Иоанн знал, что это не люди и тела их не из плоти, и оттого кровь стыла в жилах, когда он, просыпаясь посреди ночи, слышал эти голоса, что призывали его, будили, подбирались к нему так близко, что их холодное дыхание касалось его кожи. Эти бесы шептали о тех грехах, которые государь взял на свою душу, неся свой крест. Лишь под конец ночи выдавались несколько часов поверхностного чуткого сна, когда тело изнурялось тревогой и душевными метаниями настолько, что даровало Иоанну пребывать в небытии, прежде чем встретить новый день.

Солнце уже поднялось, и свежий снег искрился под копытами резвых лошадей, что неслись вперёд. Всадники мчались в Александровскую слободу, протаптывая следы на дороге. То, с какой расторопностью привратники бросились отворять огромные ворота, едва заметив их вдали, говорило о том, насколько желанны эти гости. Лошадь Алексея Басманова стала сбавлять шаг за воротами, и всадник спешился, оглядываясь вокруг, в то время как его сын спрыгнул с лошади едва ли не на полном ходу. К гостям тотчас же подбежали конюхи, принимая поводья и хлысты.

— Как думаешь, управятся? — спросил Фёдор, со снисходительной насмешкой глядя вслед конюхам.

Алексей поднял взгляд на крыльцо, где их ожидала величественная фигура в одеянии цвета густой крови. Плечи и лицо царя скрывались в холодной тени. В руке он держал длинный резной посох с острым набалдашником. Золотые узоры поблёскивали там, где длинная шуба была открыта лучам солнца. Царь медленно вышел полностью на свет. Глубокие морщины на лбу чуть разгладились, когда он устремил тяжёлый взгляд глубоких глаз, которые сейчас казались чёрными. Сперва царь взглянул на Алексея, кратко улыбнувшись своему верному слуге и другу. Ещё не спустившись во двор, государь перевёл взгляд на сына Алексея.

Фёдор стоял без шапки, и его густые волосы растрепались от езды и закрывали лицо. Ясным, твёрдым взором он ответил на пытливый взгляд тёмных глаз. Для того чтобы удивить государя, хватило, чтобы новый слуга был способен вынести царский взгляд.

На мгновение у Иоанна точно пробудилось какое-то снисходительное любопытство — юноша в худшем случае просто глупец, не познавший ещё, как должно смотреть на самодержца. Ростом государь был выше Алексея, и это при том что Басманова-старшего другие воеводы и вовсе считали богатырём. Едва царь спустился, Алексей тотчас же принял его руку, унизанную крупными перстнями, и припал к ней губами, после чего они обнялись, точно не были один на службе другого. Затем Иоанн безмолвно обернулся на Фёдора.

Когда царь протянул юноше свою руку, тот мягко взял её, осторожно поцеловал перстни и, прежде чем отстраниться и выпрямиться, пару мгновений вглядывался в переливы света в драгоценных камнях.

— Значит, вот каков первенец-то твой? — спросил Иоанн, оценивающе рассматривая Фёдора с ног до головы.

Алексей усмехнулся в бороду себе под нос, да ничего и не ответил — лишь пожал плечами.

— Как звать, говоришь?

— Фёдор, — ответил юноша, хотя царь явно обращался к его отцу, и Алексей уже было открыл рот, чтобы ответить государю.

Иоанн на мгновение замер, и лицо его озарилось удивлением. Он вновь перевёл свой взгляд на юношу, после жестом велел и отцу и сыну следовать за ним. Не успели они пройти до половины лестницы, раздалось громкое лошадиное ржание. Фёдор вздохнул и с лёгкой усмешкой развернулся обратно.

— Говорил же, куда им совладать с ними? — пробубнил себе под нос юноша, направляясь к конюшне.

Конюхи тем временем пытались усмирить дикий нрав разгорячённой лошади, но животное бесилось, точно сорвалось с цепи. Её тяжёлые копыта бились в воздухе, чуть не задевая испуганных холопов. Фёдор еле заметным жестом разрешил конюху отойти, затем взял у него из рук длинный хлыст, которым несчастный слуга беспомощно размахивал, безуспешно пытаясь унять дикое создание. Юноша пронзительно громко свистнул и с неожиданной силой ударил хлыстом по земле. Лошадь обернулась на резкий звук, продолжая яростно топтать свежий снег и беспорядочно метаться по двору. Фёдор медленно следовал за ней, постепенно приближаясь к взбешённому животному.

— Сколько лет уже Феде? — спросил Иоанн с задумчивой улыбкой, стоя на крыльце.

— Семнадцать этой весной исполнилось, — вздохнул Алексей.

— И в его-то годы он имеет ратные подвиги? — с некоторой насмешкой спросил царь.

— Вы послали князя Хворостинина с речами царскими, с похвалой, а теперь потешаетесь?

— Теперь я увидел сына твоего воочию. Руки больно нежные для ратного дела. — Иоанн сложил руки замком и опёрся ими о перила, наблюдая за попытками юноши успокоить разбушевавшуюся лошадь.

Резкий свист хлыста снова рассёк холодный воздух и разнёсся по двору, мешаясь с криками конюхов и ржанием лошади, которая беспорядочно металась у конюшни.

— Но смел не по годам, — добавил царь, глядя на то, как Фёдор резкими выкриками и ударами хлыста смиряет лошадь. — Не боишься за сына?

— Да что ж вы, батюшка, в самом деле-то? Неужто считаете, что сын Басманова с одуревшей кобылой не управится? — усмехнулся Алексей.

— Так сам ведь и выбирал! Говорил я тебе, Алёша, говорил, что скверных лошадей берёшь, буйных да упрямых.

— Поглядим-поглядим, батюшка, как мой сын безбородый совладеет с ней, — самодовольно усмехнулся Алексей, и лицо его озарил проблеск гордости. — Посмотрим, кто нравом круче будет.

Тем временем Фёдор оттолкнул прочь нерадивого чернявого конюха да сам ухватился за поводья. Оторопел холоп да перечить воле гостя не стал. Лошадь едва не сбивала его с ног, но юноша смог устоять. Ещё несколько ударов хлыстом — и лошадь засемила в конюшню.

— Тише, тише! Чего буянишь? — ласково произнёс Басманов-младший, наматывая поводья на кулак, а второй рукой успокаивающе похлопывая лошадь по крупу.

Лошадь ещё раз взбрыкнула, но юноша совладал и с этим выпадом. Фёдор ни на секунду не ослаблял своей хватки, уводя животное к конюхам. Откинув снова растрепавшиеся волосы назад, Фёдор, довольный собою, направился к лестнице, где стояли отец и государь. От его глубокого дыхания поднимались облака пара.

— Больно резки лошади ваши. Отчего же не выбрать коней вам покладистых? — спросил царь.

— Спорить глупо, порода резкая, — согласился Фёдор. — Да уж свыклись с природой их. Исмаильтская кровь — нрава непокорного, не всякому под силу оседлать. Да только как овладеешь ими, так на иных лошадей и смотреть не захочешь. Всё не хватать будет резвости и удали их.

Иоанн остановился и выдержал молчание, которое повисло в холодном воздухе, точно хотел было что-то сказать. Ещё утром тонкий покров свежего снега не был тронут, а сейчас белоснежный ковёр взъерошен и смешан с землёй. Но, быстро сбросив мимолётное задумчивое оцепенение, государь последовал дальше.

Все трое поднялись в палаты, где уже были накрыты столы. Басмановых принимали не просто как храбрых воинов, а как верных друзей самого государя. Стольники то и дело обходили гостей, подливая им пьянящие греческие вина. А за окном крепили морозы. Эта зима обещала быть особенно суровой для Руси.

Глава 2

Александровский кремль помнился совсем ещё юному Иоанну обителью мягкого тёплого света. Он знал эти белокаменные стены, которые мальчику казались непомерно огромными, точно они вот-вот коснутся небесной тверди, что сияла чистой лазурью тёплым летом. Запах сочного луга навсегда смешался с льющимся с неба жаром солнца. Во дворах и вдоль дорог цветы раскрывались навстречу небесному светилу, тянулись к нему и благоговейно кланялись, едва ветерок качнёт их головы. Зимой же снега выпадало так много, что он мог доходить царевичу едва ли не до подбородка. Порой он летел мягкими хлопьями, и можно было лепить снежки. Временами сыпался коварный сухой снег, который мог таить под своим воздушным покровом скользкий лёд.

Тёплые прикосновения матери, которая кутала своё дитя с любовью и с трепетом, хранились в сердце Иоанна.

И хоть время то давно миновало и много зим разделяли царя от тех дней безмятежной детской весёлости, Александровский кремль оставался излюбленным местом царя.

Но ни эта, ни какая другая крепость не смогли бы защитить мать Иоанна от зол заговорщицких.

В слишком раннем возрасте и слишком ясно это понял государь. А потому и приблизил к себе только тех воевод, кому он мог верить. В царской свите много можно было встретить безродных, но верных, точно псов, вояк и слуг. Родовитые семьи отныне не имели почёта, и власть их упразднялась год за годом, и место старых бояр занимали новые люди. Одним из таких подданных был Алексей Басманов. Ему было за пятьдесят, и большую часть жизни он служил государю, за что был удостоен многих наград, но главное — расположением государя. Голос Алексея имел вес при дворе как в ратном, так и в государственных делах.

Иоанн тепло принял ко двору и сына Алексеева, Фёдора. Об удали юноши государь был наслышан от других воевод — последние вести пришли о сражении под Рязанью.

И вот минуло пару дней с приезда Басмановых в Александровскую слободу, и царь велел явиться им обоим. Когда отец и сын зашли в зал, Иоанн восседал на троне, сильно ссутулившись, подпирая рукой худое лицо. Государь поднял взгляд, глубоко вздохнул, выпрямился и сел несколько ровнее, глядя на прибывших к нему. Облачение государя более всех удивило Фёдора. Алексей-то уже привык за долгие годы службы видеть царя всея Руси в скромном одеянии монаха, с чёрной шапкой на голове. Лишь золотой крест да перстни на руках сверкали

тем величием, коим был наделён Иоанн. Отец и сын низко поклонились.

— Кому ты служишь, Басман? — спросил Иоанн, обращаясь взглядом к Алексею.

— Вам, государь. И нет мне указа иного, и не будет мне суда иного, кроме Суда небесного, как не перед вами, — ответил Алексей.

— А ты, Фёдор, Алексеев сын? — спросил царь, переводя свой пронзительный взгляд на юношу.

— Великий государь, великий князь Московский и царь всея Руси, каков же будет мой ответ, как не вам? — произнёс Фёдор, чуть поклонившись. — Тело моё, кровь моя, мысли мои и деяния, воля и душа принадлежат вам, великий государь.

Царь едва заметно приподнял брови, слушая клятвы Басмановых.

— Лишь Господь Бог ведаёт, идут ли слова от сердца вашего. Да будет мне карой Господней, если обманут буду вами. Некого мне держать подле себя, — вздохнул государь, покачивая головой. — Окружён я злобой людской, подлым ядом в чашах, что подают мне иудины руки. Нужно мне войско, свирепее коего не будет на земле Русской. Вместо бояр со скотской их алчностью да злобою новые люди будут, что вверят мне всех себя. Лишь так не дадим Русь разорвать врагам.

— Мы с вами, государь, — твёрдо произнёс Алексей.

— Вас мало, — царь мотнул головой, медленно перемещаясь тяжёлым взглядом с отца на сына.

— Будет больше, — всё тем же непоколебимо уверенным голосом добавил Алексей. — Мы, безродные, лишь вашей милостью и щедротами государевыми и спасаемся. Не только кровопийцы эти именитые по земле Русской ходят, но честные христиане, что чтят и поминают вас, государь, в утренней и вечерней молитвах. Вы наш государь, наше спасение и оплот наш.

— Вырвать бы язык твой, коли лжёшь, — прорычал царь, но губы его озарила краткая улыбка.

— Ваша щедрость погубит вас, государь, — Алексей точно не слышал угроз царя. — Погубит вас, а нет нам спасения, нет и не будет надежды всей земле Русской без вас, государь. Избалованы бояре, вон что учинили со страной! Плехи чёртовы, сидят в имениях своих, да будто бы на службе, скоты. Доброе сердце ваше, государь, но чем отплатили бояре? Добром ли?

— К чему ты ведёшь, Алёша? — хмуро спросил царь.

Жилы на руках его напряглись, едва Басманов стал поносить бояр.

— Да к тому, что пожалованы были им имения, цветущие луга да поля, да земля плодородная, что палку воткни — и та зацветёт.

— Желаете земель новых? — усмехнулся, точно оскалился государь, покручивая перстень на указательном пальце.

Лицо Иоанна порой искажалось, и один глаз щурился сильнее, чем другой, отчего взгляд казался страшнее.

— Не за себя прошу, — положи руку на сердце, клятвенно произнёс Басманов, — а за тех, кто придёт к тебе безродным оборванцем на службу. Знаю я людей, в чьих сердцах и душах и Бог есть, и ко служению вам, государь-батюшка, готовы, что хоть завтра на смерть во имя ваше бросятся без оглядки. Пока они верны вам, пушай имения их и будут за ними.

— За что ценю тебя, Лёшка, так за дерзость твою, — государь кивнул пару раз. — Ежели не лжёшь ты, веди ко мне этих людей. Лишь Бог ведаёт, как сердце моё, израненное изменами, жаждет видеть их. Будут наградой им земли и поля.

— Да уж, велика награда, ничего не скажешь, — произнёс Фёдор, глубоко вздыхая, блуждая праздным взглядом по расписным узорам палаты. — Велика, куда деваться!

И царь, и отец Фёдора с удивлением обернулись на юношу, который всё это время сидел безмолвно. Едва Алексей набрал воздуха, явно чтобы пресечь дерзость сына, государь резким жестом велел воеводе молчать.

— Вижу, Федька твой и в самом деле смел не по годам, — произнёс Иоанн, немного меняя своё положение на троне. — Оттого хочется же послушать, что же на уме у него.

Фёдор вскинул бровь, точно дивился уделённому вниманию от государя. Он обернулся к царю, встретившись с ним взглядом. Ясно-голубые глаза были полны лёгкости, но вместе с тем во взгляде, в изгибе чёрных бровей отчётливо читалась горделивость и дерзость. Иоанн глядел в эти глаза с еле заметной усмешкой, про себя пытаясь понять, ведаёт ли юноша, с кем сейчас говорит.

— Велика награда, государь, — повторил Фёдор, не опуская глаз, притом слова произнёс чуть медленнее и мелодичнее.

Государь улыбнулся краем губ. Казалось, сам воздух замер, лишь эхо разносилось по залу. Наконец царь плавно взмахнул рукой — перстни на его пальцах блеснули в свете факелов.

— Будь моя воля, — с коротким поклоном продолжил Фёдор, — оставил бы бояр в покое с хлебом их, пусть себе возделывают земли. Неужто не отдадут они хлеб, что вырастили на земле нашей? Так пусть попробуют не отдать, в самом деле, — усмехнулся Фёдор, улыбаясь мимолётной мысли.

Юноша выжидал, чтобы государь мог молвить своё слово, но тот, очевидно, предпочёл сейчас слушать, нежели изъяснять волю свою.

— Мороки больше с ними, — со снисходительным пренебрежением, и уголок губ слегка дрогнул. — Да и к чему нам земли эти? Куда ценнее угодыя есть.

— И какие же? — спросил государь, подпирая рукой голову.

Его лицо сохраняло следы весёлого интереса, порождённого насмешкой, но вместе с тем государь в самом деле внимал речи своего юного советника.

— Вдоль рек, — голос Фёдора будто бы изменился, скинув с себя насмешку и тщеславие. Голос стал холодным и решительным. Взгляд продолжал наблюдать за государем, будто бы касался ногой тёмной толщи льда, проверяя прочность. — Будет много лучше, — продолжил Фёдор, чуть приподняв руки, разведя их в стороны, — ежели послов иноземных да торговцев будут встречать слуги верные, нежели вороватые черти боярские. Зачем боярам с иноземцами якшаться, как не ради измены? Мы сами встретим дорогих гостей и сами проводим их до портов речных.

Иоанн несколько раз провёл своей рукой по бороде, перебирая пальцами жёсткие пряди цвета тёмной меди.

— Что же ты молчишь, Алёша? — спросил Иоанн, переведя свой взгляд на старшего Басманова.

— Так что ж тут скажешь? — произнёс Алексей. Хоть воевода и пребывал в замешательстве, потерянным его нельзя было назвать. Суровый взгляд был прикован к сыну всё время, пока тот произносил свою речь с неподобающей непосредственностью.

— Неужто нечего? — спросил царь, вкрадчиво улыбнувшись.

Алексей метнул холодный взгляд на сына, после обратно на государя.

— Воля ваша, государь. И лишь вам решать судьбу нашего отечества, — ответил наконец Алексей.

Царь едва заметно покачивал головой, рассматривая переливы света, который струился в драгоценных перстнях.

Вечером того же дня Алексей Басманов уже готовился отойти ко сну, когда ему доложили, что сам государь желает его видеть. Ночные советы не были редкостью для воеводы. Тяжёлые шаги его гулко разносились по коридору. Через несколько минут он уже дважды стукнул в тяжёлую дверь царских покоев. Иоанн сидел за столом, заваленным пожелтевшими бумагами. Они закручивались, точно прячась от света одинокой свечи на столе, но рука царя разглаживала их, вчитываясь в чёрно-серые строки чернил.

— Курбский иного мнения, — произнёс царь, не поднимая головы. — Говорит Андрюша, мол, хлеб — всему голова. Держать надо эти земли и как зеницу ока хранить.

— Неужто Андрюша нынче великий князь? Али царь он? — усмехнулся Алексей. — Во всём будет воля ваша.

Иоанн поднял взгляд на Басманова и слегка мотнул головой.

— Была б воля моя... — тяжело вздохнул царь, откладывая перо и потирая переносицу. Кончики пальцев были испачканы чернилами, а тяжёлые веки закрывались, точно налитые свинцом. — Была б моя воля, не был бы я ни царём, ни государем, — почти прошептал Иоанн. — Но раз послан Богом мне этот крест, стало быть, по силам он мне.

Алексей молчал, не решаясь сказать что-либо.

— Наказал Господь меня за гордыню, за гневливость мою, чёрт знает, за какие ещё грехи, — вздохнул Иоанн, поднимаясь из глубокого деревянного кресла. — Наказал, и кто знает, кого ещё хоронить мне придётся. Родителей обоих схоронил, жену и детей хоронил...

Государь загибал свои длинные пальцы, на которых поблёскивали камни и металл. По мере того как он проговаривал эти слова, он водил взглядом по полумраку покоев, точно читал ответы, написанные невидимыми чернилами на сводах и стенах.

— Ты же не терял детей, Алёша? — царь направил мутный взгляд на Алексея.

— Нет, государь, — ответил Алексей. — Простите, Иоанн Васильевич, дерзость Федькину, уж как ни держу его в чёрном теле, язык его порой вырвать на корню хочется!

Видя, как его слуга, при всём своём суровом нраве, оправдывается словно ребёнок, царь не мог, да и не хотел скрывать тихого смеха. Лицо его быстро переменялось, теперь оно вновь было полно жизни и едва ли не беспечности. Он медленно простёр одну руку, второй опираясь о широкий стол. Алексей тотчас же в поклоне припал губами к перстню государя.

— Полно, полно... — произнёс царь. — Не держу зла ни на сына твоего, ни на тебя, Алёша. Припоминаю себя в его летах. Нрав у него под стать породе вашей, басманской, резвый, ничего не сказать. Таких людей желаю видеть подле себя, ныне и впредь. Ступай, — царь махнул на дверь. Алексей повиновался и вышел вон.

К следующему дню все воеводы, созванные государем на службу, явились в Александровскую слободу. На непокрытых дубовых досках стояла обильная, но простая постная снедь. Место государя во главе стола пока оставалось пустым, и к пищи никто не смел притрагиваться без молитвы, которую начнёт сам государь.

Алексей Басманов занимал место по правую руку от царского трона, Фёдор же сидел подле своего отца. За столом уже гудели громкие беседы. Бывалые воины кичились своими ратными подвигами. Алексей со всеми похвалялся Рязанью и другими походами. Басманова уважали за доблесть в бою, но нрав его не полюбился многим. Своими ли руками либо советами государю сгубил немало жизней.

Фёдор, казалось, был слишком молод для этого застолья. Но он давно являлся закадычным другом воинов и князей. Благодаря обескураживающей удали в бою и весёлости на пиру Фёдор здесь был почти своим. Рядом с государевым местом пустовало ещё одно, и когда разошёлся шум праздной болтовни и горделивого хвастовства, в зал зашёл человек, несколько усмиривший общий гул.

Мужчине было немного больше тридцати лет. Широкое княжеское одеяние окутывало его стройную фигуру. Светлые усы и борода перебивались редкой сединой. Серые глаза его имели аккуратную миндалевидную форму, внешние уголки несколько печально опускались вниз. Он сел на своё место, напротив Алексея. Едва ли холодные взгляды и короткие кивки, которыми они обменялись, можно было счесть приветствием.

Фёдор же и вовсе, казалось, был всецело увлечён беседой с князем по левую руку от себя и будто бы и вовсе не заметил появления нового человека за столом, в то время как пришедший бросил короткий скользкий взгляд на юношу, да и отвернулся.

Гул начал стихать, едва в дверях показались рынды, чьим долгом являлось сохранение государя от стрелы и меча. Двое юношей переступили порог, обойдя стол с двух сторон, встали за тронем, крепко сжимая в своих руках копья. Следом за ними шёл государь, облачённый в чёрное, поблёскивая золотым крестом на груди и драгоценными перстнями. Он пронёсся темной тенью мимо столов, точно коршун. Трепетание его одеяний разносилось в гробовом молчании, хотя несколько мгновений назад в палате царили шум и гам. Заняв своё место во главе стола, государь перекрестился, дав знак своим придворным. Иоанн низким голосом читал строки молитв, склонив голову вперёд, и осенил крестным знамением трапезу.

Во время обеда царь, по обыкновению своему, хмуро поглядывал на людей за столом, приподнимая правую бровь. Он вглядывался, точно вычитывал в каждом жесте, в каждом выражении лица какие-то знаки, которые окутывали весь стол тонкой паутиной.

— Отныне будет заведён новый порядок, — голос царя нарушил тяжёлую тишину.

Алексей вытер рукой усы и обернулся, откинувшись назад, явно давая понять остальным, что он знает, о чём сейчас пойдёт речь.

— Как царю и великому князю всея Руси, должно мне держать свой обет перед Богом на небе и перед народом на земле. Дабы отечество наше, обескровленное и разграбленное, сохранилось, не досталось врагу татарскому али ливонцу, собрать надо мне войско. Вам я верю, как самому себе. Я ваш царь, отныне и впредь нет у вас иного господина, кроме Бога нашего. И слушайте волю мою — будет дана вам милость моя, и будете вы вершить суд мой, и будете вы карать и миловать именем моим. Измену рвать на корню будем! Проклятых бояр, как псов поганых, давно пора гнать прочь, прочь от рек. А поместья их отдам слугам моим верным.

— Так как же так, государь? — спросил мужчина, который сидел напротив Алексея Басманова. — Мы ж держали совет, как же мы отдадим хлеб наш, поля наши?

Царь перевёл взгляд на своего советника, окинул его взглядом с головы до ног, и лёгкая тень улыбки дрогнула в уголке его губ.

— Не перечь, Андрей. Оставим бояр в покое с хлебом их, — произнёс Иоанн, поднимая свой пустой и вместе с тем замороженный взгляд поверх голов своих слуг, — пусть себе возделывают. Неужто не отдадут они хлеб, что вырастили на земле нашей? Так пусть попробуют не отдать, в самом деле, — ухмылка царя наполнялась жестокостью, а взгляд плавно передвигался по высоким сводам.

— Мороки больше с ними, — произнёс Иоанн, наконец опуская свой взгляд на Фёдора.

Юноша чуть не поперхнулся. Но вовремя совладав с собой, немного приподнял бровь, слушая доводы, исходящие от государя, будто бы впервые слышал эти слова. По лицу Фёдора можно было прочесть и приятное удивление, и нескрываемое самодовольство, которое едва ли вообще сходило с его лица.

За столом повисло молчание, разносился лишь тихий стук посуды — воеводы стучали ложками по дну тарелок да ставили чаши на голые доски. Алексей Басманов перекинулся парой острых взглядов с мужчиной напротив, и тот отвечал тем же.

Фёдор же жестом подозвал к себе кравчего, велел налить вина. Подбежавший холоп с поклоном исполнил безмолвную просьбу, не поднимая взгляда. После этого Басманов-младший поднялся со своего места с чашей в руках и сразу отшагнул, что пришлось как нельзя кстати. Будь сын менее расторопным, отец тотчас бы осадил его.

Мужчина со светлыми волосами и бородой, сидевший напротив Басмановых, даже улыбнулся, глядя на поведение Фёдора.

А юный Басманов, в самом деле, привлёк к себе много взглядов, подойдя прямо к государю. С наибольшим любопытством на Фёдора глядел сам царь. Иоанн бросил короткий взгляд на старшего Басманова, который, казалось, готов был в любой момент ринуться к сыну и за шиворот оттащить его, но всё никак не решался, ведь поднимать суету подле государя не следует, особенно во время трапезы.

А тем временем Фёдор коснулся левого плеча и медленно поклонился, глядя в глаза государя. Иоанн не знал, что такого было в этих ясных глазах, полных лазурного неба. Он не мог понять, как это выражение белого лица, эти соболиные брови вразлёт, как они, будучи преисполнены горделивой надменности, вызывали трепет, точно перед весенними цветами, робко открывающими свои лепестки из бутонов. Когда Фёдор протянул государю чашу, князь, сидевший подле того, не сдержал усмешки и замотал головой.

— Сядь, Федя, — произнёс он. — Не приемлет государь наш из рук чужих пития.

— Отчего же, Андрюша? — спросил государь, касаясь кончиками пальцев серебряной чаши, поданной юношей. — Отчего же в этот день не преисполниться веры, что за страдания мои послал Господь мне всех вас, верных слуг и честных христиан?

Фёдор выпрямился в полный рост, но не спешил отходить от трона. Он мельком взглянул на своего отца, который явно был в смятении от выходки своего сына.

— Отчего же, Андрюша, скажи-ка мне на милость, — спросил Иоанн, оборачиваясь к князю, подаваясь к нему вперёд, — нельзя верить мне, что отныне окружён я людьми добрыми и верными?

Андрей слегка свёл брови, внимая речам царя, и так и не дал ответа.

— Ежели яд здесь, за этим столом, в кушанье, питье, в умах али сердцах, — произнёс государь, откидываясь обратно на спинку трона и оглядывая собравшихся за трапезой, — всё одно — погибель моя.

С этими словами он осушил чашу залпом, глубоко вздохнул и закрыл глаза, будто бы ожидая ту погибель, что разила, точно молния.

— Не погибель мы ваша, но спасение и опора, — тихо произнёс Фёдор.

И хоть голос юноши прозвучал едва слышно, напряжённый слух царя уловил эти слова, хоть и не подал виду, как и Фёдор сделал вид, что вовсе ничего и не говорил. Он обернулся к отцу и занял прежнее место.

Глава 3

Ветра не было. Алексей Басманов гнал своего коня тугим хлыстом, заставляя его быстрее мчаться по дороге. Воевода задержался в Слободе, раздавая поручения по приказам. Прибыли новые люди в царское служение. Как человек ратный, Басманов отдавал короткие приказания, с которыми прибывшим стоило управиться до его возвращения, а там уж можно было и обстоятельнее дела толковать. Хоть Алексей и старался быть кратким, он упустил много времени в изъяснениях и оттого и спешил пуще прежнего в усадьбу, где, по доносам, затаился изменник-казнокрад. Князь был признан, не без голоса и самого Алексея, виновным в тяжких грехах, и прегрешения эти было должно искупить.

«Ох и служба наша тяжкая...» — думалось Басману, пока мчался он сквозь заснеженную тропу.

Конь пробивал своими широкими копытами дорогу, Алексей же читал следы недавних всадников. Видимо, поспеет на подмогу ратным друзьям своим. Вдали слышались крики, и в безветренном морозном воздухе поднимались две ленты сиреневого дыма. Уже издали Алексей увидел, как на горизонте, заваленном белым снегом, вырисовываются чёрные зубья ворот усадьбы, куда он держал путь. Чем ближе подъезжал воевода, тем лучше его старые, но всё ещё зоркие и ясные глаза высматривали ту разруху, что говорила о разгоревшемся бое.

Ворота выбиты, и почерневшие щепки от них валялись по всему полю битвы. Снег испачкался кровью и гарью. На полном ходу Басман оголил саблю и бросился рубить изменников, что противились воле царской. Откуда-то раздались громкий взрыв и треск, перепугавшие коня под Алексеем. Животное встало на дыбы, открывшись для вражеских копий. Алексей выправил коня и тотчас же спешил, боясь не удержаться в следующий раз.

Едва воевода твёрдо встал на ноги, на него набросились здоровые мужики. Кольчуг у них не имелось, но остолопы были непомерно велики ростом да размахивали молотом с такой силою, что Басман едва успел уклониться. Мигом позже — и не стало бы его на земле. У одного из здоровяков лицо залилось кровью. Полагаясь на какое-то чутьё, он размахивал тяжёлым молотом, не давая и шагу ступить к дверям барского дома.

Выждав, когда мощный удар обрушился в шаг от Алексея, воевода лихо рубанул по плечу мужика. Тот взревел медведем, когда сабля врезалась в его плоть, и тут же схватился крепче за своё оружие, замахиваясь над головой. Алексею хватило сил вырвать саблю из тела своего врага, но воевода усомнился, чело-

век ли перед ним. Отступая назад, Басманов чуть было не споткнулся о тело.

Алексей на мгновение опустил взгляд под ноги, и резкий удар противника пришелся на кисть, выбивая саблю. Басманов зарычал от боли, но его крику вторил и рёв нападавшего. Прежде чем вспышка адского огня в руке утихла немного и помутневший от боли взгляд мог различать фигуры, мужик выронил свой молот на землю, ибо не мог более сжимать его рукоять в своих руках. Когда Алексей понял, что происходит, то не мог уже отвести взгляда. От изумления.

Прямо между ним и здоровым молотоборцем стоял Фёдор. Юноша сутулился, руки крепко сжимали саблю, окрашенную вражеской кровью. Он медленно обходил здоровяка, не сводя с него сурового взгляда, горящего, точно у зверя какого. Верзила тем временем не мог поднять своего оружия, хотя оно лежало на земле рядом с ним. Алексей напряг глаза и понял, что Фёдор не просто ранил врага, а отрубил ему два пальца.

Юноша не сводил взгляда с громилы. Фёдор поводил плечами, лицо скрывалось за чёрными волосами, в которых осела сажа, со слипшихся прядей капала кровь. Едва мужик нашёл в себе силы поднять голову, вмиг Фёдор подлетел к нему и в один удар пронзил насквозь. Доставая свою саблю из тела поверженного, он упёрся ногой в плечо, и Алексей заметил, что сапог на икре сына рассечён, открывая глубокую рану.

Лишь после того, как Фёдор прикончил врага, он обернулся к отцу, резким движением стряхивая кровь с ледяной стали своей сабли. Отец и сын, обменявшись лишь короткими кивками, бросились к остальным воинам, что рвались в барский дом. Усадьбу защищали отчаянно, оттого слуги государя точно почуяли сладостную наживу. Оборона редела с каждым ударом, люди падали замертво на крыльце, и через несколько минут ворота в дом изменника были выбиты.

* * *

Под расписными сводами царила тишина. Государь сидел в глубоком кресле в своём мрачном монашеском одеянии и подпирал голову рукой, чуть заметно постукивая пальцем по щеке. Взгляд, пронзительный и сосредоточенный, чуть заметно перемещался. Наконец Иоанн глубоко вздохнул, и, поджав губы, подался вперёд, протягивая руку к чёрной фигуре коня, и переместил её на доске. Не произнося ни слова, он сложил руки в замок, продолжая глядеть на фигуры, которые выстраивались сложным рисунком на поле. Напротив государя сидел Андрей Курбский, потягивая вино, разбавленное водой. Князь хмыкнул, вытирая усы тыльной

стороной ладони. Он чуть нахмурил брови, коснулся белой ладьи, но отвёл руку, оставив фигуру на месте.

— Нет уж! — усмехнулся он, сделав ход пешкой. — Не взять тебе меня. — Иоанн беззлобно тихо рассмеялся.

— И в самом деле... Надеялся, что ты утомился трудами в приказах. Иначе не одолеть мне тебя, — с некоторым сожалением вздохнул Иоанн.

— Труда всё меньше мне достаётся с того времени, как твои воеводы с битв вернулись. Вот на их долю приходится работы немало.

— Ты про Басмановых-то? — спросил царь, вскинув бровь, переставляя ферзя.

Курбский пожал плечами и сделал свой ход:

— И про них тоже.

Иоанн снова усмехнулся, мотая головой.

— Знаю я, что не ладите вы, — произнёс он, продолжая следить за шахматным полем. — Но полно об этом. Нечего вам с ним делить.

— Не в том дело, — вздохнул Курбский. — Ежели я что и ведаю в делах государственных, так это то, что совет держать с Басмановым нельзя. Алёша с сыном славны в бою, этого не отнять. Но держать совет с ними... — Андрей замотал головой.

Иоанн опустил взгляд и тяжело вздохнул.

— Что же думаешь? — тихо спросил царь, взяв фигуру чёрного ферзя и рассматривая его вблизи. — Неужто и они предадут меня?

— Пока кормятся с твоей руки — вряд ли, — ответил Курбский.

От этих слов государь сжал кулак и стиснул зубы, после чего поднял взгляд на своего друга и советника.

— Сколько служит Басман, не было у меня и тени сомнения в нём, — твёрдо произнёс Иоанн.

— Оттого тебя гnevят слова мои? — спросил Андрей, сохраняя холодный тон. — Я вижу пользу его на службе твоей. Но не позволяй ему вершить судьбы. Пусть он будет орудием воли твоей, но не более.

Иоанн замотал головой и поднял руку, призывая князя замолчать.

— Делай свой ход.

— Я это и делаю.

— Я не стану закрывать глаза, ежели против Басмановых что и будет, — твёрдо произнёс царь. — Я верю тебе, Андрей, как самому себе. Нет в твоём сердце лукавства и жестокости. Но если

Басмановы... — Нельзя, чтобы Басмановы... — тихо произнёс царь, будто говорил слова эти самому себе.

Курбский коротко кивнул, и остаток партии они провели в молчании.

* * *

Беспощадные морозы ударили своей когтистой лапой по Русской земле. От ледяного воздуха резало нос при каждом вдохе. Солнце разливало свой бело-калёный свет, и бесчисленное множество искр, что сверкали в толще снега, вторили ему. В воздухе поднимался густой пар, и в солнечных лучах он светился янтарём. Короткие порывы ветра колыхали поднимающийся поток, разрывая его на короткие клочья.

Треск дров, и высеченный с тем короткий сноп янтарных искр. Под чугунным котлом трещали брёвна, и жар от них поднимался вверх в морозном воздухе. Вода бурлила внутри, бросая обжигающие брызги.

Мрачная фигура государя величественно восседала на троне, за которым стояли Андрей Курбский и Басмановы. На царских плечах лежал широкий воротник, подбитый чёрным мехом. Голова государя, покрытая шапкой, оставалась неподвижной, и взгляд его, пустой и равнодушный, был обращён на площадь.

Двое бояр на службе государевой в чёрном облачении волокли под руки изменника. Лицо преступника было избито до неузнаваемости. Приближённые государя улюлюкали и кричали, предвкушая жестокую расправу, сам же царь оставался до удивительного невозмутимым и спокойным.

«Ещё одним подонком станет меньше...»

Иоанн поднял свой взгляд. Ему с возвышения были видны ближайшие терема и переулки, убегающие во все стороны от главной площади столицы.

«Сколько их таится ещё там, в закоулках? А в усадьбах?»

Тяжёлый вздох сорвался с его губ.

«Сколько ни ловить их, всё одно...»

Иоанн уже не смотрел на площадь, где приговорённый орал, из последних сил надрывая сорванное горло, клянясь в своей верности отчизне, пока его приговор зачитывал мужчина с рыжей бородой и широким суровым лицом. Его низкий, грубый голос провозглашал все прегрешения, которые осуждённый отрицал.

Пока царская свита и толпа горожан глядели на площадь, улюлюкая и прикрикивая, Иоанн блуждал взглядом по улицам, ведущим к площади. Его глаза бесцельно и со скукою бродили

из стороны в сторону, как вдруг сердце его замерло. Резкий холод, намного страшнее зимней стужи, пробил его насквозь, заставив сжать рукоять своего ножа на поясе. В одном из переулков стояла фигура. Лица государь не видел, её дрожащий, неясный образ мерцал, как и образы, что возникали за ней.

«Как они посмели явиться посреди бела дня?..»

Ужас, охвативший разум Иоанна, отступил, едва он услышал голос, обращённый к нему, но царь не расслышал слов. Государь перевёл взгляд налево, на склонившегося в поклоне Фёдора, который, однако, поднял голову в ожидании ответа.

— Повтори, — тихо бросил Иоанн, глядя на площадь.

— Просил я, государь, не угодно ли вам будет высечь того плута, которого мы с батюшкою привели на суд ваш?

Ни Курбский, ни отец Фёдора не могли слышать его слов.

— Плевать, — отмахнулся царь. — Всё одно, в кипятке ему вариться.

— Да как же так, что всё одно? — юноша удивлённо вскинул брови и схватился за сердце. — Злодея мы изловили по воле вашей. Возносим мы в своих молитвах хвалу небесам, что волю вашу царскую исполняем. Мечи наши кровью окропили, но не по злобе своей, не по слабости, но во имя ваше светлое. Одно нам утешение на службе этой нелёгкой — служение вам, государь великий.

Царь медленно шарил взглядом по тому проулку, где виделись ему образы лукавые, ныне растаявшие в зимнем воздухе.

«Не в вашей воле я... не в вашей!»

Лицо Иоанна озарилось слабой улыбкой, и Фёдор продолжил:

— Неужто в вашем сердце нет той радости, что есть в сердцах наших? Неужто не радостно видеть вам, как враг наш предстаёт перед судом, как грехи свои искупать будет животом своим перед землёй нашей, перед вами, государь?

— Смотрю, Басман, сын твой чего зрелищнее хочет, — слабо ухмыльнулся Иоанн, поднимая свою руку вверх.

Алексей бросил встревоженный взгляд на Фёдора, но выражение лица юноши на время сгладило, если и вовсе не уняло тревогу старого воеводы.

Палач на площади тотчас же заметил жест государя и внимал приказу, который готовился отдать государь.

— Богом клянусь, великий государь! — орал приговорённый. — Богом! Не повинен я в кражах тех!

— Божится он... — усмехнулся Иоанн, мотая головой. — Не хорошо это, нехорошо... Хотя...

Царь прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Он чувствовал, как солнце касается его лица, как оно скользит по векам.

Народ замер.

— Хотя как знать мне всю подноготную? — наконец молвил царь. — Не Бог я, такой же грешник.

Царь осенил себя крестным знамением.

— Ты, Малюта, — продолжил государь, обращаясь к своему палачу, — прежде чем в котёл кидать, сними-ка шкуру лукавую эту. Да не торопись, авось покается грешник! Уж будто язычники мы, без покаяния отпускать душу в жизнь вечную!

Курбский бросил презрительный взгляд на Фёдора. Юноша же с любопытством глядел на площадь, ожидая расправы над изменником.

* * *

Тем же вечером в Слободе созвал на пир государь воевод и друзей своих. Столы ломились от яств, а холопы едва успевали наполнять чаши вином. Излюбленные дураки и скоморохи в пёстрых потешных одеждах подняли шуму, бегали вокруг стола, распевая свои небылицы, подыгрывая себе.

Глухой подслушивал,
Слепой подглядывал,
Безрукой чаши нёс,
На стол раскладывал.
Безгласой звал к пиру,
Безногой хаживал.
Мне то воистину
Немой всё сказывал!

Песня лилась, громко да задорно. Скоморохи носились и отплясывали по всему залу, боясь приблизиться к царскому трону. Раскатистый смех самого государя разносился под сводами палаты, что приумножало царившее веселье. Воеводы вместе с царём подпевали скоморохам, осушая чашу за чашей. Алексей Басманов выпивал непомерно, предаваясь разудалому застольному духу. Фёдор ничуть не уступал своему отцу, и не раз его резкий звонкий свист велел холопам нести кувшины с вином. Андрей Курбский тоже был на пиру, но взгляд его тяжёлый говорил о большом душевном утомлении.

— За отчизну нашу, за свободную землю нашу от злобы, воровства и измены! — провозгласил Алексей, поднимая чашу над головой. Его богатырская фигура возвышалась в общей суматохе, пока он оглядывал своих соратников торжествующим, но одурма-

ненным вином взглядом. — И за государя нашего, за здоровье тела его, за мир и покой в душе его! — добавил Басманов громким басом.

— Аминь! — с широкой улыбкой ответил царь, поднимая свою чашу.

— За государя! — возглашали бояре и воеводы за столом, удаляясь со всего размаху свои чаши друг о друга.

Общий гул и гомон не стихали, а нарастали, точно накатывали волнами. Уж и скоморохам за труд их развесёлый, но тяжкий налили сполна. Игра стала резвее литься.

Ах, мы ли не воры,
Ах, мы да рыболовы, государевы ловцы.
Уж мы рыбушку ловили по сухим берегам,
По амбарам, по клетям,
По клетям да по хлевам,
Да по барским по дворам.
Как у дядьки, у Петра,
Мы поймали осетра,
Вот такого осетра — вороного жеребца.
Охо-хо! Хо-хо! Рыболовнички!
Ах, не воры мы, не воры,
Рыболовнички!

Фёдор удивлённо вскинул брови, слушая разнузданные куплеты. Взгляд юноши тотчас же метнулся на государя, как, впрочем, и взгляды остальных собравшихся за столом государевых ловцов. Царь же пребывал в состоянии неопишуемой весёлости. С широкою улыбкой он велел налить смельчакам за работу их. Скоморохи же, точно чувствуя новый прилив сил, продолжали забавлять царя и друзей его, подбегая то к одному, то к другому краю стола, но сторонясь самого государя.

Пёстрые маски выглядывали из-за плеча, порой касались мужчин за столом и тут же отбежали под громкую музыку, что лилась из их инструментов. Один из дураков при дворе в игривом прыжке пристал к Басмановым, резким движением растрепав волосы Фёдора. Юноша усмехнулся и ловко перекинулся через всю скамью, в мгновение сорвал маску со скомороха и легко отскочил назад. Минутное смятение на красном лице холопа сменилось чудаковатой миной. Федя присвистнул и бросился прочь со скоморохами.

— Да куда ж носиться ему, с ногой-то пораненной! — причитал Басманов-старший себе под нос.

Через густые брови видел он, как Фёдор мелькает в круговороте пёстрых тканей, развевающихся лент. Юноша держал маску, отнятую у скомороха, не давая обратно завладеть ею.

— Так это он хромает ещё? — усмехнулся Иоанн, откинувшись назад и скрестив руки, и продолжил наблюдать за этим полубезумным действием.

Алексей громко рассмеялся и махнул рукой в сторону диких игр с шутами и музыкантами.

— Да плевать, пушай бесится! — ответил Алексей, потянувшись к своей чаше.

Царь поднял же свою, продолжая следить мягким притуплённым взглядом за салками. В чередке пятен и образов, которые мешались меж собой, Иоанн не мог понять, кто кого догоняет. Кажалось, и сами участники этих самобытных игрищ того не ведали. Образ Фёдора стал ясен, едва он выбежал из толпы музыкантов. В руках у него уже была другая маска, и скоморох, которому она принадлежала, пустился бежать следом за Басмановым. На потеху всему пиру они описали круга три в одну сторону и два в другую, с попеременным успехом касаясь и саля друг друга, но маски Фёдор так и не вернул. Как бы ни ловчился скоморох, как бы ни прыгал он, Басманов легко уклонялся, ловко перекидывая маску из руки в руку, то пряча её за спиной, то вскидывая над головой, а порой и вовсе укрывал за ней своё лицо.

Когда за Фёдором погнался очередной музыкант, салки эти описали в зале полукруг. Басманов изредка опирался свободной рукой о стол и стены, и хромоту его нельзя было заметить. Поступь его была лёгкой и проворной, пока он, уклоняясь от рязеных холопов, подпевал вместе со всеми:

Глухой подслушивал,
Слепой подглядывал,
Безрукой чаши нёс,
На стол раскладывал!

И во мгновение перестала играть музыка, притихли скоморохи. Тот дудочник, что гнался за Фёдором, замер, ибо Басманов пересёк тот запрет, что был известен каждому, и прятался прямо за тронем царя, боле того, опираясь на его спинку своей рукой, второй — прикрывал маской лицо. За столом унялись и смех, и громкие разговоры пьяным громким басом. Те, кто сидел ближе всего к государю, уставились на царя и на юношу рядом с ним, дерзнувшего взбежать к самому трону. Остальные же переглядывались помутнёнными от выпитого глазами, и их одурманенный ум медленно давал какие-то ответы. Сам же Иоанн, расположившись на троне, медленно перевёл взгляд влево, после — повернул и голову, глядя на юношу, что скрывал своё лицо под маской. Повисла тишина, в коей никто не решался и шевельнуться.

Юноша медленно отвёл маску от лица. Его взгляд, хоть и был одурманен вином, хранил ясность. Фёдор глядел на государя в ожидании, его губы расплылись в улыбке, пока он переводил дыхание после учинённой с музыкантами суматохи. Люди за столом молчали, не решаясь заговорить. Иоанн оставался полностью неподвижным, исключая лишь его взгляд, коим он окинул юношу, дерзнувшего приблизиться. Ни Курбский, ни Алексей Басманов не знали, что сейчас таится за этим ожиданием.

Фёдор сделал глубокий вздох, и улыбка не покидала его уста. Юноша перевёл взгляд свой на скомороха — бедняга медленно семеня назад, к стенке, сторонясь трона государева даже взглядом. Тишина становилась невыносимой. Фёдор обвёл взглядом весь стол, прежде чем вновь посмотрел на царя. Юноша плавно положил руку на сердце, отступил на шаг от трона и после медленного и низкого поклона государю обернулся к музыкантам, которые уже были вне себя от страха. Юноша развёл руками и вновь обернулся на Иоанна.

— Отчего же не играют слуги ваши, великий государь? — спросил Фёдор.

Иоанн не выдержал и ударил кулаком по столу, отчего вздрогнули разом все в зале. Не успел Алексей подняться с места и молвить хоть слово, как невыносимую тишину развеял смех государя. Настрой этот тотчас же подхватили и воеводы за столом, вторя веселию своего царя. Фёдор залился звонким смехом, скрыл лицо маской и махнул музыкантам. Балалайки и дудки вновь ожили, заиграв пуще прежнего.

Глухой подслушивал,
Слепой подглядывал,
Безрукой чаши нёс,
На стол раскладывал.
Безгласой звал к пиру,
Безногой хаживал.
Мне то воистину
Немой всё сказывал!

Глава 4

Утро выдалось пасмурным. Мелкие крупы снега плавно опускались в холодном неподвижном воздухе на землю, пока солнце блёкло пробивалось сквозь занавес тусклых облаков. В тот ранний час дворы и коридоры Слободы лишь изредка оживлялись шагами одиноких холопов, занимавшихся уборкой и разносивших пору-

чения своих господ. Один из таких слуг, шустрый мальчишка, семенил по коридору, боясь, что прикрытое тарелками кушанье на подносе остынет. Робкий стук в дверь дворянских покоев нарушил царившую тишину. Парнишка замер, выжидая ответа.

— Заходи!

В самих покоях находились трое. Первой и самой значимой фигурой в комнате был Фёдор Басманов. Юноша полулёжа расположился на краю кровати. Сонные глаза прикрыты. Чёрные волосы его блестели от воды, изредка несколько капель падали на плечи, на которых лежало мягкое полотенце, расшитое красным узором лесных чудовищ. Он, зевая, вытирал вымытые волосы, прядь за прядью.

Подле Фёдора на низком деревянном табурете сидела пожилая женщина. На ней было надето простенькое серое платье поверх льняной рубашки. Края одежды несколько износились, тут и там выступали лохматые нитки. Рукава своей одежды женщина засучила чуть выше локтя. Своими грубыми от тяжёлой работы руками она перевязывала рану юноши. Помогала старухе молодая круглолицая девка с русой косою. Одета девчушка была так же просто — обычное платьице без узоров из грубой, но прочной материи. Фёдор шикнул от очередного резкого движения.

— Никак, сгубить хочешь... — пробубнил себе под нос Фёдор, стиснув зубы.

Старуха лишь усмехнулась.

— Вас, сударь, сгубить — так на волю вашу и оставить. Куда вы с раною такой-то и в бой, и в пляс пускаетесь-то? — ответила она, промывая рану тёплой водой и настойкой из трав.

— Как же не пускаться в пляс, в самом-то деле? Лучше, потвоему, сидеть на пиру понурим? — спросил Фёдор, пожав плечами. Заметив в дверях холопа с подносом, Фёдор указал ему на сундук с плоской крышкой, который стоял подле кровати.

— Ну, теперь с унынием вы полежите без службы государевой, — ответила старуха. — Того гляди, хуже будет, Фёдор Алексеич, токмо хуже будет!

— Ты, Агаш, дело своё делай, — с улыбкой кивнул Фёдор. — А уж как службу государю нести, как-нибудь уразумею.

— Воля ваша, — усмехнулась Агаша и резко затянула рану, вновь заставив юношу коротко шикнуть от боли.

Фёдор бросил короткий взгляд на старуху, затем на вошедшего мальчонку. Он уже стоял у ложа Басманова, точно выжидая, когда ему дадут молвить слово.

— Чего? — спросил Фёдор, глядя на парнишку.

Холоп отдал низкий поклон.

— На конюшнях велели явиться вам, Фёдор Алексеич, вместе со всеми воеводами, — произнёс мальчик.

Басманов тяжело вздохнул и свёл брови.

— Ступай, — коротко кивнул Фёдор, не поднимая взгляда на парнишку.

Мальчик снова отдал низкий поклон и тотчас удалился. Фёдор обернулся к подносу с кувшином холодного кваса, варёной рыбой, чаркой рассола и парой ломтей хлеба.

— Уж береглись бы вы... на службе-то, — вздохнула Агаша, моя руки в кадке с водой, пока её юная помощница раскладывала заготовленное одеяние для юноши.

— Так ежели государь не бережёт нас, разве в нашей воле отказываться от воли государя нашего светлого? Будто не должно нам со смирением христианским нести службу? — спросил Фёдор, вставая на ноги. Он осторожно наступил на обе ноги, чуть качнулся, но через мгновение оправился.

— Так толку царю-батюшке с калеки-то, Фёдор Алексеич? — вздохнула старуха, отряхивая руки и вытирая их о подол своего платья.

— Я слышал, — произнёс юноша, перекусывая на ходу и одеваясь, — что государь не против калек при дворе. Никак иначе, пятого числа с юродивым на площади видали его, обмолвились парой слов.

— Да какое там! — усмехнулась Агаша. — Обмолвились! Того гляди, едва ли не совет держал с хромым псом этим безродным. С самой зари с ним и болтал, точно и не царь вовсе! Да, охотлив государь наш до общения с немощными да чудаковатыми, да только толку от болтовни этой...

Фёдор тем временем успел полностью одеться, потом сел обратно на кровать, жуя ломоть хлеба. Юноша вскинул бровь и жестом просил продолжить старуху рассказывать, но Агаша точно чего-то умолчать хотела. Фёдор бросил короткий взгляд на юную помощницу. Девушка сейчас прибиралась в комнате и не видела ни взгляда юноши, ни короткого кивка Агаши. Фёдор прикрыл глаза, тихо присвистнул. Девушка тут же подняла своё круглое, уже раскрасневшееся лицо на Басманова. Без лишних слов Фёдор кивнул на дверь. Она всё поняла и удалилась с коротким поклоном, забирая с собой корзину с грязными тряпками от перевязи. Когда они остались наедине, Фёдор кивнул Агаше, откидываясь на подушках.

— Так молва ходит вон какая, — продолжила она, чуть понизив голос. — Что будто бы государь лишь для потехи их и держит, калек-то убогих. И с чудаками на улице забавы ради совет держит.

— Много калек живут тем, что потешают господ своих, — Фёдор пожал плечами.

Агаша поджала губы и помотала головой.

— Жестокие потехи бывают, право, жестокие.

— Да, — коротко отрезал Фёдор, вставая с кровати. — О потехах этих от отца своего я слышал немало.

Он встал в полный рост, потянулся, поправил одеяние из тёмного шёлка, расшитое мелким бисером. Из крупниц речного жемчуга сплетались диковинные цветы, корни и листья в узоры.

— Как Господь Бог забрал к себе царицу Анастасию Романовну, даруй, Господи, мир и покой светлой душе рабыни Твоей, — женщина перекрестилась, — так некому боле сдерживать гнев государя нашего.

— Отчего же сдерживать его, ежели праведен гнев тот? — с лёгкой усмешкой Фёдор развёл руками, направляясь к выходу. — Видимо, трапезу не завершить... Служба, служба... Заберите.

Юноша указал на остатки своего завтрака. Агаша усмехнулась и помотала головой.

— Вы, Фёдор Алексеич, у батюшки своего спросите, сколь праведен гнев государя нашего. В самом-то деле, неужто бабье дело это? Да разузнайте, разузнайте у батюшки своего...

Фёдор ответил лишь короткой ухмылкой и кивком. Выйдя из своих покоев, он благоразумно полагал, что все уже могли поспеть на собрание, и опоздание на службе при дворе Иоанна вовсе не входило в планы Фёдора. К своему неудовольствию, он спустился во двор и заметил множество следов от копыт на тонкой пелене снега. Тихо выругавшись, он пнул землю и отправился в конюшню за своей лошадей. Зайдя в крытый амбар, Фёдор тут же окинул помещение взглядом в поиске слуг. Махнув рукой, он решил сам седлать лошадь, как вдруг заметил, что он здесь не один. На скамейке у стены сидел отец Фёдора. Мужчина глядел на сына, скрестив руки на груди.

— И вы, батюшка, заболтались с кем-то? — спросил юноша, снимая с крюка узду для своего скакуна.

Алексей помотал головой. Взгляд его был холодным и пристальным. Фёдор же, видя настрой своего отца, чуть заметно свёл брови, стараясь не обращать внимания на хлыст, крепко сжатый в ручищах отца. Через мгновение Фёдор поджал губы, затем слабо улыбнулся, опустил взгляд на пол, присыпанный старой соломой. Фёдор повесил обратно узду.

— Это ты послал ко мне того мальчишку? — спросил он довольно громко, даже не подняв взгляда на отца.

— Да, — коротко ответил Алексей.

Фёдор медленно обернулся.

— Что ж, тем лучше, — просто молвил он, разводя руками. — То даст время ноге моей срастись, ежели сегодня не велено мчаться нам куда-то из Слободы.

— Будь ты парой летами младше, Федя, выпорол бы тебя до самой плоти, — твёрдо произнёс Алексей, в голосе том была угроза совершенно особого толка.

Старший Басман звучал твёрдо и спокойно, и Фёдору, кому, как не Фёдору, знать всю серьёзность слов, сказанную именно таким непоколебимым, но мертвенно холодным тоном.

— Отчего же не выпорешь меня сейчас? — спросил юноша, внешне оставаясь невозмутимым.

Алексей усмехнулся, но глаза его хранили прежнюю суровость.

— Хотя бы оттого, — ответил он, — что сам ты при оружии сейчас.

Фёдор непроизвольно опустил взгляд на свою саблю, что висела на поясе. Алексей глубоко вздохнул, покручивая хлыст в руках, и продолжил:

— И управляться им умеешь, — кивнул Басманов-старший, продолжая глядеть в пол. — Да и без толку бить тебя, всё равно по-своему учинишь.

Фёдор прислонился к стене и скрестил руки на груди.

— И умён ты, Федя, и смел, в самом деле... не по годам, — Алексей поднял взгляд на сына. — Не поверил бы, если бы кто за столом хвалился бы, что сын их уже самим государем отмечен. Не поверил бы.

Алексей умолк. Фёдор не менял своего положения, пока отец не продолжил:

— Ты стал мужчиной. И воином. Притом славным, — Алексей несколько раз кивнул. — Какого чёрта это было вчера на пиру?

Едва прозвучал этот вопрос, Фёдор удивлённо вскинул брови и широко распахнул глаза.

— Не вам меня, батюшка, в пьянстве упрекать. Да и что с той выходки дурного сделалось? Да и государь нашёл в том потеху, и ничего боле, — ответил Фёдор, пожав плечами.

— Ну и наградил же Господь милосердный меня отроком этим поганым! — Алексей поднялся со своего места и в несколько шагов приблизился к сыну.

Фёдор тотчас же схватился правой рукой за рукоять сабли, повинувшись ратной привычке, но Алексей вцепился в сына, точно капканом. Мужчина до боли сжал руку, не дав оголить и дюйма стали. Фёдор стиснул зубы, но не проронил ни слова.

— Вымесок проклятый! — бросил Алексей и отошёл прочь, отпустив сына. — Чтоб больше не видел я тебя за плясками этими!

Басманов-старший сплюнул на пол, отходя прочь, к выходу.

— А ежели сам царь-батюшка велит? — усмехнулся Фёдор, пожав плечами.

Алексей обернулся на своего сына и оглядел того с ног до головы.

— Опоздал ты, Федюша, — усмехнулся Алексей. — Есть уже на службе государевой плясуны.

— Как знать, — тихо пробормотал Фёдор себе под нос.

Низкие тучи не разошлись даже днём. Они заволокли всё небо и не пропускали света. Выпавший снег уже не таял.

* * *

Фёдор выждал три дня — всё то время он не ездил верхом и не брал сабли своей, хотя охота была страшная. Пылкий нрав юноши всё же смирялся какое-то время, но спустя три дня он не мог более оставаться в крепости. Государевых поручений дано не было, оттого Фёдор самовольно решил объездить свою лошадь. До восхода оставалось около часа, когда они уже мчались по окрестностям Слободы. Холодный воздух резал нос и горло, но то не беспокоило Фёдора. Настолько утомила его духота палат, что принимал он и ранние заморозки, и ветра зимние как великую благодать.

Лошадь же, под стать хозяину своему, изнылась в тесном стойле. Открытые равнины в этот предрассветный час точно пьянили. Всадник не натягивал поводья, лишь слегка направлял лошадь, да и она сама рвалась взбивать своими крупными копытами покрывало свежего снега. Фёдор не чувствовал боли — он полностью отдавался этому безмолвному морозному воздуху. В нём бодрилась сила, которая скопилась за эти несколько дней.

Лошадь сошла с дороги, но Фёдор не стал выправлять её ход. Они промчались по равнине. В сумерках снег казался нежно-голубым, мелкие искры едва шевелились под ногами. В неистовой радости этой свободы лошадь вставала несколько раз на дыбы, что Фёдор принимал как вызов. Он крепко удерживался в седле. В это раннее утро он не прибежал к помощи кнута, лошадь и без того была резва. Небо занимала заря, когда Фёдор взглянул на горизонт, где вдали виднелась Слобода.

— Пора возвращаться, — нехотя пробормотал Басманов, наклонившись к своей лошади.

Она, точно разделяя настрой всадника, мотнула головой и повела ушами. Фёдор тихо усмехнулся, погладил по шее.

— Пора, пора. Служба.

Лошадь пару раз помотала головой, но признала волю хозяина. Менее резво поехали они обратно в Слободу. Сегодня было воскресенье, и Фёдору, как и любому честному православному хри-

стианину, должно было явиться на утреннюю службу. Оттого-то и спешил он обратно, ибо недолго было прослыть и язычником.

— Того и гляди, Данка, припомнят нам кровь чужеземную, — приговаривал Фёдор, — там и недолго язычником прослыть. А то уже пиши пропало...

Поняла ли Данка смысл слов наездника своего, но прибавила шагу, и вскоре добрались они до Слободы. Фёдор спешил к Троицкому собору.

Он оставил свою лошадь, спешился, осенил себя крестным знаменем и переступил порог церкви. Ещё у самого входа Фёдора удивил вид спящего человека. Само по себе то не было удивительно, но юноша знал этого мужика. Рослый мужчина с русой бородой, которая лишь ширила его красное лицо, лежал, сложив руки на груди. Фёдор усмехнулся и пожал плечами.

«Видимо, к заутрене сегодня звонить некому...» — подумал он, глядя на крепкий сон звонаря.

Между тем час заутрени всё близился. Люди приходили один за другим. Фёдор стоял в стороне, наблюдая за тем, как тёмные фигуры, укутанные от мороза, стояли беспорядочными рядами. Наконец утреннюю тишину и тихий голос священника пронзил колокольный звон. Фёдор обернулся и едва заметно нахмурил брови. Звонарь всё так же лежал, опустив красное лицо себе на грудь.

Фёдор осторожно прошёл мимо прихожан на улицу. Мрачное небо точно ожило с первыми бледными лучами. Постепенно оно стало светлеть, и очертания собора обозначились особенно чётко. Юноша сошёл со ступеней и обернулся на залиvistый звон колоколов. Фёдор пытался разглядеть звонаря, напрягая свои глаза.

«Да быть того не может!»

Фёдор решил, что его глаза изменяют ему, не иначе. Как же по-другому истолковать внешний вид звонаря? Как истолковать то, что *сам государь* звонит к заутрене? А тем временем в холодном воздухе разливались новые раскаты песни колоколов. Призыв к заутренней молитве летел над Александровской слободой, опережая и солнце, и сам новый день. Фёдор смотрел некоторое время, после чего удивлённо вскинул брови, помотал головой и вернулся в церковь.

* * *

— А чего это ты вопрошаешь меня? Будто я его на колокольный звал, ей-богу, — пожав плечами, ответил Алексей, потянувшись за тарелкой с щучьей икрой и зачерпнул большой ложкой.

— Да любопытно стало, вот и вопрошаю, — просто ответил Фёдор. — Ты мне про то не рассказывал, вот я и удивился.

— Да мне что, про каждую странность да причуду государя рассказывать? — усмехнулся Алексей, вытирая усы.

— Неужто сам ты не спрашивал его о том? — спросил Фёдор.

— Так почто спрашивать? — Басман помотал головой и обернулся к сыну: — Пушай звонит, ежели хочется того государю. Не много забав у него, при каковых никто покалечен не будет. Велика странность, куда деваться!

Место во главе стола пустовало, как и напротив Басмановых.

— Верно, государь с Андреем Михалычем совет держит, — предугадывая вопрос сына, произнёс Алексей.

— С Курбским-то? — протянул Фёдор.

— С ним самым, — вздохнул Алексей. — Без него государь разбитый будет ходить, уж поверь. Вот пошлют Курбского сейчас воевать, вот прескверный нрав государя нашего и обнажится, уж поверь старику своему. Ежели ты считаешь меня другом царя-батюшки, то Андрюша будет братом, не меньше.

Фёдор продолжал смотреть на мужиков, собравшихся на застолье, сквозь ресницы. Малюта грубо разделявал своим ножом дичь и вгрызался в мясо, точно оголодал.

— И всё-таки странно это, — вздохнул Фёдор, подзывая жестом холопа с кувшином.

— Да не бери ты в голову каждую придурь, ей-богу. Лишь Господу ведать дано, что творится в душе и разуме царя. Ты, Федь, веди себя, главное, пристойно, да не гневи государя нашего светлого.

Фёдор кивнул, однако взгляд его был рассеян, точно мыслями своими он был далёко от отца своего и от всего этого шумного застолья.

* * *

— Стойте! Стойте! — раздалось откуда-то из-за спины.

Всадник, укутанный в тяжёлые меха для дальней дороги, едва смог развернуть свою лошадь. Он описал небольшую петлю на дороге и вернулся во двор Александровского кремля, натягивая поводья.

— Стойте! — Холоп стоял посреди двора и размахивал руками. — Государь вас, Андрей Михалыч, звал!

Курбский приспустил воротник своего одеяния и взглянул на мужика, что выбежал в тулупе нараспашку.

— Не путаешь чего? — спросил Андрей, присмирив лошадь. — Простился я уже с государем.

— Никак не путаю, Андрей Михалыч, никак не путаю! Царь-батюшка среди ночи поднялся, глаза не раскрыл ещё, как велел срочно дозваться вас, али следом гнаться, ежели умчались вы со Слободы.

Андрей нахмурил брови и бросил взгляд на ворота. Сейчас из крепости открывался заснеженный пейзаж. Ночные звёзды уже начали гаснуть на небосводе. Скоро займётся ранняя заря.

— Так, батюшка, закрываем ворота? — спросил привратник у князя.

Курбский только сейчас и заметил его.

— Да, — ответил Андрей. — Закрывай.

Привратник поклонился, махнул своим парням. Мужики стали затворять ворота, и заснеженная долина скрылась от глаз Андрея. Сам Курбский спешил, отдал поводья конюшним и пошёл за холопом обратно в кремль.

— Государь наш сам не свой был. Рынды, что подле дверей его службу ночную несли, шепнули, что, мол, криком собственным государь и пробудился, да в гневе и ярости метаться начал! Как повелел царь-батюшка вас сыскать, тотчас же я и бросился за вами, Андрей Михалыч, так и бросился, — бормотал холоп.

— Гонец накануне письма не передавал? — спросил Курбский.

— Не припомню... Да, передавал, да письма те не приводили ко гневливости. То были вести благие. Нет, не припомню я, чтобы гонцы были, не припомню.

— Ступай к себе. Сам я до государевых покоев дойду.

Холоп поклонился и оставил князя в коридоре. Курбский продолжил свой путь, однако на лестнице столкнулся с девкой. Увидев князя, она, простоволосая и босоногая, тотчас же со стыда спрятала своё лицо и спешно просеменила мимо. Мятое платье укрывало её худое тело. Девка прикрывала лицо руками — её тонкие пальцы дрожали. Весь вид был преисполнен страхом. Андрей проводил её лишь взглядом, пока она спешила по лестнице вниз, ступая с такою быстротой, что едва не споткнулась на неровных каменных ступенях.

Андрей помотал головой и хмуро вздохнул, выходя к коридору, что вёл к покоям государя. У входа стояли двое мужиков, облачённых в чёрное одеяние. В руках у каждого было по секире. Завидев князя, оба рынды расступились и поклонились, снимая шапки. Курбский единожды постучал и отворил дверь. Мрачные тени дрожали, растянувшись от опрокинутого стола. Бумаги смялись, письма, карты и чистые листы слиплись в полузастывшей лужице чернил. На краю ложа сидел царь. Его чёрное облачение свисало со сгорбленной фигуры. Одной рукой он закрывал поллица, вторая безжизненно покоилась рядом. Едва Курбский зашёл, государь поднял на него свой взгляд.

— Андрей, подожди, — тихо и хрипло произнёс Иоанн, протягивая свою руку.

В глазах царя дрожал блеск свечей. Глубокие карие глаза стали будто бы чёрными и до того пустыми, что князю стало не по себе, видя государя в таком состоянии. Курбский приблизился к нему и взял за протянутую руку. Она была холодной и дрожала. Курбский сел подле царя, не ведая, что же сейчас разрывает душу Иоанна, но уже страшась этих глубин. Царь сильно сжал руку, глядя в глаза Андрея.

— Мне было послано видение, что больше не суждено нам увидеться, — почти прошептал Иоанн, и во взгляде читалось, что государь сам страшился тех слов, сходящих с его запёкшихся губ.

— Не может того быть, — Андрей мотнул головой.

Царь хрипло усмехнулся, но звук был страшен — ему точно не хватало воздуха.

— Как же не может, ежели видение было? — спросил Иоанн, резко раскрыв свои блестящие от влаги глаза.

— То лукавый образ, от Бога ли послан? Как же не видеться нам, государь? — спросил Андрей.

— Неужто бесы так подобрались ко мне?.. — Иоанн провёл рукой по своему лицу, тяжело вздыхая.

После резко переменился, встал с кровати и прошёлся по комнате, ступая прямо по бумагам, которые разлетелись по полу. Замер государь тоже резко. Он поднял взгляд и глубоко вздохнул.

— Кому ты служишь? — спросил царь, не глядя на Андрея.

— Вам, государь.

Иоанн кивнул, переводя взгляд на князя.

— Помню, Андрюш... — царь медленно поднял руку, указывая на своё ложе. — То было страшное испытание Господне, посланное мне. Тело моё снесло адское пламя. Помнишь волю мою, о чём я, беспомощный и страждущий, я просил?

— Помню, — кивнул Андрей. — И перед людьми на земле и Богом на небе, перед святым ликом и крестом животворящим исполнил я волю вашу.

— Я смертен, — с каким-то тихим спокойствием вполголоса произнёс Иоанн. — И страшно мне предстать перед Господом. Знаю я, что Суд небесный будет справедлив. Но сейчас нужна мне опора здесь, на земле. Я сам буду вершить суд над такими же грешниками, коим и являюсь я по слабости своей. Андрей, если в самом деле видение моё послано от лукавого — пушай. Но ежели в самом деле не суждено будет увидеться нам...

Иоанн умолк, опустив взгляд на деревянный стул, который в порыве брошен был о стену. Царь поднял его, взявшись за спинку одной рукой, и опустился на него.

— Не знаю, сколько ещё моё слабое сердце вынесет, ежели не будет подле меня тебя, Андрюш, — хоть губы государя и ус-

мехнулись, но в глаза вернулась та глубокая опустошённость. — Видимо, таков крест мой, и буду я нести его.

Рынды, стоявшие за дверями государевых покоев, не слышали, о чём вёлся разговор. Немногим менее чем через час двери отворились, и князь покинул царя. Заря уже нежно освещала небо, когда князь Курбский гнал свою лошадь по заснеженной дороге с тревожным предчувствием, что будет терзать его душу долгие годы.

Глава 5

В покоях продолжал царить мрак. Своды, казалось, отяжелели и клонились к полу. Лишь свеча, сгоревшая едва не до самого своего основания, дрожала слабым сиянием. Блики мерцали, точно капли жемчужного света, отражаясь на шахматных фигурах и очерчивая их изящные силуэты.

Царь сидел в глубоком кресле. Его руки, точно плети, безвольно свисали с подлокотников. Глаза были открыты, но точно как у людей, что бродят во сне, повинуюсь зову полной луны. В пустом взгляде не было жизни. Он замер в тяжёлом ожидании, будто бы фигуры наконец переменят свой рисунок — ведь царь уже давно сделал свой ход. Этой ночью сон никак не шёл, несмотря на измученный разум Иоанна. Он бесцельно глядел на шахматную доску. Тени от фигур пересекались с клетками, чертя ломаный узор.

Далеко в коридоре едва-едва можно было расслышать шаги. Чуткий слух царя уловил то движение и устремил взгляд на дверь, обитую сталью. Шаги приближались. Было слышно, как рынды, оберегавшие покой государя в эту ночь, поднялись со своих мест, заметив кого-то.

Массивные стальные петли скрипнули под тяжестью отворившейся двери. На пороге стоял гонец. Лицо и руки его горели от мороза. Судя по тяжёлому дыханию, сейчас он не мог связать и двух слов. Он низко поклонился, и Иоанн коротко кивнул, принимая это безмолвное приветствие. Гонец выудил из кармана, вшитого в кафтан, запечатанное письмо и тотчас же протянул его царю.

— От Курбского... Андрея Михалыча... — охрипшим от мороза и езды верхом голосом сумел-таки произнести гонец.

Иоанн же поднял свой взгляд на запечатанный кусок бумаги.

— Оставь, — царь кивнул на стол и жестом велел гонцу идти прочь.

Приказания были выполнены. Гонец поклонился и покинул государевы покои, затворив за собой дверь. Его шаги стихали в коридоре, пока Иоанн смотрел на доставленное ему письмо. Тяжёлый вздох сорвался с его губ. Царь потёр переносицу. Печать стояла Курбского, в том не было сомнения — государь лично следил за тем, чтобы тавро для клейма друга его и советника было отлито со всем знанием дела.

Царь взял в руки послание. Желтоватая бумага хранила в себе стужу, что наступала с каждым днём, по мере того как надвигалась зима. Государь провёл пальцем по печати, прежде чем сорвать её и открыть послание от Андрея.

* * *

— Вот ты где! Айда с нами! — раздалось с порога.

Фёдор обернулся, откладывая перо. Он облокотился на подоконник, откинув голову назад, и окинул быстрым взглядом вошедшего. На пороге стоял мужчина превесёлого вида. Через мгновение Фёдор ощутил крепкий хмельный запах от своего неожиданного гостя. Нос мужчины был красным, точно явился он с мороза, хотя шапки на нём не было. Вихрастые тёмно-русые волосы клоками торчали во все стороны.

— Отчего же, Вася, зовёшь меня лишь сейчас, когда сам едва ли на ногах стоишь? — спросил Фёдор, с усмешкой глядя на своего гостя.

Мужчина икнул и покачнулся, опираясь рукой о стену.

— Пошли, говорю я тебе! — произнёс он, глядя на Фёдора. — Чего там чиркаешь? Пошли, сейчас упустим всё!

— Да в чём дело-то? — спросил Фёдор, оглядываясь через плечо на письмо, которое он составлял, пока его не потревожили.

— Да в том, что во дворе сейчас на свою потеху да на потеху слуг его верных, то бишь нас с тобою, выпустят зверей на холопов. Вот и поглядим, кто кого! Ежели медведей выпустят, исход ясен! То ли дело с псами затеется борьба, то и не прознаешь, чья возьмёт! Да пошли же, Федь, в самом деле-то! Батюшка твой уже небось с государем ожидают начала забав!

— Надеюсь, выпустят кого покрупнее собак, — вздохнул Фёдор, как бы нехотя поднимаясь со своего места.

Василий рухнул на сундук, опустил голову и рукой растирал лицо, приводя себя в чувство.

Федя первым делом убрал письмо и лишь затем принялся облачаться в тёплое одеяние. Поверх шёлковой рубашки глухого красного цвета он накинул чёрный кафтан с серебряными пуговицами. Подол и рукава были расшиты узорами. За широкий пояс Фёдор заткнул изогнутый кинжал. То была тончайшая работа,

будто бы неведомые растения расцвели прямо на рукояти и основании ножен, оплетая оружие своими стеблями и лепестками.

Василий был пьян уже с утра, но Фёдору говорил чистую правду. Со двора белокаменной крепости исчез весь народ, коему не положено было там находиться. Двери и входы в сам царский дворец плотно закрывались на крепкие засовы, обитые сталью. Василий сидел, опустив голову.

— Так что же решил? — спросил Фёдор, потрепав его за плечо.

Едва задремавший боярин тут же подскочил на месте, не успев и глаз продрать. В несколько шагов он выровнялся и поднял голову. Потерянно огляделся он по сторонам, бегая взглядом от стены к стене.

— Решил тут почивать али пойдём-таки смотреть? — усмехнулся Фёдор, забавляясь испуганностью захмелевшего гостя.

Василий тряхнул головой и широко улыбнулся. Они вышли к длинному проходу, вдоль которого прорезались высокие арки, не ограждённые ни ставнями, ни решётками. Сквозь них и собиралась свита государева глядеть во двор. Уже столпились тучные фигуры, закутанные в тяжёлые меха. Мужчины громко болтали меж собою, будто бы и спорили о чём-то, но разобрать что-либо было невозможно.

Фёдор с неохотой вздохнул, видя, как много народу набилось в коридоре. Он заприметил, как ко второму проходу, под углом к коридору с боярами, сквозь высокие арки виднелась высокая фигура государя. Путь к государю преграждали рынды. Их острые секиры схватывались тонким слоем кусачего инея.

Прищуриив глаза, Фёдор не мог сдержать улыбки. Подле царя, среди прочих вельмож, имеющих особое положение при дворе, увидел он своего отца, выглядывающего во двор. Алексей потирал руки и о чём-то беседовал с царём, предвкушая зрелище. Фёдор прошёл по коридору к рындам, сторожившим проход. Сперва стража преградила путь. Фёдора это вовсе не раздосадовало, напротив — его лицо осветила улыбка. Он отошёл к одной из арок и облокотился на неё, поглядывая на государя и его окружение. Фёдору пришлось выждать несколько мгновений, прежде чем отец его заметил и помахал шапкой. Он помахал в ответ и указал большим пальцем за своё плечо на стражу, которая не дала Басманову проходу, и пожал плечами. Алексей сперва нахмурил брови, после усмехнулся. Фёдор не слышал, с какими словами Алексей обратился к государю, однако спустя мгновение царь жестом послал к рындам одного из бояр.

То был князь Хворостинин, лицо которого тотчас же озарилось, когда он увидел Фёдора. Басманов-младший стоял, точно уже успел заскучать — скрестил руки на груди, прислонился к сте-

не меж арок и с некоторым недовольством, притом не вполне серьёзным, следил за приближающимся к нему князем.

— А я-то всё гадаю, где же отпрыск Басманов пропадает! — князь крепко обнял Фёдора.

— Чего ж гадать? Будто бы прячусь я, в самом деле? — улыбнулся он, проходя мимо рынд.

Фёдора провели к царю. Государь восседал на троне, вынесенном накануне. Его окружали бояре самого приближённого круга. Было их немного — пять человек, считая самого государя, Басмановых и князя Хворостинина. Иоанн глядел куда-то вперёд отсутствующим взглядом. В правой руке он держал свой резной посох с острым наконечником. Сейчас он более походил на каменное изваяние, нежели на человека из плоти и крови. Фёдор в том лишь сильнее убедился, когда склонился в поклоне, взял руку государя и прижался губами к кисти. Она была холодна, точно жизнь, если когда-то и пылала в ней, уже угасла. Иоанн медленно перевёл взгляд на Фёдора, чуть опустив голову. Фигура его, облачённая в шубу с широким воротником из густого длинного меха, казалась особенно величественной.

Фёдор подошёл к отцу. Они пожали друг другу руки и обнялись, скорее как воины, нежели как отец и сын.

Раздался громкий клич, объявляя скорый миг жестокой потехи. Множество взглядов устремились вниз, во двор, куда выпущены были холопы. По обыкновению, люди эти уличены были в страшных прегрешениях, однако сейчас едва ли среди зрителей находились те, кто задумывался хоть на мгновение об этом.

Пока мужики, едва ли не босые, разбегались по всему двору, следом спущены были цепные псы. Презлейших собак, коих сыскали по всей Слободе, а бывало, что и привозили из иных городов, подолгу держали впроголодь. Оттого звери и бросались в иступлённом безумии на людей. То, что холопам не было дано оружие, решалось тем, что они хватали с земли камни, да и всё, что попадалось под руку.

Поднялся шум, вобрав в себя вопли, крик, вой и лай, а вместе с тем и громкий басистый смех бояр и воевод. Забава эта затрагивала всех зрителей, что собрались, однако когда Фёдор перевёл взгляд на царя, ясно было, что государь и мыслями, и душою своей едва ли следил за грызнёй внизу. Взгляд его оставался потухшим, хоть изредка и следил то за одной озверевшей дворнягой, то за другой. Фёдор вновь посмотрел на очередную партию псов, которую выгнали лишь сейчас.

— Сколько ещё выпустят? — спросил он, обращаясь к Хворостинину.

— Псин-то? — спросил князь.

Фёдор кивнул.

— Так вроде ещё дюжину, — ответил Хворостинин, почесав затылок.

— Не лихие они сегодня, — вздохнул Фёдор, мотая головой. — Верно говорил мне Васька Грязной. Ежели бы медведей выпускали, того исход ясен был бы. А щенки эти вон догрызть не могут того мужика.

Князь Хворостинин помотал головой.

— Не прав ты, Федька! Гляди, как холопы-то утомились! Хоть пасти собакам поразбивали, так суки эти подзаборные и побои сносить приучены. Погоди, Федька, от свежих спустят, загрызут вусмерть последнего.

— Выпустят новых шавок, да те падали испугаются, хвосты подожмут.

Хворостинин расхохотался, а вместе с тем и остальные бояре, что были рядом.

— Неужто готов за то биться об заклад? — спросил князь.

Фёдор улыбнулся.

— Дивной красоты нож у тебя. Ещё в Рязани заприметил я его, — произнёс Хворостинин, указывая рукой на оружие, заткнутое за пояс Фёдора.

Младший Басманов достал его вместе с ножнами, осматривая сплетения узоров, после перевёл взгляд на князя.

— Что же против него ставить будешь? — спросил Фёдор, но тотчас же ощутил, что отец схватил его за руку выше локтя.

— Не дури! С раскладом таким лишишься оружия своего! — произнёс Алексей.

— Так не твоё ж оружие, батюшка, ставлю я, — ответил Фёдор. — Так что, Пётр Иванович? Что ставить против будешь?

Князь несколько опешил. В этот момент пронзительный крик разорвал холодный воздух. Все тут же метнулись к арочным окнам, выглядывая во двор. Огромный пёс со шрамами от кнута вдоль всего тела вцепился в глотку мужика и придавил его большими лапами.

— Ставлю пятьдесят рублей серебром! — воскликнул Хворостинин, хлопнув Фёдора по плечу. — Ежели выживет кто из людей, будет заклад за тобой!

— Идёт, — коротко кивнул Фёдор.

Алексей помотал головой, но больше ничего и не сказал. Вместе с остальными боярами он прильнул к окнам, ибо прибавилось азарту. Несмотря на то что Фёдор заметно проигрывал, внешне он казался спокойным. Даже когда была выпущена свежая свора и расклад стал очевидным, он точно забыл о споре. Пётр Хворостинин уже потирал руки, готовясь заполучить свою награду,

в то время как Фёдор не был столь увлечён грызнёй во дворе. Он обернулся, глядя на государя, и со слабой улыбкой заметил перемену в лице Иоанна. Точно он пробудился от холодного сна, не теряя ни величия, ни грозного вида своего.

— Да чёрт бы брал их всех! — выкрикнул Алексей, ударив кулаком.

Очередной холоп испустил дух. Дворняга подняла свою кривую морду, от которой, как и от свежей плоти, ещё шёл пар.

— Не сквернословь, Алёша! Не то язык твой поганый вырвать велю, — усмехнулся Иоанн.

— Сыну моему уж лучше вырвали б, великий государь! — Алексей всплеснул руками. — Того гляди и саблю, и коня, и поместье так проиграет! Ты посмотри на него!

Фёдор развёл руками и лишь усмехнулся.

— Последний остался! — крикнул один из бояр. — Не повезло тебе, Федька!

Не спеша приблизился Фёдор к арке и вновь заглянул вниз. Снег измазан был в крови, людской и звериной поровну. С грустным вздохом он наблюдал за пятью собаками, которые скалились друг на друга за неимением иного врага.

Все расступились, ибо Иоанн поднялся со своего трона. Рост государя превосходил бояр. Он оперся рукой о белый камень крепости и глянул вниз. Он смотрел на следы крови и плоти, точно был удивлён, точно мгновение назад снег был чистым и белым.

Отворилась одна-единственная стальная дверь. Оттуда вышли загонщики с орудиями, чтобы изловить собак.

— Ну всё, — усмехнулся Хворостинин, потирая руки, верно, и не только от холода.

Фёдор глубоко вздохнул и пожал плечами.

— Спор есть спор, — произнёс юноша, опуская взгляд.

В его голосе звучало сожаление, однако звучало оно так, что поверить, что Фёдор правда расстроился, было сложно. Стоило ему вытащить нож из-за пояса, как раздался гулкий удар посоха о промёрзший пол крепости. Фёдор взглянул на государя сквозь пряди чёрных волос. Иоанн же смерил взглядом сперва Алексея и лишь после его сына.

— Божиим судом всё разрешилось, и нечего тут о заклад биться, — произнёс царь.

Тон его был строгим, едва ли не разгневанным. От одного лишь голоса государя бояр взяла оторопь. Не мог никто решить, в самом деле ли зол царь из-за учинённого спора. Так или иначе, Фёдор убрал нож за пояс, и Пётр Иванович не смел возражать против того. Коротким движением Иоанн оправил ворот своей тяжёлой шубы, обернулся и пошёл обратно в крепость.

Вечером того же дня простые блюда, но в большом обилии подали ко столу. Бояре и воеводы уже заняли свои места в ожидании государя, чьё место оставалось пустым. Не было сильным удивлением появление холопа, который снял шапку и после неловких поклонов донёс волю царя — чтобы слуги его трапезничали без него. Бояре переглянулись меж собой, подивившись, что государь вновь не сел за стол. Под тихие разговоры начался ужин.

— Неужто государю не любы мы? — спросил Фёдор у отца.

— Да мы-то, быть может, и любы, да терзают государя дела иные, — ответил Алексей, разрубая большой сочный кусок варёного мяса.

— Будто всё отъезд Андрея не даёт покоя? — спросил юноша.

— Да чёрт с ним, с Курбским! — отмахнулся Басманов-отец. — Не болтай о том, но слышал я, что силы наши день ото дня убывают. На Андрюшку нашего государя возложил надежды, да как же исполнить их? Латины всё наступают да наступают. Курбский велик по доблести своей, да не управится он, ей-богу, не управится. Не друзья мы, конечно, с Андрюшкой были, да всё равно не завидую ему. Слава Господу нашему, что не нас послали в ту геенну огненную, из коей Курбский должен победоносцем выйти.

Фёдор перевёл взгляд на пустующий трон государева.

— То бишь войска наши поражения терпят? — спросил юноша. Алексей поджал губы и кивнул.

— Как бы в том измены не углядел государь наш светлый, — хмуро произнёс воевода.

— И долго царь в состоянии таком пребывать будет? — спросил Фёдор, вызывая лишь улыбку у своего отца.

Алексей помотал головой и пожал плечами, усмехнувшись в свою густую бороду.

— Ты, Федя, зоркий, — довольно произнёс Басман-отец. — Главное, смотри — ежели видишь государя в скверном духе, так будь тише воды, ниже травы, да ещё лучше — заслугу перед царём имей за собой. Того держаться будешь — сбережёшься. На батьку своего посмотри — на службу пришёл, безродный проходимец. А теперь? Думный боярин, да в свойстве с самим государем!

Алексей будто бы от избытка гордости ударил себя в грудь.

— И то верно, — кивнул Фёдор. — Не пора ли нам матушке восточку послать?

Басман-отец вытер рот тыльной стороной ладони, закивал:

— Точно, Федька! Всё хотел собраться, да дел невпроворот, и всё никак. Небось места не находит себе голубка наша.

Фёдор откинулся назад, выглядывая из-за стола. У выхода стоял парнишка в шапке набекрень. Заметив, что глядят на него, он тотчас же подбежал к Басмановым, снимая шапку и кланяясь.

— Писать обучен? — спросил Фёдор.

Парень свёл брови и замотал головой.

— Я в минуту сыщу, кто обучен, — пробормотал холоп.

— Сыщи же и пошли его к отцу моему в покои. Да гонца сыщи, пусть тоже явится, — приказал Фёдор и отмахнулся.

Басмановы же продолжили трапезу. Бояре уже зашумели — то были споры, разговоры, раскатистый басистый смех. Не раз поднимались серебряные чаши. Мужчины бились ими, выкрикивая тосты. Серебряные блюда да глиняные кувшины уже опустели, и слуги государевы, пресытившиеся и увеселённые застольной беседой, расходились восвояси. Так и Басмановы отправились в покои Алексея. У входа уже стоял писец. Через узкое плечо его была перекинута сумка из дублёной кожи. Из приоткрытого края виднелись жёлтые бумаги. Он поклонился, придерживая свою ношу. Алексей зашёл первым, едва лишь взглянув на холопа. Молча все втроем зашли в покои. Фёдор расположился на одном из резных стульев, закинув ноги на сундук.

Алексей указал писцу на место за столом, и слуга принялся раскладывать бумагу и небольшую чернильницу. Старший Басманов опустил в широкое кресло ближе к окну, от коего веяло прохладой с улицы. Алексей обернул своё раскрасневшееся от жара и выпитого во время трапезы лицо к свежему воздуху. Фёдор начал диктовать письмо матушке, которая проживала в поместье. Он описывал, как пришёл на службу, как приняли его бояре, как рад он был видеть воевод, с коими имел честь биться бок о бок под Рязанью и в иных битвах. Когда Фёдор стал описывать царя, то делал он это, точно знал, что письмо его вскроют, прочтут и слово в слово зачитают перед государем.

— Да полно тебе! — усмехнулся Алексей. — Не будет писем твоих никто читать. Умерь восторг свой.

— Но ежели в самом деле государь наш ростом своим возвышается надо всякой воеводой? Ежели в самом деле он добр к нам, точно родной отец, мудр как змий на суде своём?

— Не пиши ничего! — прикрикнул Алексей писцу.

— Пиши, пиши, — возразил Фёдор.

Холоп поднял глаза на Басманова-отца, затем на сына, не ведая, как ему поступить.

— Пушай, пушай, — вздохнул Алексей, улыбнувшись нелепому замешательству.

Едва Басманов отдал тот приказ, как в покои явился гонец. Одет он был уже для дальней дороги — поверх кафтана шея была укутана широким шерстяным шарфом. Шапку, подбитую соболиным мехом, слуга держал в руке. Несмотря на общий вид гонца, по коему судить можно было, будто готов он тотчас же отправить-

ся в путь, глаза его были точно припухшие ото сна. Завидев пришедшего, Фёдор радостно улыбнулся, всплеснул руками и даже поднялся со своего места.

— Присаживайся, а то долгий путь держать ещё, — произнёс Фёдор и начал плавно и бесшумно ходить по комнате.

— Благодарю за доброту вашу, Фёдор Алексеич, — ответил гонец, прижимая шапку к сердцу, и занял место Фёдора.

— Неужто почивать уже прилёт? Солнце едва скрылось за горизонтом, — спросил младший Басманов, вскинув бровь.

— По правде сказать, разбужен был по воле вашей, — ответил тот.

— Эвон как? — удивлённо спросил Фёдор, вскинув бровь.

— Несколько дней и ночей не смыкал глаз, мчался с самого Полоцка. Как доставил послание от князя, так и рухнул без сил. Проспал сутки, точно мёртвый.

— От которого князя, говоришь, мчался? — спросил Фёдор, зевая, точно и не слушает гонца.

— Так от Андрея Михалыча из Курбских.

— Ну, нынче путь держать, гляди, не в Полоцк! — сказал Фёдор и дал знак писцу посыпать чернила песком, чтобы схватились.

Холоп достал небольшой холщовый мешочек с сургучом. Пока написанное подсыхало, писец готовил всё к запечатыванию. Фёдор снял перстень и положил его на стол, чтобы было приложено к печати. За несколько минут с тем делом было покончено. Слуги были отпущены, и отец с сыном остались наедине.

— Каковы тебе забавы царские? — спросил Алексей, глядя в окно.

Во дворе всё чернели бесформенные пятна крови, которые смешались со снегом. В ночном мраке, который изредка разбивал огонь факелов, можно было угадать тут и там лохмотья холопов, которые сегодня днём отошли к Господу.

— Каковы? — переспросил Фёдор, подходя к столу. Он взял свой крупный перстень и надел обратно на большой палец, затем прошёлся до кресла и вновь опустился в него.

— Будь я летами моложе, — произнёс он, слабо улыбаясь, опустив взгляд в пол, — быть может, то будоражило бы кровь мою. Сгрызли холопов — пушай, что мне-то с того?

Он пожал плечами и поднял взгляд на отца. Алексей усмехнулся и взглянул на своего сына, подмечая привычку Фёдора плавно водить руками, время от времени поглядывая на перстни на своих руках.

— Ладно, Феденька. Оставь старика своего, устал я совсем, — произнёс Алексей, тяжело вздыхая.

Фёдор молча кивнул, поднявшись со своего места. Басмановы разошлись, но юноша не направился в свои покои, а ступал далее по коридору. И только он преодолел лестницу, как внизу слышал частые шаги. Обернувшись, меж пролётов каменной лестницы Фёдор увидел мимолётный образ. Мимо скользнули светлые волосы, притом распущенные. Мелькнувшая в проходе фигура, что уже скрылась, точно была женской.

Несмотря на любопытство, он не сменил своего пути. Проходя по коридору, Фёдор предстал перед рындами, что сторожили покой государя. Стража преградила путь, чем вызвала лишь ухмылку Басманова.

— Не велено никого пускать, — хмуро бросил один из стражников.

— Доложите, что боярин Басманов челом бьёт, — произнёс Фёдор, скрестив руки на груди.

— Не примет царь никого, — мужик помотал головой.

— Ты доложи, а там будет воля государя, — спокойно произнёс Фёдор, пожав плечами.

Рынды переглянулись меж собой. Тот, что говорил с Фёдором, постучал в дверь. Из покоев послышался короткий ответ. Басманов едва улавливал голос, но не слова. Стражник приотворил дверь в государевы покои.

— Боярин Басманов бьёт челом, — доложил стражник и мгновение спустя обернулся к Фёдору.

Рынды безмолвно расступились, и юноша вошёл в комнату.

— Чего ж ты, Алёшка... — произнёс Иоанн, поднимая взгляд на вошедшего, и тотчас умолк.

На губах Фёдора сохранялась мягкая улыбка. Он медленно коснулся своего плеча и отдал земной поклон. Когда он поднял взгляд, то заправил пряди свои от лица.

— Вы, государь мой, ожидали отца моего? — спросил Фёдор.

Иоанн глубоко вздохнул, откидывая перо. Перед ним на столе расстилались исписанные листы.

— С чем пожаловал, Федя? — спросил царь.

В тоне его не было резкости и того звучания, которое заставляло стынуть кровь в жилах, разносясь звучным эхом под сводами расписных палат. Голос его был тихим, и в нём звучала усталая хрипотца. Свою голову, точно великую тяжесть, подпирал он рукой. Час уже был поздний, и перстни государевы покоились на шкатулке.

— Пожаловал я, государь великий, с тем, что принадлежит вам, — произнёс Фёдор, приблизившись к Иоанну. — Хотел было за трапезою обратиться к вам, право...

Царь свёл брови, глядя на то, как младший Басманов опускается на одно колено. Иоанн с вниманием следил за тем, как Фёдор,

склонив голову, извлекал из-за широкого пояса своего тот самый нож, изукрашенный серебром. Когда юноша поднял взгляд, изогнув слегка свои соболиные брови, он встретился с холодным взглядом Иоанна. Фёдор протянул нож государю, склонив голову.

— Примите его, светлый государь мой, — тихо, но твёрдо произнёс Басманов.

По ветвям и лепестками из серебра скользили огни, отброшенные свечами, горевшими на столе. Царь помотал головой, разглядывая искусные сплетения узоров. Иоанн коснулся плеча Фёдора, точно не было меж ними различий, как меж государем и слугою, но точно были они одного духа.

— На что он мне? — спросил Иоанн, положив руку на нож, и слегка отодвинув принесённое в дар оружие. — На что он мне, старому, немощному? Слабы мои тело и разум. То ли твои лета — лета браво́й юности, лета силы! Служи мне, Фёдор. И на службе своей пригодится тебе оружие твоё.

— Клянусь вам, государь великий, напоить ту сталь кровью врагов ваших, — произнёс Фёдор, взяв руку государеву, целуя тыльную сторону ладони.

Иоанн замер, глядя на юношу, чуть наклонив голову свою, преисполненную тяжкими думами.

— Полно тебе, Федя, — ответил царь, отводя руку свою и взгляд.

Сперва Басманов поднял глаза, всматриваясь в уставшее лицо государя. Сейчас, в вечернем полумраке, юноша читал в нём великую печать скорби и ноющей тревоги, которая навеки воцарилась в глубоких карих очах государя.

— Полно, — повторил Иоанн, глядя на Фёдора. — Ступай к себе.

— Не смею перечить, — произнёс юноша, понизив голос. — Но ежели в силах моих служить вам, всё тело моё, душа и разум, всё вам принадлежит, великий государь.

С этими словами, что были произнесены с пылкостью, но вместе с тем и уверенной твёрдостью намерений своих, Фёдор отдал земной поклон, прежде чем окончательно проститься с государем.

Глава 6

«Господи, защити раба Твоего Андрея...»

Фигура склонилась перед алтарём, стоя коленями на холодном каменном полу церкви.

«Защити его, обереги тело его от меча, стрелы, яда, от греха, охраня души его от огня греховного, от яда дьявольского, от гибели...»

Запёкшиеся губы твердили эти молитвы едва слышно, ибо голоса не было. Точно стальная рука сжимала горло Иоанна. Не первый час стоял государь, склонившись в мольбе к Господу. В глазах его застыли горячие слёзы, которые всё никак не могли просохнуть. Увиденное во сне лишило спокойствия сердце и разум Иоанна.

Видение гласило, будто бы стоит он на берегу буйного потока. Бьётся чёрная вода о камни, и шуму столько, что не слышит Иоанн ничего, кроме плеска. Через берег видит человека, фигуру всю, но не лицо. Кричит Иоанн, и машет ему, и хоть лица разглядеть не может, а всё одно — недвижим тот, что на противоположной стороне. Горло уже болью охвачено, да нет будто бы голоса. И видным становится лицо того, иного.

Едва ли лицо то вовсе рода человеческого — и вроде черты его все на месте, и расположены в должном порядке, а всё пустое оно, лишённое. Отшатнулся Иоанн в ужасе, подкосились ноги государя, да отвести взгляда не может.

— Гляди, Ваня, не оступись, — произнёс тот человек.

Дар речи покинул государя, не в силах пошевелиться.

— **Оступишься — утонешь,** — продолжал нечеловеческий голос, поднимая руки свои.

И увидел Иоанн, что пальцы отрублены на руках и кровь каплет с них на берег. И глядит государь на человека и видит, что устами шевелит тот, но поток точно прибавил в силе своей, озверел — не слышно голоса.

В холодном поту пробудился государь ото сна, и лик тот, пустой и бездушный, точно стоял перед ним.

— Кто ты? За что ты мучаешь меня? — вопрошал Иоанн, будучи один в покоях своих.

Сон развеивался в разуме государя, но никак кошмар не покидал его сердца. Слова и образы забывались с каждым мгновением, но не утихал лютой ужас, точно что-то чудовищное и необратимое уже вонзило свои когти в душу Иоанна. Холодный пот продолжал выступать крупными каплями на худом лице. Тяжёлое дыхание заставляло вздыматься грудь и плечи, едва ли не с болью отдавало в сердце. В голове стояли страшные образы, но точно виделись они сквозь туман или мутное стекло — лишь размытыми пятнами. Весь слух заняло лишь отчаянное биение беспокойного сердца. Дикий ритм заполнял всё вокруг, и тяжёлое дыхание вторило ему, усиливая тот жуткий шум.

— *За какие грехи?* — точно задыхаясь от нехватки воздуха, шептал государь, глядя на белокаменные своды.

Взгляд медленно опустился в дальний угол покоев, и сердце вновь сжалось от боли. Слабые глаза, пленённые полумраком, улавливали очертание стола и шахматную доску на нём.

— Андрей... Андрей!.. — вскрикнул Иоанн, ринувшись с ложа своего.

Облачившись в чёрное одеяние, точно был он не царём, но монахом, всю ночь вымаливал Иоанн защиты для друга своего, что на чужбине службу нёс.

«Пытался Ты меня, окаянного, вразумить видением Своим — да не внимал я Тебе по слабости, по гордыне, по греховности своей! Не остави же нас, Отче! Не остави мя, не остави! Не дай душе раба Твоего Андрея отойти на чужой земле, без покаяния, без погребения! Не дай, Отче! Яко прощался, не ведал я, что воистину ведение Твоё истинно! Ежели так, защити, Господи, раба твоего, яко и я на земле, вверенной Тобою, защищать буду всех убогих, блаженных, неимущих и страждущих!»

Чувствовал Иоанн, как молитва его точно вторит сама себе эхом, да нет ответа от небес.

«Неужто Ты покинул мя, Отче?»

Иоанн поднял остекленевшие глаза на святой образ Спасителя.

«Нет, Господи! Нет нынче мне опоры ни в чём, не покидай меня на растерзание злобы да алчности людской! Не остави мя среди Иуд, что оскверняют имя Твоё! Отче, не остави нас, слабых да безвольных! Защити раба Твоего Андрея, даруй спасение телу, разуму и душе его, Отче!»

В соборе не было никого, не считая двух священников, служивших в ту безлунную ночь. Иоанн стоял на коленях, и сердце его постепенно охватывал холод. Когда пламенная молитва стихла, он медленно поднялся в полный рост, осенил себя многократно крестным знамением, приложился к святыням и вышел из храма.

К тому моменту, как взошло солнце, государь уже восседал на троне. Облачение его переменилось со скромного монашеского одеяния на царское, расшитое золотом да драгоценными камнями. Шуба его, подбитая густым длинным мехом, ниспадала на пол. В правой руке он держал длинный посох.

Взгляд его точно застыл, будто бы вся жизнь покинула тело Иоанна, оставив лишь холодное величие царственной фигуры. Не могли знать бояре, которых принимал государь с последними утренними звёздами, что гложет душу государя. Отчего голос его был тих, отчего взгляд его всё обращался к дверям, точно вот-вот должен кто-то явиться. Бояре держали совет с государем, но далеки были мысли Иоанна от этих разговоров. Не ведали они того чувства, которое охватило всё сердце и разум царя, того чувства, коим был преисполнен он, будучи ещё малым дитятей.

Как сейчас, перед государем стояла та картина — морозное утро, предрассветный час. Юный Иоанн пробудился, точно кто-то коснулся его, точно кто-то силился говорить с ним, но мальчик

был один в своих покоях. Полумрак. Ранние утренние сумерки, но сердце Иоанна твердит — *отныне солнце будет лить свет свой иначе, отныне всё переменится.*

Несколько минут он гнал от себя эти мысли, протирая сонные глаза. Тревожные думы сгушались в голове, как тучи, и тяжестью своей обращались будто бы свинцом. Ощущение это возводило Иоанна к роковому мигу, который всё близился. Разум юного князя спал и не был в силах истолковать те предзнаменования, что сжимали его сердце и душу. Прошло несколько минут. Иоанн сидел в своей постели, когда приглушённый каменными стенами, но резкий крик прервал ожидание неизбежной утраты. В тот миг Иоанн навеки лишился покоя.

Тот крик, отдалённый, раздающийся гулким эхом, до сих пор слышался государю под сводами царских палат. То морозное утро, когда Иоанн остался сиротою, стало роковым рубежом. Тогда он простился с детством, с нежностью, которую он помнил по прикосновениям и по голосу своей светлой матушки.

Тот крик оборвал всё.

Хоть дитя и не видело, как бездыханное тело княгини рухнуло замертво на каменный пол, но сердце знало — отныне всё будет иначе.

Ночами терзали его страшные видения, днями те ужасы являлись во плоти. Немало смертей видел Иоанн в детстве и юношестве своём, и ещё более скрывались от глаз его, но не от разума.

Однако ныне иное время.

Обрёл Иоанн Васильевич власть, коей не было до сих пор ни у князя Московского, Новгородского, ни у одного князя во всей Руси. И сейчас великий царь восседал на троне, и близился вновь предрассветный час. Всё будто бы готовилось к тревожной вести, но во взгляде Иоанна уже замерло в смирении.

На пороге просторной залы появился гонец. Лицо своё он опустил и отдал низкий земной поклон. Бояре умолкли, видя, что взор государя сосредоточен лишь на явившемся. Разговоры не были громкими, но и те умолкли.

— Говори уже, — произнёс царь. — От кого явился ты ко мне?

— Государь великий, светлый наш повелитель! — точно взмолился гонец. — По воле вашей доношу вам весть, да не прогневайся по великой милости твоей, по множеству щедрот твоих!

Голос вошедшего дрожал и прерывался, точно не был властен над собою докладывающий.

— От Курбского? — хмуро спросил Иоанн.

От имени того гонец едва ли в ключья не разорвал шапки своей, каковую мял в руках от неуёмной тревоги.

— Великий государь, свет отчизны нашей... Ныне князь Андрей Михайлович... на иной стороне... — произнёс посланник, преклонив колена перед царской фигурой.

Иоанн прикрыл тяжёлые веки.

— Что же... — тихо вздохнул царь. — Да упокоит Господь душу его. Велите доложить о том в монастыри по всей земле Русской. Пусть отмаливают душу его.

Гонец оторопел, затем сглотнул. Склонив голову, он сжал шапку свою в руках.

— Ныне он на другой стороне служит! Переметнулся на сторону врага вашего, латина Жигимона! — выкрикнул посланник.

Слова те точно не возымели влияния никакого на государя. Едва заметно царь приподнял бровь, глядя на гонца, которого пробила дрожь со страху.

— Повтори, — произнёс Иоанн, плавно взмахнув рукой. — Слабый слух мой с трудом улавливает речь твою.

Посланник поднял взгляд на государя. Губы дрожали, и, на силу совладав с собою, слуга собрался с духом.

— Курбский ныне на стороне Жигимона. В княжество Литовское бежал, оставив отечество своё, — повторил уже спокойнее гонец.

Иоанн коротко кивнул и жестом дал понять, что полно разговоров. Медленно поднялся государь со своего трона. Бояре, среди коих были и Басмановы, невольно отступили назад — кто на шаг, кто и более.

Гонец с замиранием сердца следил за каждым шагом царя. Гробовую тишину разбил резкий удар посоха государева об пол каменный. В следующее же мгновение царь со всей силою ударил посланника по голове посохом, повалив его на пол.

Фёдор хотел было остановить гнев государев, но Алексей крепко схватил сына выше локтя. Юноша не противился, видя, как град жестоких ударов обрушился на гонца.

Несчастный силился укрыть лицо руками, но то не было защитой. С каждым мгновением тело слуги обретало всё более и более страшные увечья. Царь бил его и ногами. Крики стихли — то был знак, что гонец лишился чувств. Но даже тогда во гневе своём государь не сдерживался. Новые удары вновь и вновь обрушивались на едва живое тело.

Рынды не могли стоять в стороне — они попытались было оттащить государя. Когда замахнулся царь посохом своим, чтобы нанести очередной удар, один из стражников схватил было за руку, но не успел сдержать Иоанна. Стоило лишь коснуться одеяний царских, как государь бросил на него ещё более гневный взгляд.

— Не видишь, кто пред тобой? — тихим, но полным силы и гнева голосом спросил Иоанн, глядя на рынду.

— Помилуйте, великий государь! — взмолился тот, склонив голову и опустившись тотчас же на колени пред государем своим.

Рында тотчас же бросил секиру на пол, и грохот её разнёсся по всему залу.

— Милую, — с резкою усмешкой бросил царь, обернувшись, жестом подозвал к себе слуг своих: — Басмановы!

Отец и сын метнулись от толпы бояр, пока Иоанн выжигал взглядом своим стражника. Первым делом Алексей пнул в сторону секиру рынды.

— Ежели очи твои лукавые мешают тебе, что истинно, а что ложно, — произнёс царь, постукивая пальцами своими по посоху, — к чему они тебе?

Короткого взгляда, который бросил Иоанн на Алексея, а через миг и на Фёдора, хватило, чтобы Басмановы принялись за исполнение приказа.

Старший Басманов зашёл за спину рынде, крепко скрутив его руку за спиной и поднимая лицо вверх, оттягивая за волосы. Фёдор сглотнул, достал свой нож из ножен и обернулся на государя. Иоанн коротко кивнул. Губы его искажала жестокая усмешка. Юноша крепче схватился за рукоять ножа и приблизился к рынде. На мгновение он заглянул в лицо человеку, которого было велено ослепить. Фёдора охватило чувство, неясное самому юноше, коего не мог он испытать в пылу битвы.

— Давай, Федь, — голос отца окончательно развеял сомнения, коли они и были.

То мгновение пронеслось столь быстро, что Басманов-сын едва уловил его. Фёдор ощутил горячий поток крови, бойко хлынувший, заливая лицо стражника. Слух точно отказал — юноша не слышал надрывного ора, что разнёсся по сводам тронного зала. Второй удар был твёрже — рука новоявленного палача точно окрепла, держа оружие. Алексей отпустил рынду, когда тот возопил в адской агонии. В крике рынды терялся низкий звучный смех Иоанна.

— Нынче всё иначе будет устроено... — вздохнул государь, медленно возвращаясь на свой трон.

Бояре и воеводы, которые несколько мгновений до того держали совет с государем, боялись шевельнуться. Фёдор ощутил, как тяжёлая рука опустилась на его плечо. Обернувшись, он встретился взглядом со своим отцом. Алексей одобрительно кивнул, пару раз хлопнув сына по плечу. Тот жест будто вывел Басманова-сына из оцепенения. Он опустился на колени и вытер лезвие о плечо

рынды, которого колотило от жуткой боли. Фёдор бегло оглядел ослеплённого и поднялся на ноги, переведя взгляд на царский трон. Иоанн сидел, устремив полубезумный взгляд куда-то вперёд. Губы его подрагивали, но ни звука он не произносил. В том жутком оцепенении прошло около минуты. Казалось, само время застыло, не решаясь двинуться дальше.

— Иначе всё... — тихо прошептал Иоанн, мотая головой и смежая веки.

* * *

Деревянные балки нависали практически над самыми головами людей, забившихся в углу. Небольшое окошко располагалось прямо под потолком и давало немного бледного света с улицы. На большом сундуке со сломанным замком сидел парень, поставившая от каждого прикосновения знахарки Агаши. Под её ногами стояла кадка с водой, в которую подмешали настойку на спирту с травами. Знахарка протирала лицо парня, заплывшее от отёков и синяков. Губа была рассечена с такой силой, что гонец едва держал рот закрытым.

Рядом с ними сидели двое девок за рукоделием. Они были похожи меж собою не только лицом, но и цветом волос. Одинаковые платья, скроенные в скромной простоте, ещё боле мешали их меж собою. Девушки склонились ко свече, которая стояла на сундуке подле раненого парня. Мягкий свет дрогнул, ибо от открытой двери повеял слабый ветер.

Парень не мог сосредоточить взгляд. Он видел мутное очертание человека в чёрной накидке, наброшенной поверх красного шёлкового кафтана. Агаша же, как и девки, тотчас узнала Фёдора Басманова. Знахарка поднялась со своего места и принялась расправлять юбку, измятую за долгим сидением. Девушки отложили своё рукоделие, быстро встали босыми ногами на пол и кротко опустили свои взоры в пол.

Фёдор взглянул на них и указал головою на дверь. Они не медлили ни секунды. Агаша тоже было последовала за ними, но Басманов остановил её жестом. Знахарка кивнула, оставаясь на ногах, точно не зная, куда и деть себя. Взгляд её бросился на грязное тряпье, которым отирала она тело избитого. Агаша быстро собрала те лоскуты прочь с глаз Фёдора. Сам же Басманов сел на табурет прямо подле гонца, которому не было сил подняться на ноги.

— Узнаёшь меня? — тихо спросил Фёдор.

Гонец закивал, морщась от боли.

— Так растолкуй мне, отчего Курбский к Жигимону-то переметнулся? — спросил Басманов.

— Так со страху всё... — с трудом ответил гонец.

Его лицо обернулось сплошным синяком. Не было возможно сыскать там живого места — всё побои измеси́ли.

— От гнева царского бежал... — едва ворочая языком, продолжил он. — Потерь... слишком много потерь в войне... царь... не простил бы. Вот Курбский и бежал... и спасся...

Голос его ослаб, и речь прервалась жутким кашлем.

— Отчего променял он государя нашего? За всё предоброе Андрей к латинам перебежал? — спросил Фёдор, когда кашель унялся.

— Что гадать? Неведомо мне то... — через силу ответил гонец. Фёдор свёл брови и глубоко вздохнул, мотая головой.

— Выходи его, Агаш, — приказал Басманов, вставая с табурета.

— Уж с Божией помощью, с Божией помощью, — ответила знахарка, осенив себя крестным знамением.

— И что за девчухи сейчас подслушивают нас за дверью? — спросил юноша.

— Девки-то? Сиротки безродные. Они и так дурочки убогие, не обижайте их почём зря, Фёдор Алексеич!

— Не буду, — усмехнулся Басманов. — Раз уж ты, Агаша, просишь за них.

С теми словами Фёдор направился к двери и покинул тесную душную комнатушку. Он вышел в мрачный коридор. Мысли его мешались, пока он проходил от одного редкого факела к другому. Не заметил он, как в своих размышлениях оказался в просторном зале с выходом во двор. По правую руку от Басманова возвышалась большая белокаменная лестница. Фёдор поднимался, когда услышал свист. То был его отец.

— Я-то понадеялся, ты сейчас где-то по полям скачешь, — произнёс Алексей вместо приветствия.

Фёдор слабо усмехнулся и помотал головой.

— Нет, батюшка. Негоже службу оставлять, ежели среди ближних наших Иуда, — ответил юноша. — Как государь? Унялся его праведный гнев?

Алексей отмахнулся и помотал головой.

— Не уймётся долго ещё, — ответил мужчина, почёсывая подбородок. — Услужил нам Андрюшка, услужил! Ничего не сказать! Жил бы себе, как у Христа за пазухой! Нет же, неймётся ему, сучий он потрох! Знал бы — прирезал пса!

Фёдор коротко усмехнулся, глядя на негодование отца.

— Полно вам, батюшка, поминать подонка этого. Лучше напутствие дай.

— Ныне делай, что и ранее — служи государю. Злости не вызывай его, да ежели иной вор али изменник прогневает царя — так

под ярость его не попадайся. За опальников не вступайся — сам видел, ещё больший гнев обрушишь на голову свою. Надобно оно тебе? А меж тем ты не сплеховал, Федя.

— Да какой же полудурок сплехует, ежели держал ты предо мною его, да безоружного? — спросил юноша, пожав плечами.

Алексей усмехнулся, окинув взглядом своего сына с ног до головы.

— Славный ты парень, Федька, да ловкий. И рука у тебя тверда.

— А как иначе, при породе нашей? — усмехнулся Фёдор.

Слова те вызвали улыбку на лице бывалого воеводы. С радостною гордостью потрепал он сына по голове. Направились Басмановы наверх, к своим покоям.

— Государь велел ехать в Москву, — вспомнил Басманов-отец, пока проходили они по белокаменным ступеням, коврами устланным. — Ныне новый порядок учреждён будет. Да помилует нас Господь!

Алексей тяжело вздохнул, молвив эти слова.

— И наместник его на земле, светлый государь наш, — добавил Фёдор.

* * *

Январские морозы беспощадно обрушились со всею суровостью на Русь. К высоким монастырским стенам подъехало шесть лошадей со всадниками, одетыми в тяжёлые шубы. Шестеро мужчин были при оружии, головы их укрывали шапки, подбитые соболиным мехом. У ворот лошади остановились. В белокаменной стене отворилась дверь, и к приезжим вышел блаженный старец в чёрном одеянии.

Алексей Басманов спешился и сложил руки, прося благословения у монаха. Старец осенил его крестным знамением, и воевода припал устами к руке монаха.

— Господь с вами, братия, — произнёс старец. — А посему — воротитесь обратно в Москву.

— Никак не можем, святой отец, — вздохнул Алексей, мотая головою. — Ни в Слободе, ни в столице нет государя. Осиротел народ. Здесь же царь великий с семьёй своей?

— Говорю же вам, так внимлите — разверните коней своих да мчитесь обратно. Днями и ночами государь Господу молится. И ныне в соборе замаливает грехи свои и отчизны всей перед святыми образами. Накануне примчался к нему вестник ваш, и молвил государь волю свою — не принимает он более. Не внял гонец словам сим, умолял государя вернуться на престол — да отрезал государь уши ему собственною рукой.

Басманов невольно поморщился и почесал затылок, обернувшись на спутников своих, среди коих был и сын его. Те внимали речам старца, и лица их омрачились.

— Не можем возвратиться мы без государя, — вздохнул Алексей. — Отец, вели открыть ворота.

— Воле вашей перечить не стану, да наставление моё в помощь вам — не тревожьте государя, в великой печали он, в великой скорби. Не желает видеть ни семьи, ни друзей своих. Воротитесь восвояси, братия.

— Открой ворота, — требовал Басманов, залезая обратно на свою лошадь.

Старец коротко склонился, пошёл к воротам в крепость. Через несколько мгновений тяжёлые монастырские ворота ожили и раскрылись, стряхивая с себя снег. Всадники въехали во двор.

— Видно, не сговорчив нынче государь, — вздохнул один из воевод.

— Когда это он сговорчивым был? — ответил Алексей Басманов.

— Так нынче если не вымолим на коленях у царя, дабы воротился он на престол, не избежать мятежа! В столице — так точно! А там, гляди, и новгородские весточку передадут! И с кого начнут? Со свиты царской!

— Так кто пойдёт к государю? — спросил Басманов, оглядывая бояр, что ехали с ним. — Афоня, мож, ты?

— Нельзя мне! — возразил князь. — Нынче припомнит мне все потери, что понесли братья наши славные, воюя с латинами на чужбине! Живота своего не жалели, да не отстояли мы города Полоцка! Не сносить мне головы, ежели просить царя буду!

— От пушай Васька идёт! — предложил один из воевод.

— Да как пойду я? С Курбским этим, супостатом лживым, едва ли не лобзался! — сразу выкрикнул Василий Грязной. — Я-то, ей-богу, не изменник и об перебеге его, гляди, последний прознал! Да ты поди, изъясни государю таков расклад!

За теми спорами приблизились к собору.

— Ты сам-то, Басман, чего не пойдёшь? — спросил Афанасий. — Нет никого ближе сердцу государева.

— Так сам я в шаге от опалы! — возмутился Алексей. — Велено было нам с Курбским-то приглядывать друг за другом. Недоглядел я! Прямо государь мне говорил: «Ежели предаст меня Андрей, так ты, Алёшка, первым то прознать должен! Не возжелает сердце моё видеть, ежели предаст меня ближний мой, на то есть у меня ты». Недоглядел! Я крайним и выйду!

— От раскудахтались! — рассмеялся Фёдор, спешившись.

— Ты чего удумал, Федька?! — воскликнул Алексей.

— А пушай Фёдка идёт, в самом деле! — тут же вступился князь Афанасий.

— И в самом деле! — поддакивал Василий. — Ежели и есть средь нас, кто менее пред государем нашим светлым провинился, то токмо Фёдя.

— Не дури, Фёдор! — возразил Алексей. — Запамятовал ты, как государь на вести скверные разгневаться может?

— Так где ж эти вести дурные? — спросил Фёдор, отдавая поводья своей лошади отцу.

Поправив ворот шубы, он снял шапку, осенил себя крестным знамением и переступил порог храма Господнего. Князья остались снаружи, глядя Фёдору вслед. Алексей тяжело вздохнул, снял кожаную перчатку и потёр переносицу. Мелкие хлопья снега медленно опускались на землю.

* * *

Под сводами собора тихо разносилась монотонная молитва. Послушники и монахи стояли одинокими редкими фигурами, в унисон читая куплеты и строфы. Голоса эти, звучные и певучие, разносились и множились средь просторных стен собора. Молитвы возносились к высокому куполу, откуда вниз взирал Спаситель, восседая на небесной сфере.

Перед алтарём на коленях стояла фигура, облачённая в чёрное. Одежды ниспадали до самого пола. В руках молящийся держал деревянные чётки. Пальцы его быстро перебирали одну крупную бусину за другой, пока в один момент он не замер, услышав, как отворяется тяжёлая дверь. Иоанн обернулся, вскользь разглядев вошедшего. Не придав ему никакого значения, он вновь погрузился в свою молитву. Прошло много времени, прежде чем Иоанн поднялся с колен и обернулся к пришедшему.

Фёдор стоял поодаль. Атлас его красного кафтана с хитрыми узорами отливал золотом в свете свечей. Взгляд его был устремлён на государя в ожидании, когда царь велит ему молвить слово.

— Я дал ответ свой, — произнёс Иоанн, ведая, с какими вестями беспокоит его Басманов.

— Не принимает ответа вашего ни столица, ни весь народ честной, — ответил Фёдор.

Иоанн усмехнулся, мотая головой. Медленным шагом приблизился он к Фёдору, покачивая на ходу деревянными чётками, продолжая перебирать бусины.

— Сказал я и верен я слову своему — не быть мне царём. Измучили измены меня. Новый государь ваш — сын мой Фёдор. Ему на верность присягайте, у него отныне и впредь просите милости и заступничества.

Государь замер в двух метрах от Басманова.

— Не остави народ свой, точно сироту, — взмолился Фёдор.

«Отчего же, если вы все оставили меня?»

На лице Иоанна появилось выражение сродни презрению. Медленно он поднял руку, указывая на двери.

— Поди вон из обители святой, — сквозь зубы, едва ли не шёпотом произнёс Иоанн. — Остави меня!

— Не уйду, государь великий, — твёрдо ответил Фёдор, глядя царю прямо в глаза.

Пальцы Иоанна, что перебирали звенья чётки, замерли. Неподвижный взгляд точно впился в фигуру, облачённую в бархат и меха.

— Оглох ты, Феденька? — тихо спросил царь, улыбаясь, словно скалясь по-звериному. — Али рассудок покинул тебя, сын ты Басмановский? Последний раз молвлю волю свою — не быть мне отныне государем. Слаб я, тело и душа мои изранены. Полно! Нет во мне силы службу тянуть со всеми бесами в обличье человеческого! Полно!

Гневная речь прервалась залиvistым звонким смехом. В оцепенении замер Иоанн. Стихли и молитвы. Монахи и послушники святой обители невольно обратили взоры свои на Иоанна и Фёдора, чей смех становился уже кощунственно бесстыдным. Терпение царя иссякло. В мгновение ока очутился он прямо перед Басмановым и со всей силою своей ударил наотмашь его по лицу, в кровь рассекая тому губы. Крепкой хваткой Иоанн вцепился в воротник Басманова и впечатал его в стену, приподняв над землёю.

— Что же так позабавило тебя, басмановское отродье?! — стиснув зубы от бешеной злобы, вопрошал государь.

Хоть Фёдор и жмурился от боли, с лица его не сходила улыбка. Слизав кровь с губ, он перевёл дыхание.

— Да то, — ответил юноша, распахнув свои пронзительно-голубые очи и глядя прямо во глаза Иоанновы, — что вы, великий наш светлый государь, при всей силе вашей, при всём разуме вашем, молвите в святой обители, точно вы ушербны!

Царь ни на секунду не ослаблял своей хватки, но медленно опустил руку, что занёс для нового удара.

— Кто, ежели не вы, великий царь? — много тише спросил Фёдор. — Кто, ежели не вы, защитит детей своих, отечество своё от Жигимона подлого, от измены Иудовой?

Фёдор ощутил, как ноги его вновь коснулись каменного пола. Глядел Басманов в лицо государево, обрамлённое дрожащим сиянием свечей, и видел, как слепой гнев и ярость стихают в душе Иоанна.

— Ежели бросите нас на погибель, — произнёс Фёдор в абсолютной тишине, — так тому и быть. Нет у нас надежды иной. Но как верный слуга, как раб ваш, великий Иоанн, молю вас — за всё отечество молю — не остави нас.

Служители святой обители боялись проронить хоть слово. Мёртвая хватка, которой держал государь Басманова, в мгновение распустилась. Иоанн перевёл взгляд на святые образа. Фёдор меж тем вновь вытер кровь с рассечённой губы.

— Отче! — воскликнул Иоанн, расправив руки свои. — О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо меня! Не моя воля, но Твоя да будет!

— Аминь, — прошептал Фёдор, склонившись в земном поклоне пред царём, но голос тот донёсся до слуха государева.

* * *

Когда дверь собора отворилась, пятеро бояр, а более их всех Алексей Басманов устремили взгляды на крыльцо церкви. Воевода тотчас же нахмурил брови, видя кровь на лице своего сына, однако весь вид Фёдора говорил о тихом, но величественном торжестве.

— Мы возвращаемся в Москву, — объявил Фёдор.

Бояре в недоумении меж собою переглянулись, но следом за Фёдором на пороге церкви явилась величественная фигура царя всея Руси.

* * *

Ударили морозы, пронзившие ледяными когтями реки да озёра. Народ честной тянул работу, какая оставалась на зиму весь год. Кто шёл на рынок, кто праздно слонялся по дворам да проулкам, точно зевака. Один такой мужик с выражением лица пустым и унылым, слонялся вдоль городского рынка. Да зазевался мужик — чуть под копыта лихого наездника не угодил.

— Государеву волю слушать велено! Государев указ! — провозглашал всадник.

Немало таких наездников в тот морозный день бороздили столицу и другие города Руси, а всё для того, чтобы собрать народ честной на площади да зачитать волю царскую. Не знали люди, что значили слова из указа государева. Да и гонец, как ни старался надрывать горла своего слабого, надышался студёным воздухом. Оттого слова указа едва ли было слышно. Да и народ всё галдел в общем беспорядке. Неясно было ничего, токмо если очень уже напрягать слух или родиться востроухим.

Ясно было лишь то, что ныне государь учреждает *земщину* да *опричину* и *будет нынче иной порядок во всём царстве Русском.*

Часть 2

Глава 1

Точно пробиваясь сквозь толщу воды, раздался мягкий звук. Различить его становилось всё проще, но давило тяжёлое ощущение, будто бы находишься на дне ледяного озера. Крошечная тьма. Снова отдалённый звук приобретает нечто схожее с человеческим голосом.

Сознание медленно возвращалось к Алексею. Он ощутил своё тело, которое было разбито свинцовой тяжестью, а голова будто отлита из чугуна. Звук собственного сердца тревожно отдавался в горящих висках. Под собой Басманов ощущал мягкие тюфяки, схожие с подушками. Видать, накануне свалили их вповалку, дабы не спать на голом полу. Сил не хватало шевельнуться, а горло иссохло, точно брёл Басманов по пустыне, объётой неистовым жаром. Медленно приходил в себя Алексей, когда вновь услышал голос подле себя.

— Батюшка, служба зовёт! — раздался голос Фёдора.

Алексей насилу продрал глаза и тотчас же тяжело вздохнул, протирая очи.

— Да сними уже маску эту... — тяжело произнёс воевода.

Пестрил перед мутным взором облик сына, разодетого во время пира. Отрывки вечера да ночи возвращались к Алексею. Звуки музыки, крики и песни — всё мешалось и доносилось далёким эхом. То ли сон, а то ли вправду всё было, но помнил Алексей и сына своего, вновь резвящегося с дураками и скоморохами. Не помнил Басманов, что молвил Иоанн на пиру, да помнил, каков был государь. Весел да ребячлив, точно на волю отпущенный. Смех царя помнил Басманов, громкий, да которому вторили все, кто на пиру том собирался, ибо каждый жаждал не только разделить государеву радость, но и показать царю великому, что одного они мнения.

Алексей с трудом приподнялся на локтях и оглядел зал, в котором и заснул вчера, упившись на пиру до беспамятства. Фёдор стоял подле отца на одном колене. Длинные красные косы, креплённые к маске, ниспадали до самого пола. У его ног стоял серебряный кувшин. Фёдор снял маску, опустил её на пол, подавая своему отцу сосуд. Алексей тотчас же припал губами

к питью. То был холодный квас. Бодрящий вкус, прохлада и свежесть возвращали воеводе покой в голове, унимали шум в висках и тяжесть во всём теле. За несколько больших глотков мужчина осушил кувшин.

Пока отец утолял неистовую жажду, Фёдор поднялся на ноги и потянулся. Затем он принялся обходить зал, приближаясь к иным боярам, что валялись прямо на полу, сражённые винами на пиру. Он будил одного за другим — в общей сложности двенадцать человек. Бояре и воеводы лежали прямо в одежде и в обуви. От каждого стоял крепкий запах браги. Мужчины с недовольным ворчанием мало-помалу оживали — лениво ворочались с боку на бок. Многие постанывали с похмелья, а иные, что были моложе и крепче, поднимались на ноги, шатаясь точно медведь со спячки.

Алексей уже был на ногах. Он развёл свои ручищи в стороны и со стоном потянулся, резко выдохнув. После того он поднял кувшин, принесённый сыном, и на всякий случай проверил — не осталось ли на дне чего.

С недовольным фырканьем Алексей опустил кувшин на стол. Оперевшись обеими руками, Басманов обернулся через плечо на своего сына. Фёдор по второму, а то и третьему кругу обходил бояр, тормоша их. Иной раз он опускался на колено, тряся за плечо воевод, иной раз лишь носком сапога пинал в бока бражников.

— Ты сам-то когда пробудился-то? — спросил Басманов-отец, когда юноша завершил очередной обход и опустился на одно из мест за столом.

Фёдор пожал плечами и вскинул голову, стараясь припомнить.

— Верно, около часу назад, — ответил юноша.

— Чёрт бы тебя драл, одинаково же испили мы? Али ты больше? — с деланой, игривой досадой Алексей всплеснул руками.

— Кто-то же должен вас растолкать, — просто произнёс Фёдор, хватая кусок рыбы со стола и отправляя его себе в рот.

Лишь сейчас смог Алексей напрячь свой мутный взор и разглядеть кровь на лице сына.

— С каким же зверюгой уже сцепиться успел? — спросил Басман-отец.

На правой щеке Фёдора, над скулой, прямо возле уха блестела красная полоса, точно от ножа или кинжала. Юноша взял серебряное блюдо, перевернул его чистой стороной и вгляделся в него, точно в зеркало. С недовольным цоканьем Фёдор осторожно коснулся пореза, прищурился глазами.

— Говорил я тебе — носи бороду, как издавна все люди и носят! — произнёс Алексей, почёсывая подбородок, подтверждая свои слова. — Того гляди, лишь изранишься сильнее, покуда бороться выучишься!

— Уж наловчился я шашкою махать, наловчусь и бриться, — ответил Фёдор, опуская блюдо обратно на стол.

Алексей улыбнулся и взглядом окинул кушанья на блюдах. После вчерашних гуляний яства лежали надкусанными ломтями на подносах из серебра и жести. Басманов-отец опустился на стул подле своего сына, не глядя хватая какой-то кусок мяса. На вкус он показался слишком солёный, аж жгло иссушенные губы. Алексей вытер рукой рот и широко зевнул, потирая глаз.

— И, батюшка, — ехидно добавил Фёдор, — в покоях ваших прибирается сейчас Глашка. Я велел ей дожидаться прихода вашего, прежде чем покинуть покои. Баба-то смышлёная, по глазам видно, что поняла, с чем велено ей остаться.

— Глашка? — переспросил Алексей, потеряв лицо тяжёлой грубой рукой.

Мысли клубились в голове, точно пар над котлом. Среди пуганицы образов припомнил он крестьянку, того гляди, и в самом деле Глашкой звать. Лицо её, круглое, с румянцем на щеках, весною да летом веснушками покрывалось. Делалась точно юною прелестницей, да при её годах. Один образ фигуры округлой её заставил воеводу окончательно пробудиться.

— Кухарка-то? — с улыбкой спросил Алексей.

— Она самая, — кивнул Фёдор. — Велено выезжать нам лишь опосля часу, времени предостаточно.

Отец довольно усмехнулся, хлопнув сына по плечу. Тряхнув головой, Басман точно сбивал с себя остатки хмельной пелены, что туманила его разум. Взбодрившись, он встал из-за стола и тяжёлым шагом направился в свои покои. Проходя по коридору, он перебирал образы вчерашнего застолья, стараясь упомянуть что-то важное. Он помнил государев смех. Звучал он легко, раскатисто. Пел государь, что было добрым знаком для всех, кто служил при дворе. Остальной шум, музыка, танцы, стальной звон тяжёлых бокалов слились в единый поток. Хоть слабость и ломила ещё не пробудившееся окончательно тело воеводы, на его губах горела довольная улыбка. Поднявшись по лестнице во свою опочивальню, он тихо присвистнул, видя, что дверь уже приотворена. Алексей взялся за кованую ручку и осторожно толкнул её от себя. Тяжёлые петли лишь тихо проскрипели, не делая много шума.

Воевода заглянул в свою опочивальню. Глаша соскребала воск с подоконника. Стояла она ко входу спиной, отчего не видела вошедшего. Алексей шире приоткрыл дверь, и старые петли дали о себе знать. Женщина тотчас же обернулась и коротко поклонилась, глядя в пол.

— Алексей Данилыч, я... — лишь и пролепетала Глаша, как Басманов грубо ухватил её за руку и потянул за собою к кровати.

На лбу у женщины выступила испарина от работы, которую она выполняла минутой ранее. Алексей крепко держал её за запястье. Её пальцы и ладони покраснелись от холодной воды и долгого труда. Алексей тотчас припал губами к её белой шее, отводя тугую тёмно-русую косу. Он ощутил запах её тела — то было тело зрелой женщины, которая уже не цвела весенним цветком, но была сочна, как налившийся плод. Мужчина завалил её на постель, задирая неровный подол её платья.

Глаша не смела противиться, а лишь, напротив, отвечала на грубость ласкою, на какую была способна. Она не отталкивала его, не пыталась отбиться, а даже отвечала на поцелуи Басманова. Алексей любил не её саму, но быть в тёплых объятьях этой женщины, чувствовать её пылкость, касаться жаркого тела, пробираясь под юбки. Она позволяла себя касаться, как будто у неё был выбор. Басманов обладал ей, отдавшись страсти. Крестьянка же, зажмурившись, отвернула лицо к стене. Оттого открылась белая шея её, к которой вновь и вновь припадал губами Алексей.

С тяжёлым, хриплым выдохом Басманов выпустил её из своих объятий. Глаша тотчас же опустила подол платья, жадно глотая воздух. Алексей рухнул на кровать, закатив глаза. Могучая грудь его вздымалась. Глаша села на кровати и принялась дрожащими руками своими заплетать растрепавшуюся косу. Мельком оглядывалась она на Басманова, ожидая приказа.

— Хорошая ты баба... — протянул Алексей, приподнимаясь на локтях.

Крестьянка обернулась вполоборота и коротко кивнула.

— Желаете чего, Алексей Данилыч? — спросила она.

— Да нет, Глашенька, — довольно вздохнул Басманов. — И про ублюдков твоих, молокососов, помню. Не тронет их никто.

Крестьянка тотчас же взяла руку Алексея и припала к пальцам дрожащими губами.

— Нет у них опоры иной, нет у них защиты, токмо ваша благодетель, боярин! — точно взмолилась она.

— Да полно, полно тебе! — добродушно произнёс Басманов, однако руки не отнял.

Нравились ему та мягкость, тот трепет, с которыми крестьянка сжимала руку, как тёплые губы её вновь и вновь целовали его.

— Да полно, в самом деле... — вздохнул Алексей. — Нынче я в опричину учреждён. А значит, что сам Земский суд не указ мне. Надо мною лишь государь да сам Господь Бог.

— И над сыном вашим? — осторожно спросила Глаша.

— А Федька мой на кой сдался-то тебе? — хмуро ответил вопросом на вопрос Басманов.

Не дав ответа, Глаша потупила взор да замотала головой, не желая гневить единственного своего заступника при всём дворе. Да и не разозлился Алексей.

— Ну, полно, полно!

Не было на то охоты большой, но долг звал, и Басманов поднялся с мягкой кровати и велел Глаше помочь ему одеться.

* * *

Небо заволокли тучи молочного цвета. Когда Алексей вышел на каменную лестницу, припорошённую снегом, в воздухе кружились мелкие хлопья. Морозный воздух щипал нос. Воевода облачился в чёрную накидку поверх своего одеяния. На поясе висела широкая шашка. Басманов голой рукой захватил снега с перил и освежил им лицо, глухо охнув.

Как раз в то время из-за угла вышел человек странного вида. То был взрослый мужчина, но бороды он не носил. Его высокие скулы пересекало несколько шрамов. Прямой и узкий нос, светло-серые глаза. Неизвестный рыскал своим взглядом, прежде чем увидел Басманова и направился к нему.

Алексей со мнительностью оглядел наряд гостя. Тот носил сапоги странного кроя, мантия его имела узоры, но то были точно не русские умельцы. Незнакомец был сухощав, но сложен хорошо. По летам он был младше Басманова — на вид шёл третий десяток, самое большее — четвёртый. Когда тот человек подошёл достаточно близко, Алексей разглядел его оружие. «Латин...» — подумал Басманов, глядя на шпагу, которые носили при себе заморские чужестранцы. Невольно та мысль насторожила Алексея, и сам опричник не заметил, как рука его опустилась на рукоять шашки.

— Доброго дня вам, — произнёс тем временем безбородый мужчина, снимая шапку из меха, — нынче я на службе Иоанна Васильевича буду. Велено мне было разыскать Басманова, не знаете, где он, сударь?

Алексей был удивлён не только тем, что латин этот искал его, но и речью иностранца. Хоть акцент и выдавал немца, языку он был выучен более чем сносно.

— Как звать тебя и на кой тебе этот Басманов? — спросил воевода, продолжая идти к конюшне.

— Андрей Штаден, сударь. В письме своём ваш светлый владыка велел Басманову истолковать порядок и уклад ваш, — ответил немец, доставая из внутреннего кармана своих одеяний конверт.

Приняв послание, Басманов начал вчитываться в те слова: «...как прибудешь в Александровскую слободу, разыщи опричника Басманова. Укажет он тебе порядок и уклад наш...»

Алексей с неудовольствием поджал губы и обернулся на конюшню, которую уже было видно за спиной немца. Лошадь Басманова уже была готова, и двое конюших держали её под уздцы. Она била копытами по снегу и с нетерпением рвалась на волю. Сам Алексей, под стать своей лошади, с нетерпением оглянулся на двор и лестницы. На улицу постепенно спускались опричники, звеня оружием и кольчугами. Одна за другой чёрные фигуры выходили из проёмов царских палат. И вот Басманов довольно улыбнулся, указывая на перила широкой белокаменной лестницы, где стоял сын его с Васькой Грязным.

— Видишь молодца? Вот того, безбородого, в красном кафтане под накидкой чёрной? — спросил Алексей у немца, возвращая Андрею его письмо.

Чужеземец кивнул, убирая письмо от снега.

— Тот, что сейчас глядит в нашу сторону, — добавил Алексей, видя, что сын обратил свой взор на них с немцем.

Андрей кивнул, чуть прищунив глаза.

— Вот он, кто нужен тебе. Басманов и изъяснит, что тут к чему, — объявил Алексей и поспешил к своей лошади.

Андрей направился к лестнице, проходя мимо опричников. Многие из них прятали лица под нависшими капюшонами, так, что не было видно ни лица, ни глаз — лишь ухмылки сквозь густые бороды. Фёдор же заметил чужеземца ещё до того, как немец к нему обратился.

— Доброго дня вам, — произнёс немец. — Я Андрей Штаден. Ныне несу службу вашему светлому государю, Иоанну Васильевичу. Велели мне разыскать при дворе боярина Басманова, чтобы он изъяснил мне долг мой.

Юноша удивлённо вскинул брови. Васька Грязной хлопнул Фёдора по плечу и оставил их с немцем наедине. Андрей протянул письмо Басманову. Глаза его пробежались по строкам, после чего он цокнул языком с недовольством, но улыбнулся. Лишь бросил взгляд он на ворота, да то и видно было, как отец его умчался прочь.

— Так что же? — спросил немец, не понимая выражения смешной досады на лице Фёдора.

— Да что же изъяснять тут? — ответил встречным вопросом Басманов, оглядев немца с ног до головы.

Беглым взглядом изучил он не только фигуру немца и сложение его, но, видно с большею охотой, разглядывал крой заморского одеяния и эфес шпаги, что слабо поблёскивал от света, пробиравшегося сквозь пасмурно-молочные облака.

— Смотрю, недурно ты на нашем говариваешь, — произнёс Фёдор, спускаясь по лестнице и махнув немцу, дабы тот следовал за ним. — Откуда сам будешь?

— Из Алена, — кивнул мужчина.

— Значит... — Фёдор коснулся пальцами подбородка.

На секунду ясный взгляд Басманова заметался, точно улавливал мысль больно вертящую, после щёлкнул пальцами и взором вновь устремился прямо на немца.

— От роду немецкому научен? — спросил Фёдор, вскинув бровь.

— Всё так, — вновь кивнул немец, не без удивления во взгляде.

— Как звали тебя в Алене твоём? — продолжал расспрос свой Басманов, всё ещё с охотой и пылким вниманием разглядывая заморские одеяния.

— Генрих Вольгер фон Штаден, — ответил немец.

Фёдор вскинул брови и присвистнул.

— Будем величать тебя... — Басманов вновь бросил взгляд на письмо, которое дал ему немец.

Пробежав вновь по строкам, Фёдор прочёл упомянутое в нём обращение:

— Андрей Владимирович.

Чужестранец вовсе не возражал — короткая усмешка на губах его точно дала на то согласие.

— И мой тебе совет, Андрей, — добавил Басманов, возвращая бумагу немцу. — Ежели хочешь послушать, что толкуют о тебе, да какого мнения бояре али сам царь-батюшка, ты помалкивай. Авось и сочтут, что не смыслишь ты речи нашей.

— Отчего же представлять мне неучем, ежели не первый год я на Руси? — спросил Андрей. — Пушай толкуют обо мне, что в голову взбредёт. Мне платят за труд мой, и я несу свой долг честно перед государем, как перед Господом.

— Как знаешь, друже, как знаешь, — Фёдор пожал плечами и развёл руки в стороны. — Всяко я тебе истолковал это — ныне сам решаю, как поступить.

— Ты мне, Басманов, истолкуй лучше, отчего к седлу закреплена метла да... — Андрей нахмурился, когда подошли к лошади Фёдора совсем вплотную.

Басманов дал разглядеть Андрею седло лошади и жуткий оскал. Едва приблизившись, немец сперва поморщился от отвращения, а опосля и вовсе назад отшагнул.

— Мы опричники, верные псы государевы, — произнёс Фёдор, касаясь собачьей головы, что болталась подле седла. — Выискиваем да выметаем весь этот сор.

— Диковинный обычай... — ответил Андрей, всё косясь на собачий оскал.

Морда разинула пасть с жёлтыми клыками. Падаль иссохлась, оттого и жуть пробивала немца, покуда глядел он на отрубленную

башку. Тем временем Фёдор свистом подозвал к себе конюшего и отдал ему узды. Видать, сегодня Басманов занят будет внутри Александровской крепости. Фёдор коротко простился с лошадьё, положив руку на её тёплую морду. Точно кутёнок, тыкалась она в хозяина, прежде чем её увели. Андрей молча наблюдал за той сценой, и мягкая улыбка оживила его лицо. Когда конюший увёл лошадь басмановскую, Фёдор вновь обратился взором к чужестранцу и жестом велел следовать за собою.

— И какие же права вменяют нам на службе сей? — спросил Андрей, когда вышли они с конюшни. — Доныне я нёс службу свою в земщине.

Слегка подтаявший снег хрустел от каждого шага. Погода грозила обернуться гололедицей.

— Ох, друже, тут государь нас не обидел доверием да щедростью своей! — произнёс Басманов. — Нет над нами власти, кроме царя нашего светлого да Господа Бога. Да сам Земский суд стоит не более гроша ломаного, ежели поперёк слова опричника будет.

Андрей дивился, притом не без радости, тому раскладу, который изъяснял Басманов.

— На родине, видать, и не поверят, — усмехнулся немец.

— Чудно, что упомянул ты о том! — Фёдор хлопнул в ладоши, сплетая пальцы свои замком. — Светлый государь наш не хочет, чтобы вести об опричнине перебежали границы, а уж тем паче переплывали моря.

— Не хочу вызывать гнев на себя, но слухи уже бродят, — заметил немец.

— Ну и пусть себе дальше бродят, да ты, главное, сам помалкивай. Того гляди — не сыщешь опалы, со славою и богатством вернёшься в свой Ален, — Фёдор мягко улыбнулся, точно сам радуясь счастливому раскладу.

Дворами шли они к оружейной, чтобы выдать немцу снаряжение. Сейчас Фёдор и Андрей переступали через широкий внутренний двор, усыпанный свежим снегом. Во мгновение Басманов замер, щуря свой взор. Взгляд его ясных глаз поднялся на арочные своды, что высились на втором этаже царских палат.

— Немало премудростей учинил царь московский! — с усмешкою произнёс Андрей, почёсывая затылок.

— Так можешь сам ему то и доложить, — улыбнулся Басманов, указывая плавным жестом на широкую каменную лестницу.

Пред взором опричников предстали две величественные фигуры. Царь со своею царицей спускались по лестнице. Шубы их, исшитые хитро золотом, волочились подолами по ступеням, стряхивая снежный покров. Фёдор и Андрей тотчас же низко поклонились. Царица, приблизившись к опричникам, подала свою

руку, унизанную перстнями. Даже того мягкого рассеянного света, что пробирался сквозь снежные облака, хватало, чтобы одеяния супружеской четы переливались бесчисленными отблесками от золота да драгоценных камней. Младший Басманов широко улыбнулся, завидев, что государь с женою своей пребывают в добром расположении духа, и припал губами к перстням царицы.

— Отчего же, — улыбнулась она и устами, и взглядом своим, — не признаю я вас? — с теми словами глянула она на чужестранца.

— Никак иначе, как Андрей, немец мой, на службу с земщины явился к опричнине моей? — хитро прищурился Иоанн.

Фёдор в поклоне припал губами к царскому перстню. С живым любопытством разглядывал Басманов, как рубин играет на свету. Лучи солнца перескакивали с грани на грань, точно студёная вода по каменному источнику. За тем и не заметил Фёдор, как государь коснулся подбородка его да и отвернул в сторону. Юноша подивился, но противиться не стал — лишь взглянул на государя, пытаясь угадать его волю. Лицо же Иоанна не хранило ни мрачности, ни гнева. Взгляд глубоких голубых глаз скользнул по щеке Басмановой.

— От я, близорукая, гадала — кто ж это в мужицком платье да небритый? Басманова-то Федыку я уж признала, подле Федыки что за боярин идёт? — усмехнулась тем временем царица. — То-то говаривал Иван мне, будто бы и впрямь латин при дворе служить будет!

Она радостно всплеснула руками. Браслеты да кольца её вновь запереливались на свету. Глядела царица на немца, точно впервые увидела пред собою чудо какое.

— И в самом деле, мужчины не носят бороды на родине вашей? — добавила она с развесёлою улыбкой.

— Всё так, государыня, — кивнул Андрей. — Сызмальства приучаем отроков своих бриться.

— Так научи Федыку искусству тому, — приказал Иоанн, сохраняя тёплую улыбку на лице и в голосе своём. — Да сам выучись у него езде верхом. Лихой у нас наездник.

— Как велите, царь-батюшка, да лихих наездников и у нас сыскать можно, великий государь, — не без тихой гордости за родные края ответил Андрей.

На то Иоанн рассмеялся громко да беззлобно.

— Не видал ты ещё Федыку нашего в седле, то-то и всего, — ответил государь.

Фёдор приподнял брови да от похвалы разулыбался и ответил на слова государевы коротким поклоном. На том и разошлись государь со своей супругой да Фёдор с Андреем. Продолжили опричники путь свой и вышли к оружейной палате.

Тем вечером вернулся Фёдор в свои покои ранее, чем обычно заведено у него было. Весь день провёл он с немцем, разъясняя ему, где что расположено, к кому обращаться. То вымотало юношу много больше, нежели бой, а тем паче — езда верхом. Усталость, что охватила его, была иного толка. Зелёной тоской она вязко обрушилась на него, и Басманов желал уже отойти ко сну, чтобы скорее в новом дне приступить к занятиям ратного рода.

Подходя ко двери в свои покои, он увидел мальчишку, сидевшего на голом каменном полу. Прислонился к стене, голову свесил, закемарил. Фёдор опёрся рукой о колено, наклоняясь к холопу, громко щёлкнул пальцами прямо над ухом. Мальчишка подскочил точно ошпаренный. Выпучив заспанные глаза, он пару мгновений метался, не зная, куда и подать себя. Басманов ухватил парня за плечо, и лишь тогда холоп пришёл в себя. Увидев прямо перед собою Фёдора, мальчик сглотнул и тотчас же поклонился.

— Вам, сударь, передать велено! — пролепетал он, рыская руками у себя за пазухой.

Дыхание его было сбито тревогой. Басманов едва разобрал слова, что лишь поднимало в нём больше гнева от усталости.

— Вам, Фёдор Алексеич... — повторил мальчик, доставая вещь, похожую на блюдце, завернутое в синий бархат.

Как рукой сняло всю тоску и досаду. Со вниманием и приятным волнением оглядел Фёдор предмет, принимая нечто в бархате. Не успел он развернуть роскошной материи, как мальчишка, зевая и переминаясь с ноги на ногу, пошёл по коридору прочь. Стоило Фёдору развернуть бархат, как взгляд его преисполнился трепетного восторга. То было зеркало, литое из серебра. Его обвивали диковинные чудовища, будто хотели сами увидеть свои неопишуемые отражения в глади зеркальной поверхности.

— От кого? — окликнул Басманов мальчишку, не отводя взгляда от собственного отражения.

Жарко-красные отблески факела плавали по серебру, дрожа неровными каплями, как калёное железо. Фёдор глядел на отражённый свой лик. В зеркале видел себя, окутанного полумраком коридора. Тонкими пальцами коснулся он животных, да с таким трепетом, точно живыми были те твари и спугнуть их боялся.

— Дык от государя нашего, Иоанна Васильевича! — крикнул в ответ мальчик да и скрылся за поворотом.

На губах Фёдора засветилась мягкая улыбка. Хотел было дать ответ свой мальчишке, чтобы тот доложил царю, да холоп уже скрылся за поворотом. Мальчик спешно спустился по лестнице, едва не оступаясь от усталости. Глаза слипались сами собою, кло-

ня мальчугана в сон. Холоп спрыгнул с последних трёх ступеней и чудом не подвернул ногу. Пройдя по каменному полу, далее он держал путь к небольшому холодному чулану. Отворя скрипучую дверь, он проник внутрь, нащупал старый полинявший заячий тулуп. Накинув его, он поспешил к конюшне. Во двор уж выехал всадник, но, лишь завидев мальчишку, туго натянул поводья. На седле болталась собачья голова да метла, облачение мужчины было полностью чёрным, под ним слабо звенела кольчуга.

— Всё сделал, как вы велели! — произнёс мальчик, откланиваясь пред опричником.

— Сказал, от кого дар этот? — спросил мужчина.

Холоп лишь мельком видел часть лица опричника, какую разглядеть можно было в том мраке. Особенною чертою были следы огня, застывшие ожогами по всей щеке. Неровная борода чернела на его лице. Весь облик припугнул мальчонку, и тот опустил свой взгляд в землю.

— Как вы и велели, сказал, будто бы подарок тот от государя, — ответил мальчик, сглотнув со страху.

— Всё верно! — усмехнулся опричник, кинул три монеты в снег пред мальчишкой да резким ударом хлыста погнал свою лошадь прочь.

Глава 2

За окном ещё не поднялось солнце, но Фёдор уже окончательно проснулся, оделся, умылся и теперь рассматривал зеркало, увитое чудищами. Он провёл кончиками пальцев по щекам и подбородку, глядя в отражение. Дрожащего пламени факела на стене да свечей на подоконнике хватало молодому опричнику для сборов. Порез на скуле уже начал затягиваться, превратившись в тонкую розовую полоску шрама. На мгновение Басманов отпрянул, а сердце его замерло от неопикуемой тревоги. Фёдор вновь прищурился в полумраке, дабы развеять странное видение. Он потёр переносицу, зажмурив глаза и переведа дыхание.

«Не могли же они взаправду шевельнуться?» — твердил себе Фёдор, проводя рукою по змеиной морде из серебра.

Фигуры зверей оставались, как и полагается, — неподвижными. Лишь дрожащий огонь отбрасывал тени по их чешуйчатым спинам, по извилистым хвостам. Иной раз и в самом деле углядеть немудрено было, будто воистину ожили создания, что оберегали зеркало. Некоторое время Фёдор глядел в своё отражение, тонув-

шее в предрассветном полумраке. Мотнув головою, Басманов точно стяхнул с себя те образы, что померещились ему.

Фёдор прошёлся по комнате и бросил через плечо взгляд на зеркало. Не приметив ничего жуткого, он глубоко вздохнул и направился к выходу. Через несколько минут поднялся к покоям государя, где встретили его двое стражей. Секиры у рынд всегда были наготове. Хмурые глаза их одновременно усталились на молодого опричника.

— Бьёт челом Фёдор Басманов, — произнёс Фёдор.

Один из стражников опёрся рукою на секиру, точно на посох, да и отправился в покои доложить царю. Дверь отворилась перед Басмановым. Прошло несколько мгновений, прежде чем глаза приспособились ко мраку, в который была погружена опочивальня. Слабый огонёк лампы да пара свечей на столе — то был весь свет. Ныне стол был много боле завален бумагами, книгами и письмами. На жёлтые листы капал желтоватый воск. Крошки красного сургуча оставляли полосы-царапинки на посланиях и указах.

Сам государь медленно шёл к центру комнаты от красного уголка своей опочивальни, где располагались святыя образа Богородицы и Спасителя. Иоанн медленно приподнял руку, и Фёдор склонился в поклоне и припал устами к царским перстням. Рука государя была холодна, точно вернулся он с мороза.

— С чем же пожаловал? — спросил Иоанн.

Государь не скрывал лёгкого любопытства в отношении гостя в столь ранний час.

— Никак иначе, как с благодарностью за любовь, за мудрость и щедрость вашу, великий государь, — произнёс Фёдор.

— Отчего же благодарность твоя не ждёт? Ещё заря не занялась, а ты уж явился, — спросил Иоанн.

То было нелегко разглядеть во мраке, но государь нахмурился да прищурил глаза, взглянув на Фёдора.

— Ежели благодетель ваша не знает счёту времени, то и благодарность моя будет являться посреди ночи, — ответил Басманов.

Повисло молчание.

— То отец тебя надоумил явиться ко мне ни свет ни заря? — спросил царь наконец.

Фёдор слабо усмехнулся.

— Что ж вы, государь великий, не считаете меня мужчиною? — спросил Басманов. — Батюшка мой, право, и не ведает, что явился я к вам.

Иоанн усмехнулся и отвернулся к окну, за которым всё никак не светлело небо. Хлопья снега медленно падали, кружась, точно сиюсья переменить свой путь. Но все пляски их в воздухе окан-

чивались, стоило коснуться им иных сугробов на земле, крыше, заборах али перилах лестницы. Вновь повисло молчание. Иоанн не хотел мыслить ни о чём, заняв разум свой снегопадом за окном. Фёдор стоял неподвижно, выжидая, когда владыка обратится к нему.

Не знал Басманов, сколько времени прошло, да и ожидание то не было невыносимо изнуряющим. Мрак, окутавший комнату, слабый огонёк лампадки, большие стопки бумаг и книг, которые, кажется, больше никто не тронет, — всё чудилось каким-то навеки замершим. Неподвижная фигура государя, обратившаяся к окну. Профиль его с длинным, но ровным носом, чуть склонился, точно государь вот-вот вновь задремлет. В комнате воцарилось спокойствие, холодное и не тихое. Лишь снег за окном летел да огонь свечей и лампад иногда вздрагивал.

— Ежели пожаловал ты, Федя, — наконец заговорил Иоанн, всё глядя за снегом, — с просьбою какой, от себя али от батюшки своего, так излагай.

Басманову на мгновение показалось, что голос государя сильно переменялся — сейчас он звучал тихо, но не было того жёсткого властного тона, который стальной хваткой сжимал сердца бывалых вояк.

— Не жажду ничего, великий государь, ибо щедрость ваша предвосхищает любые чаяния слуги вашего, — с поклоном ответил Фёдор. — И более того, светлый царь.

— О которой щедрости толкуешь? — спросил Иоанн, обратив медленно взгляд свой на молодого опричника.

Фёдор замер на мгновение.

— О последнем подарке вашем. Шестого дня, — ответил Басманов.

Иоанн замер. Пальцы его пару раз мерно постучали по подлокотнику кресла его, да тотчас же и замерли. Царь закивал и велел жестом юношу умолкнуть, поднимая руку свою в воздух.

— Что ж, Федя, надеюсь, дар мой пришёлся тебе по душе, — ответил царь, и голос его вновь переменялся.

Ныне полон он был незримого огня, который сейчас лишь отдаёт слабым жаром, но которому суждено разверзнуться огненной геенной. Фёдор с улыбкой отметил ту перемену в голосе, хотя и не ведал мотива, не ведал движений души Иоанна. Он слышал лишь то, что мужчина перед ним в одеянии, как у смиренного убогого, что эта фигура, молящаяся в полумраке ночи, и есть царь всея Руси, и иного нет никого над ним.

— Благодарю вас, великий государь, — произнёс Фёдор и отдал земной поклон.

* * *

Заря робко занимала ночной небосвод. Ранние утренние звёзды ещё не сошли и плавно терялись на всё более и более светлеющих небесах. Точно кому-то не хватало света, и он своей незримой рукой отвёл в тот предрассветный миг все облака прочь, чтобы снег искрился мелкой россыпью под лучами. Точно вся природа разом застыла — реки были схвачены ледяными оковами. Вода на отмелях промёрзла до самого дна, а на поверхности рисовались кручёные узоры. Мороз выписывал тонкую работу, что была похожа на пышные перья диковинных птиц. Рисунки разрослись по камням, которые были слишком высоки, чтобы пелена снега могла укрыть их.

Первые лучи зари робко касались тех узоров. Солнце, ещё мягкое, не проснувшееся, медленно скользило вдоль витиеватых линий. Свет струился, как студёная вода в устье реки, так и сейчас в морозных узорах разливалось нежное золото рассвета. Большой шар, преисполненный роскошного жаркого дыхания, поднимался над чёрной полосой леса. Длинные голубые тени растянулись к западу. С колокольни собора взору открывался неписанный простор. Терема да дворы слободы дремали, укутавшись голубоватым снегом. Маленькие чёрные точки тихонько вылезали из своих домов, корячась под тяжёлыми тюфяками. Редкие всадники нарушали покой в то утро.

«Пора пробудиться...»

Хор церковных колоколов возвестил Слободе о заутренней службе. Заливистый звон разливался в воздухе со светом, что наполнял это морозное безоблачное утро.

«Давно пора очнуться ото сна...» — думал Иоанн, касаясь перстами переносицы.

* * *

Широкие шаги раздавались по коридору. Быстро проходя меж высокими сводами, мужчина уже было сбил дыхание, но не смел останавливаться. В руках он нёс бумагу, прижимая её крепче к сердцу. Послание было запечатано, и клеймо отблёскивало в факелах. Мужчина был среднего роста, сложен славно. С его одежды сыпался снег, который он не успел отряхнуть, спешно мчась по лестнице.

Он снял шапку с головы, медные кудри ниспадали на плечи. Обветренная кожа хранила румянец, что навлёк мороз, но и с тем можно видеть было, как мужчина бледен. Оттого усы и борода его казались темнее. Хмурый и сосредоточенный взгляд мятежно бросался из стороны в сторону, а лоб его рассекала тревожная морщина.

Наконец он предстал пред дверьми, окованными железом. У входа встретил его Малюта, облачённый, по уставу, в чёрное одеяние поверх шёлковой рубахи алого цвета. Опричник был при оружии и за широкий пояс заткнул саблю, что едва не касалась каменного пола. Суровое лицо опричника походило на морду медведя, но не был мужик ни зол, ни гневлив. Напротив, с улыбкой встретил он князя, широко раскрывая свои объятия.

— Здорово, Вань, здорово! — радушно молвил Малюта, обнимая князя, да прихлопнув пару раз по плечу.

Отстранившись, опричник оглядел князя с головы до ног. Пришедшему объятия не были неприятны, но по взгляду его да по манерам видно было, что не ждёт дело его.

— И я рад видеть тебя в здравии, Гриш, — ответил Иван, всё глаза ворота на дверь. — Государь у себя?

— Погоди, принимает ныне бояр думных, — молвил Малюта, мотая головою.

— Но царь сам велел мне явиться в письме, — произнёс князь и полез рукой во внутренний карман своего кафтана, да остановил его Малюта, опустив поверх руки его свою тяжёлую руку. Замотал головою опричник.

— Нынче государь совет держит, — твёрдо произнёс Малюта. — Никак не выйдет.

Голос его утратил всякую простецкость. Не повышая голоса, звучал он жёстко, и речь его возымела мрачное действие на князя. Иван шагнул назад, точно неведомая сила толкнула его к тому.

— Тебе ли, Малюта, опричник государев, не знать, что про меня да семью мою толкуют? — спросил князь.

— Не ведаю, Вань, — Малюта пожал плечами и помотал головой, да с такою простотой, что диву дался князь.

— То бишь брата моего, Василия, не припоминаешь, Гришка? — спросил князь.

Много желчи, но вместе с тем и тяжёлого горя пронеслось в словах тех, брошенных точно глупая шутка.

— Да вроде и припоминаю вас, Кашиных... Меньшой брат твой, Васька этот? — спросил Малюта, почёсывая рыжую бороду да глаза прищуривая.

— Ежели память подводит тебя, — продолжил князь, сдерживая голос, дрожащий со сбитого дыхания, — летом того года сослали на Соловки его. Якобы вор он. Да при том, что суд Земской не признал в нём вора.

Слова эти брошены были с силой, да не проняли Малюту. Лицо опричника хранило суровый холод, настороживший князя, да тот и продолжил речь свою:

— Известия с конца осени приходят одно пресквернее другого — ныне гибнет брат мой оклеветанный, гибнет в изгнании, в лишениях и муках. Но правда со мною, — с теми словами князь приподнял письмо своё.

Малюта выслушал речь князя Кашина, но взгляд опричника оставался безучастным. Он сохранял полное спокойствие в голосе и будто бы даже сочувственно вздохнул, вновь помотал головой и развёл руками.

— Ежели дорожишь головой своей, поди да обожди, как государь принять тебя сможет, — добавил опричник.

— Сколько ждать же? — спросил князь.

— А то ведаёт лишь Господь Бог, — Малюта пожал плечами.

Хотел было князь что-то возразить, да взгляделся в лицо опричника и уразумел, что всё без толку будет. Остался князь возле двери да с тяжёлым вздохом облокотился о стену, пялясь на красные сапоги свои, с коих не успел оттаять снег с улицы. Не ведал князь, сколько времени прошло, да каждая минута сжимала сердце его ледящей душу тревогой. Поглядывал он то на Малюту, что стоял могучей фигурой возле дверей, то на письмо, то вновь опускал глаза на пол, то на своды. Обернулся князь и на окно, и вновь на опричника в ожидании, да тот оставался молчаливой суровой стражей.

Украдкой князь поглядывал на дверь, на Малюту, но всё оставалось неизменным. Ожидание выматывало и становилось непосильной ношей, как вдруг вдалеке послышались частые шаги и будто бы лёгкий звон или бречание. Князь тотчас же обратился взором в дальний конец коридора. То шли трое холопов. Они были ряжены в яркие расписные ткани, на поясах да воротах поблёскивали жестяные бусы да медяки, что постукивали друг о друга при каждом шаге. В руках несли слуги подносы из серебра с кушаньями — то была жареная птица в окружении зелени и отварных овощей. Следом за дичью несли четыре кувшина с питьём. У холопа, что замыкал ряд, за пояс была заткнута деревянная дудка с резьбой.

Едва завидев слуг, Малюта тотчас же открыл дверь. От удивления князь Кашин замер на месте, глядя в царскую палату. Государь сидел, развалившись на троне. Роскошное одеяние расстилалось по подлокотникам. Подле царя сидела его супруга и заливалась громким смехом. Быстрый взгляд бросила царица на угощение и хлопнула в ладоши, как дичь стали подавать ко столу.

Первым обернулся мужик, сидевший спиной к двери, и в нём Кашин тотчас признал Алексея Басманова. Взгляд опричника радостно озарился, как холопы принялись подавать кушанье. Пришлось убрать большую карту со стола — тем занялся юно-

ша, которого ранее князь Кашин не видел при дворе. На том был кафтан из тёмно-зелёного бархата, ишитый золотом. Холоп с низким поклоном отдал дудку юному боярину, и тот с интересом осмотрел её.

Если в палате и вёлся разговор о делах государственных, то звон серебряных чаш да смех давно заглушили его. Перед лицом князя Кашина Малюта закрыл массивную дверь и встал всё с тем же невозмутимым лицом, что и прежде. Иван сложил руки на груди и тяжело вздохнул.

— Говорю же, государь не принимает, — произнёс Малюта, непоколебимо стоя на своём посту.

— Лишь скоморохов принимает да чёрта татарского этого Басмана? — спросил Иван, махнув на дверь.

Опричник преисполнился странной радости, да спрятал улыбку свою в бороде, чуть наклонив голову.

— Ступай, Вань, — со снисходительностью в голосе произнёс Малюта.

— Не отступлюсь, — твёрдо ответил князь. — Жизнь брата моего, оклеветанного, изгнанного, в моих руках. Ежели отступлюсь, как мне предстать потом на суде небесном? И да поможет мне Бог в суде земном, но не отступлюсь я, Гриша. Не отступлюсь.

Малюта глубоко вздохнул.

— От же унижение будет для рода вашего, и без того страждущего, — произнёс Малюта, исподлобья глядя на князя, — ежели тебя, Ванька, по всем палатам силою волочить придётся да на мороз вышвыривать, а?

Иван Кашин поморщился лишь от той мысли.

— Не гневайся, Ваня. Не дури, не губи себя, — продолжил Малюта. — Того гляди — утомился ты дорогою? Так приляг же, княже, приляг в покоях своих. Будь гостем, Ваня. Будь гостем, и да будет тебе.

— Как же почивать велишь, коли ведаю я, что гибнет брат мой, кровь моя? — спросил Иван, и лицо его исказилось в неизъяснимой скорби, да сердце не сдержалось.

— Не ведаю, да и нет с меня на то спросу. Ступай, — коротко отрезал опричник. — Иначе волочить тебя велят.

С презрением окинул взором он дверь за широкой спиной опричника, развернулся да и пошёл прочь.

* * *

Глухая ночь. Снег только-только закончил идти, с неба летели последние мелкие снежинки, и наметало высокие сугробы. Лишь ржание нетерпеливых лошадей, переминание с ноги на ногу да постукивание копыт. Треск. Частое потрескивание факела, но едва

его слышно. Перед резными воротами стояли всадники в чёрном. Пламя тонкой гранью очерчивало их фигуры. Резкими бликами дрожала сталь сабель. Люди медленно отступились от ворот, обойдя их полукругом.

— Словом и делом! — раздался окрик.

— Гойда! Гойда! — подхватил оглушительный хор.

Мужские возгласы смешались с рванувшим рыком пороха — то снесли ворота в щепки. Поднялся собачий лай — то псарня проснулась и взбесились собаки с шуму да с резкого запаха. Ото сна пробудился и барский дом — в окнах усадьбы забегали беспокойные тени — да поздно было.

Не было битвы. Не успели домочадцы со стражей своей и оружия в руки взять, как были сражены опричной саблею. Короткие хриплые возгласы — и крестьяне на службе в усадьбе выпускали свой последний вздох, даже не поняв спросонья, кто карает их и за какие прегрешения.

Четверо опричников во главе с Басманом-старшим ворвались в барские покои. Басманов провёл рукой по перине — постель ещё хранила тепло хозяев. От злости Алексей пнул кровать, да с такою силой, что та с резким треском сдвинулась с места. Точно псам, Басман присвистнул и указал на массивный шкаф, изукрашенный резьбой, а сам опричник бросил короткий взгляд в окно.

Заметив следы на свежем снегу да фигуру, что тонула во мраке, Алексей уже ступил ногою на подоконник — высота была плёвая для такого вояки. Да остановился Басман, завидев, как некий всадник уже преследует беглеца. На том Алексей и отошёл от окна, и не видел, как его сын настиг бегущего. Фёдор было замахнулся, да рубанул криво — по руке. От боли беглец заорал и рухнул в снег. Под ним расплылось тёмное пятно. Его уста судорожно шептали проклятья, когда Басманов спешился, по обыкновению своему не сбавляя ходу лошади.

Подойдя к раненому, Фёдор схватил его за целую руку и поволок за собой, точно бездушную ношу. Когда Басманов воротился ко двору, дочерей барских, босых и простоволосых, выволокли на мороз с бойким улюлюканьем.

— От визгливые! — присвистнул Алексей Басманов, видя девчушек.

Молочная кожа их в несколько мгновений покраснела от лютого холода. Платья тотчас намокли от снега. Младшей девчонке было чуть больше семи. Алексей обернулся, сперва заметив Данку, лошадь своего сына, а после и самого Фёдю. Тот бросил раненого себе под ноги и пнул, дабы лежал тот на спине. Грудь беглеца уже была залита горячей кровью.

— Батюшка! — завопила девушка, преисполнившись ужаса.

Один из опричников тотчас же огрел её резким ударом хлыста. Крик сестры заставил других девушек обернуться, да напрасно — милосерднее было бы отвести их взоры, дабы не видели они, как через ворота накинули петлю. Пронзительный девичий вопль вторил гоготу опричников. Несколько мгновений раненый боярин дрыгался и глотал ртом воздух. Хриплый вздох, последний — и всё.

Начало светать.

Девичьи крики сменились прерывистым резким заиканием, точно задыхались девушки. Губы их искривились и дрожали в отчаянном страхе. Во влажных глазах застыл сам ужас, и будто бы жизнь навеки покинула их.

— Хватайте, что приглянулось! — скомандовал Алексей, возвращаясь в своё седло. — Да пускайте красного петуха!

Отдав распоряжение, Басман пустился в Слободу, а вместе с ним помчалась пара опричников, кои водрузили на лошадей барских дочек. Фёдор отводил лошадь из-за ворот, когда ошутил руку на своём плече.

— Что велел он? — спросил Андрей, глядя вслед Басману.

— Ежели приглядел чего в доме — бери, да поживее. А то не разживёшься на службе государевой, — ответил Фёдор и обернулся на усадьбу.

Басманов опёрся на уцелевший столб ворот и со скучающим видом глядел за тем, как опричники мечутся чёрными тенями, погружая на своих лошадей парчу и золото, ухваченное в доме. Один из слуг государевых столь был загромождён ношею драгоценной, что не мог углядеть и дороги перед собой. Оттого и наткнулся на препятствие и повалился в снег, раскидав награбленное. Преградою незримой был сам хозяин дома — на его висящее тело и наткнулся опричник, разразившись ругательствами.

— От же мразь! Будучи мёртвым, и то, гад, насолил! Тьфу! — ворчал опричник, вновь собирая награду свою, отряхивая ткани от снега.

Фёдор с Андреем усмехнулись, глядя, как тот поносит покойника.

— Кажется, впустую брешешь, Вань. Плевать ему, он висит себе, — с улыбкой добавил Фёдор.

Опричник было обернулся на Басманова, да и не ответил ничего — сплюнул на снег да и продолжил добро своё собирать.

— Ну полно тебе, — отмахнулся Андрей. — Что за красный петух?

Фёдор заулыбался пуше прежнего, обернув лицо к другу.

— Не видал ещё? — спросил Басманов, сложив руки перед собою да перебирая пальцами, точно предвидя то ещё зрелище.

Андрей лишь свёл брови и в недоумении глядел на друга. Фёдор меж тем вставил два пальца в рот да присвистнул на весь двор.

— Пошевеливайтесь! А то до зари не управимся! — громко объявил он.

Опричники чётко поняли, что значат слова эти, — забежали да по коням рассаживаться принялись. Меж тем те, кто был в доме, повыбегали разом, роняя на ходу барские погремушки. Басманов же забрал факел, направился к крыльцу и подпалил порог дома.

— Гойда! Гойда! — кричали опричники, вскинув над головой обнажённые свои сабли.

Пламя быстро охватывало резное дерево. Огонь мелкими языками-чертятами разбежался внутри дома. Когда крыша уже начала обрушиваться, опричники сели по коням и помчались к заутренней службе.

«Пора пробудиться...» — думал Иоанн, глядя этим утром вдаль, откуда поднималась сизая лента дыма. Взгляд его, хоть и утомлённый, но пронзительный, устремлён был на тот дым.

* * *

Когда Иван Кашин вышел из церкви, нахмурился. Завидел сразу, что лошадь его обступили опричники.

— Со светлым праздником вас, — произнёс Иван, подходя к фигурам в чёрном облачении, не признавая среди опричников ни одного знакомого лица.

— И вас, княже, — улыбнулся один из слуг государевых.

То был мужчина росту чуть ниже самого Кашина. Борода его тёмно-русая росла неровно, клочьями, выдранными с обеих щёк. На лбу да на брови виднелись следы будто от когтей. На правом ухе порванная мочка безобразно топырилась огрызком.

— Куда, княже, торопишься? — спросил опричник, преграждая дорогу к лошади.

Иван тяжело вздохнул и скрестил руки на груди. Холодным взглядом оглядел он опричников. Если и мелькала мысль потянуться к оружию, тотчас же пропала.

— Излагайте уж! Чего томите? Как звать-то вас? — спросил князь, прищурился взгляд.

— Звать меня Иван Булатов. Да будто ты торопишься куда? — усмехнулся опричник, кивнув куда-то за плечо князя.

Иван обернулся. Из собора выходил ряд фигур, облачённых в чёрное. То опричники покидали службу. Во главе процессии шёл государь. Лишь по росту его превеликому, что возвышал его даже среди воевод, да по профилю узнал он царя. Ничем боле Иоанн не отличался от опричнины своей. Сопровождали его четверо

человек. Со многих шагов видел князь, как государь держит совет всё с теми же лицами, что были на пиру, — Басманов да юноша, а вместе с ними князь Афанасий Вяземский да Дмитрий Хворостинин.

Всё отдалялись фигуры, и разговор их доносился короткими обрывками. Слова, произнесённые и без того низким тоном, уж вовсе не были слышны. И хоть не знал Иван, о чём толкует государь с советниками своими, уяснил вновь — ныне думы государя далеки от дел Кашиных.

— Уж выбрал царь великий слуг, что ближе прочих нынче при дворе. Как видишь, — с каким-то уродливым сочувствием вздохнул Булатов с неровной бородой, — не до тебя великому царю и князю всея Руси. И не до брата твоего.

От этих слов Иван взвился. Взгляд его в тот же миг преисполнился гнева.

— Не смей и говорить о том, чего не ведаешь, — сквозь зубы процедил Кашин.

— Да легче, княже, легче! — опричник взмахнул руками своими, унимая жестом пыл Ивана. — Тут во время службы нам было видение, будто бы оклеветали братца-то твоего. И мы, грешники, должны искупить вину свою, ибо поступились мы совестью своей на службе нашей нелёгкой.

Гнев на лице князя Кашина сменился замешательством.

— О чём же ты? — произнёс Иван.

— Так будто сам не смыслишь? — усмехнулся Булатов, да опричники подхватили смех тот.

— Нет в сердце моём жажды да стремления к тяжбе меж бояр за власть да любовь царскую, — Иван мотнул головой. — Жажду лишь суда праведного над братом моим.

— Что ж, жди суда праведного от Басмановых али Вяземского, — пожал плечами Булатов. — Нынче царь им вверяет боле власти, нежели кому-либо.

— Умолкни, Иван. Ты в шаге от заговорщества, — отрезал Кашин и боязливо оглянулся через плечо.

— А Басмановы, того гляди, и преступили ту черту, — просто ответил опричник, да и кашлянул, заглушив окончание своих слов.

Иван свёл брови пуше прежнего, но эти речи пробудили в нём странное влечение, с коим совладать не мог он ни разумом, ни сердцем. Заметив ту перемену, продолжил опричник:

— Ежели сердце твоё жаждет праведного суда, отчего же не жаждешь ты его для каждого из нас? Отчего же не жаждешь ты праведного суда над самими Басмановыми хотя бы? — спросил опричник.

Уже не преграждал пути он Кашину к лошади, да тот и не шёл к ней. Медленным шагом расхаживал он по скрипучему снегу, не сводя взгляда с князя.

— Али есть за ними что, за что судить их? — спросил Иван и тотчас же обернулся через плечо.

— Так тем и служим государю, что сыскиваем воров да прегнуснейших предателей великого царя и отечества нашего, — с усмешкою ответил мужчина, переглядываясь с иными опричниками.

Те вторили улыбками да переглядывались меж собою.

— Отчего же сами не доложите государю, что подобались к нему лукавые? — спросил Кашин.

— Так, княже, иной раз благое дело со стороны сочтётся великим злодейством, — чуть ли не с печалью вздохнул Булатов, почёсывая бороду. — Ведь что сочтёт великий государь, коли изложу я ему доводы свои? Не иначе, жажду власти лишь да положения Басмана этого проклятого. Не станет он и слушать да велит за ревностную зависть заковать в железо али вздёрнет, а то и похужее что. То ли дело, благородный князь Кашин обличит злодея! Не имеешь же ты никакой выгоды с того!

— Складно излагаешь, — вздохнул князь, — да уж второй день жду, кабы обратиться к государю о судьбе брата моего, да всё без толку. Видать, пиры с любимцами своими во главе ныне у царя.

— То-то нам и на руку, — усмехнулся опричник. — Нынче пир будет в честь святого праздника. Гойда, ты и объявишь, да при всех, что Басманов сущий вор?

— Так доводов до того нет у меня... — вздохнул Кашин.

— Так есть они у нас, — опричник потёр руки свои да жестом велел наклониться ближе князю. — Что, дескать, окажется, что краденое сыщется в покоях опричника его любимого али сынка его?

Понизил голос он настолько, что Иван едва мог слова различать, да как дослушал, отпрянул он от опричника, едва ли не с ужасом на лице.

— Неужто?.. — спросил Иван.

— Всё так, княже, всё так! — кивнул Булатов.

* * *

Плясуны дурашливо кружились в ритме музыки, что лилась от гуслей, балалаек да дудок, заводные трещотки стрекотали, заглушая скверные мысли. Пестрящий хоровод клубился атласными лентами да мелкими бусинами из крашеного дерева и меди.

Подле государя занимали места князья Хворостинин, Вяземский да Басман-отец. Опричники ближнего круга государева вели

меж собою прешумную беседу, в то время как Басман-сын резвился среди ряженных дураков. Фёдор вступал в пляс со скоморохами, и удаль его молодая раскрывалась во всей красе. Лёгким шагом, точно и не касался он вовсе земли. Среди ярких масок с искривлёнными минами лицо его, белое и живое, обрамлённое волнами чёрных как смоль волос, то отворачивалось, уклоняясь от шуточных выпадов, то вновь обращалось ко свету.

Как музыка стихла, дабы смениться новым размерным ладом, Фёдор запрокинул голову, убирая с лица пряди, глубоко вздохнул, переводя горячее дыхание своё. Уж не танцевал да лишь насвистывал мелодию, коей занялись гуслиеры. Подойдя к столу, Фёдор поднял чашу с вином да сел спиной ко столу, закинув ногу на ногу. Поднеся питье к губам, он припал к чаше и испил из неё большими глотками. Бросил взгляд он через стол, выглядывая своего друга-чужеземца. Улыбка тотчас же озарила его лицо — немец знал толк в винах и хлебал так, что не уступал опричникам.

Фёдор обернулся влоботорота, оглядывая застолье, да и взглянул мельком на государя. Иоанн сидел на троне. Роскошная шуба ниспадала на пол. Густой мех теплел лоснящимися отблесками в свете факелов да свечей. Руки его покоились на подлокотниках. На перстах величественно мерцали в горячих отблесках крупные камни в золоте. Взгляд Иоанна хранил многое молчание, но выражение лица не было ни мрачным, ни удручённым, каким государь становился ближе к вечеру, снедаемый тревогами. В этот вечер государь был покоен и даже весел. Порою тот или иной куплет пропевал он вместе с остальными, но лишь вполголоса, низко и тихо, не предаваясь той забаве сполна.

Много более увлечён был царь созерцанием сего веселия, оттого и преисполнялся благодатной радостью, что несло с собою и сладкое вино. Следил государь и за разговором Басмана, Хворостинина да Вяземского — всё спорили меж собою, даже в пустословие впадали. Речи те улавливал государь вполуха. Занимал Иоанна немало и пляс, охвативший незримым демоном слуг его да опричников. Глядел он на резвость да дух тот, что неумовимо скакал с места на место, повинуюсь распевам да игре музыкантов.

В мешанине той различить человека было сложно, да цепкий глаз государя сумел-таки выхватывать в сплетении движений фигуру слуги своего, что был много удалее всякого, кто когда-либо отплясывал перед государем. Не было цели у государя глядеть в тот вечер за Фёдором, да куда б ни отводил он взгляда, едва разум его, расслабленный одурманивающим вином, всё воротил обратно к Басманову, к его играм с иными дураками, к его плясу, что был в шаге от борьбы, ибо любил Фёдор ловким выпадом вы-

красть то инструмент, то поясок со скомороха. Игривые разборки их не имели под собою ничего, кроме праздного веселия. Когда Фёдор, утомлённый той забавою, опустился подле отца своего, Иоанн видел, как под шёлковую рубаху его вздымается молодая грудь, как взгляд его, живой и открытый, перекинулся по всей палате и во мгновение обратился на самого государя.

«Ведь и не пляшет он...» — подумалось тогда Иоанну, да не стал воротить взгляда своего.

Фёдор мгновение не знал, что и сделать, да поднял чашу свою, широко улыбнувшись. Иоанн и не желал сдерживать улыбку, озарившую его неприступно-величественное лицо. Царь шёлкнул пальцами, и тотчас же подбежал юноша с кувшином особого вина, которым потчевали лишь государя да царицу, если супруга присутствовала на застолье. После того как наполнил царскую чашу, слуга хотел было отойти, но царь остановил его, велел жестом налить вина и Фёдору. Завидев, что кравчий приблизился, Басманов вскинул брови от радостного удивления и обернулся на государя. Иоанн с улыбкой ждал, пока наполнится чаша Фёдора. Когда кравчий исполнил долг свой и отошёл в полумрак за трон государя, царь поднял свою чашу.

Фёдор вскинул голову, чуть потряхнул ею, дабы смахнуть растрепавшиеся пряди с лица. Преисполненный радостной гордости и вместе с тем простейшего удовольствия, он с улыбкой припал губами к чаше, едва Иоанн сделал первый глоток из своей.

— От даёшь, Федька! — усмехнулся Хворостинин.

Князь давно уже отвлёкся от пустой беседы, видя дар государев младшему Басманову. К слову, Басман-отец тоже наблюдал за сценой и, судя по глубокой морщине на лбу, силился понять в том толк.

— Ну что же, сложишь саблю да в скоморохи перерядишься? — спросил Хворостинин, заливаясь пьяным смехом.

За те слова Басман-отец огрел со всей дури по голове князя, что тот едва лбом об стол не ударился. Пирующие рядом опричники лишь рассмеялись, не слышав даже, о чём толковали.

— Какую государь велит, ту службу и буду служить, — пожав плечами, ответил Фёдор, глядя, как вступили в драку отец со Хворостининым.

Дракою то едва можно было назвать, хотя оба мужика не скупались на мощь ударов, но не били по лицу, не драли волос, да про оружие и думать забыли. Афанасий Вяземский, насмеявшись вдоволь, принялся разнимать их. В тот миг и появился князь Кашин на пороге. Иоанн заприметил его фигуру ещё до того, как князь вышел из полумрака коридора. Государь следил взглядом за ним, покуда пришедший приблизился к трону и низко покло-

нился. Фигура его терялась в пестроте кружащихся лихих дураков. Верно, не заметил никто его появления, кроме Ивана Булатого. Уж этот-то опричник веселился на пиру да поглядывал на дверь, всё выжидая друга.

— Будь гостем на пиру опричников моих! — радушно произнёс царь, плавно и величественно разводя руками.

Кашин взглядом окинул роскошную трапезу. Присмотрелся к лицу Булатова, а с тем точно вдохнулись силы в грудь князя. Твёрже на ногах он держался пред великим царём. Под взором государя оказавшись, под этими тяжёлыми глубокими глазами, которые безмолвно вершили судьбы, склонил голову Иван.

— Со скверными вестями я, великий государь, — сразу приступил князь, приподняв лицо своё.

Тепло и радость сошли с лица Иоанна, сменившись природною жестокой суровостью. Музыка не стихла, но поумерила свой пыл. Царь тяжело вздохнул, откинув голову, прикрывая глаза. Подперев щеку рукою, он барабанил пальцами второй руки по подлокотнику трона. Взгляд Иоанна застыл на князе, и выражение его оставалось внешне бесстрастное, да таящее под холодной маской великий гнев и великую ярость.

— Излагай же, Ваня, — со вздохом велел Иоанн.

— С превеликою болью в сердце не жажду я ни наживы, ни награды, молвить должно мне — воры приблизились лукавством к тебе, великий, светлый и добрый государь наш! — произнёс Кашин, ударив кулаком в грудь свою да склонившись в поклоне.

Разразился стол перекликаками да бранью, но прерваны были все разом — то ударил царь кулаком по столу.

— И кто же, — спросил Иоанн, понизив голос, — из собравшихся здесь, коим отдал я сердце своё, коих возлюбил, паче братьев? На кого же укажешь мне, княже?

От этого голоса, низкого, но звучного и глубокого, прошибал холод не только Ивана Кашина. Опричники, мгновение назад пировавшие да дерущиеся потехи ради, замерли. Князь сглотнул, чувствуя, как горло его пересохло. Собравшись с силами, медленно обернулся он на Фёдора Басманова, что сидел, как и прежде, оперевшись спиною о стол, закинув ногу на ногу. Он сам был преисполнен любопытства, с которым оглядывал вошедшего. Фёдор был удивлён — то было видно по выражению лица его, но в удивлении том примешана была и ребяческая весёлость, с какой дети глядят на что-то диковинное.

Князь вновь обратил взор свой на государя, и вновь волна ледяного ужаса пробила его от одного взгляда царя.

— Фёдор Басманов отплатил вам воровством подлым, великий царь! — произнёс князь.

Иоанн перевёл взгляд на Басманова. Молодой опричник лишь поджал губы да пожал плечами.

— Сим днём найдена в покоях этого плута драгоценность из сокровищницы супруги вашей, великой царицы Марии, — продолжил князь, доставая из внутреннего кармана нечто из серебра.

Покуда опричники шурились, силясь разглядеть, что же извлёк на свет князь Кашин, лишь двое на пиру ведали о том, даже не глядя на руки Ивана. Государь сидел на троне, вперившись в князя будто бы безжизненно-стеклянными глазами. Во взгляде не читалось ничего, помимо разве что унылой скуки. Кашин, стойко держась под этим взглядом, с поклоном протянул зеркало Иоанну. Великий царь принял сокровище из рук Кашина да погляделся в него. Покуда действо то длилось, не смел никто шевельнуться. С замиранием сердца уставились опричники на государя, не ведая, как поступит владыка с одним из них.

— Федька, поди сюда, — произнёс с глубоким выдохом Иоанн.

Басманов сглотнул, оправил кафтан, поднимаясь со скамьи, убрал рукою пряди с лица и приблизился к государю. Молча Иоанн протянул зеркало юноше да заглянул в глаза ему. Фёдор принял его из рук царских и ненароком коснулся их. Басманов смотрел в глаза Иоанна, и на мгновение всё вокруг объялось полумраком, точно нет тут иного света, кроме робкого лепестка огня лампадки, стоящего подле святых образов Богородицы и Спасителя. Сколь быстро нахлынули образы, столь же быстро и улетучились они, и вновь молодой опричник предстал перед своим государем.

— Поглядись в него, — повелел царь.

Фёдор приподнял зеркало и посмотрелся в него. Белое лицо его слегка занялось румянцем от пляски, влажные глаза цвета ясного морозного неба сияли. Он чуть повернул зеркало, чтобы разглядеть фигуру царя, что находилась за его спиною. Мрачнело лицо самодержца, а руки его, несколько мгновений назад мирно покоящиеся, ныне вцепились в подлокотник с такою силою, что на кистях выступили жилы от злости.

— Что же скажешь мне, Федя? — спросил Иоанн, мерно постукивая пальцами по трону. Движения его были полны напряжения, и пальцы двигались неравномерно и резко.

— Что ж молвить? — спросил Фёдор с короткою усмешкой, хотя глаза его вовсе не улыбались, а скорее в превеликом внимании улавливали каждое мановение души, каждый жест государя, выискивая в нём безмолвные указы.

Фёдор медленно опустил зеркало да обернулся, дабы глядеть на царя. И тотчас же приметил, как смотрит Иоанн на него. Не смогли бы ни царь, ни опричник его облечь то чувство в сло-

ва, да Басманов ощутил, как будто твёрже земля стала под ногами его, как разум будто бы наконец прояснился.

— Что же молвить, ежели приглянулось оно мне? — спросил Фёдор, пожав плечами, да и погляделся вновь мимолётно в отражение.

Ропот пробежал по устам опричников. Более всех дивился Булатов, уставившись на действие то с превеликим интересом.

— Что, право, есть одна безделица супротив того, что служу я тебе, великий и мудрый государь? — спросил Фёдор со странной беззаботностью. Сам он дивился лёгкости речи своей.

— И в самом деле, — отмахнулся Иоанн, откидываясь назад на троне, сложив руки перед собою замком, скрывая улыбку.

— Что боле занятно, какого же дьяволу делал ты, княже, в покоех моих? — спросил Фёдор, медленно обходя Кашина вокруг.

Князь замер на месте. Взгляд его метался от царя, затем через стол к Булатову и обратно на великого правителя.

— Право, Вань? — спросил Иоанн, подпирая рукою лицо своё.

Не знал Кашин ответа, да оттого взгляд в пол устремил. Повисла вновь тишина на несколько мгновений. За то время князь терялся, точно тонул в болоте. Самодовольная улыбка Басманова выбила почву из-под ног. Фёдор тем временем медленно обходил князя, приближаясь к царскому трону.

— Разве зло я тебе учинил какое? — вздохнул Иоанн, мотая головой и прикрывая глаза. С царских уст сорвался тяжёлый вздох.

— За брата своего же приехал просить у меня? Что есть я? Грешник немощный, как и всяк, — продолжил царь. — Какими словами я принял тебя? То вся братия опричников моих слышала — нарёк я тебя гостем. Оставил в прошлом я прегрешения брата твоего плутоватого. Бог с ним! Хотел с тобою, Ваня, разделить я хлеб и вино, хотел с тобою вместе петь да веселиться. Но с чем ты явился ко мне в сей светлый час?

— Добрый государь! — взмолился Кашин, но прерван был.

— Молчать, пёс! — царь в тот же миг обрушил кулак на стол. — Уже довольно смрада изверг рот твой дрянной! Нет иного дела тебе, как рыскать по палатам слуг моих верных?!

— Но с тем же уличил я его! — воскликнул Иван.

На тех словах поднялся Иоанн в полный рост свой. Бросил короткий взгляд он на Фёдора, что подле трона стоял, скрестив руки на груди. Одной рукою схватил царь юношу за плечо, второю — выхватил из-за пояса Басманова нож его. Со всей силою царь ударил по лицу князя рукоятью ножа, разбив до крови лоб. От удара такой силы рухнул Иван на пол, прикрывая рану.

— Где в тебе добро христианское, мразь ты ничтожная?! — Царь пнул в живот князя.

Раздался хриплый крик.

— Пришёл ты не о милости просить! Не о добре молитвы твои! А лишь о том, как бы карать, да карать жестоко! Вор тот! Вор этот! — Иоанн носком сапога перевернул князя на спину.

Фёдор стоял позади государя, с любопытством глядя на гнев, что обрушился на князя. На мгновение он поднял взгляд. Пировавшие за столом опричники все как один уставились на ярость царя. Но долее всех Фёдор задержался взглядом на отце своём, который стоял в абсолютном смятении. Глядел на сына он, не сводя глаз, и точно вопрошал, взаправду ли всё это, ибо не мог Алексей верить ни словам, ни ушам. Юноша же глядел на отца невозмутимо да и обратил взгляд свой обратно на государя.

Иоанн придавил грудь Кашина коленом и вонзил нож ему в плечо. Плащ Кашина тотчас же принял в себя тёмную горячую кровь, хлынувшую потоком бурным. мех на воротнике в несколько мгновений слипся и отяжелел. Крик заполнил всю палату и тотчас сменился хриплым задышающимся стоном.

— Не молитесь вы о милости, не просите вы о прощении! — сквозь зубы процедил царь, вытаскивая лезвие из плеча. — Вымаливаете у меня кары для иных... Нет в сердце твоём света веры и любви.

Иоанн замахнулся и нанёс последний удар в грудь князя.

За столом воцарилось тревожное смятение — опричники переглядывались меж собою, не обмениваясь ни словом, лишь взглядами. Булатов с досады и от омерзения сплюнул на пол и опустошил чашу с питьём. Меж тем Фёдор шагнул ко столу, стянув из-под блюда чистое полотенце, оглянулся и позвал слуг с кувшином чистой воды, сам же приблизился к Иоанну и опустился подле него на колени.

Лишь сейчас, находясь подле государя, Басманов видел, как всё тело Иоанна наполнилось дрожью. Его длинные пальцы всё ещё крепко сжимали рукоять ножа, и царь не был в силе расцепить их. Когда холоп приблизился, Фёдор повелел коротким кивком оставить кувшин на полу, подле ещё не остывшего тела князя. Иоанн обернулся на гулкий стук, когда серебряное дно коснулось каменного пола. Лишь тогда царь вытащил нож из тела и медленно протянул оружие Басманову. Фёдор молча принял его, но оставил на полу. После того взял полотенце, обмакнув его в воду, и осторожно обхватил царя за запястье. Дрожь ещё не покинула тело царя.

— Позвольте? — тихо спросил Фёдор, глядя в глаза Иоанна.

Царь ничего не ответил, но не отдернул руки. Тогда Фёдор потянул чуть на себя и принялся смывать горячую кровь. Вода в кувшине всё сильнее окрашивалась в цвет глубокого бархата.

Холод от каждого прикосновения благотворно влиял на разум Иоанна — дрожь начала стихать. Фёдор всё то время изредка поднимал взгляд на государя. Видел он, как лицо переменяется с неистовой ярости на усталую отрешённость. Глаза царя насилу держались открытыми.

Когда очередной раз Фёдор коснулся полотенцем руки Иоанна, царь точно очнулся от оцепенения и поднялся с пола. Взглянув на стражу, что стояла у входа в палату, царь коротко кивнул на окровавленное тело. Единый взмах государя — и вновь заиграла музыка, пушай и поначалу нескладно да сбивчиво, но как разыгрались, так и держали ладный строй.

Фёдор опустил на своё место, подле отца. Даже не встретившись с ним взглядом, он лишь отпил из чаши своей да и пустился обратно плясать средь скоморохов.

Глава 3

Мягкий свет золотистого неба украдкой пробирался сквозь узкие окна, что находились практически под самым потолком. Мутные стёкла будто преисполнялись янтарным светом изнутри, одаривая комнату разводами солнечного цвета на стенах и толстых столбах, из которых расходился сводчатый потолок. Особо много света лилось на стол из дерева. Сверху скатертью служило белое полотенце, исшитое красными узорами. Угловатые звери то глядели друг на друга, то отводили взгляды в разные стороны, повинуваясь ритму орнамента.

За столом сидели двое — Фёдор Басманов да Андрей Штаден. Пред ними стояло два зеркала, в которые они поглядывали. Одеты оба были в шёлковые рубахи, штаны да высокие красные сапоги. Немец то и дело поглядывал на отражение друга своего да и на само зеркало. Диковинные чудовища будто бы подставляли морды утренним лучам солнца и шурились от яркого сияния.

— Мне стало сложнее уяснить для себя дух ваш, — со вздохом произнёс немец. Андрей вытер щёку полотенцем и помотал головою.

— Отчего же? — спросил Фёдор, вскинув брови. Взгляд Басманова был сосредоточен на собственном отражении. Холодная сталь касалась его подбородка.

— Уж думал, после самобичевания в банях ваших не поразят меня русичи, — произнёс Андрей. — Да вот всё в толк не возьму...

Немец умолк, будто бы подбирал слова, но не мог из-за незнания речи русской — не мог он мысль свою облечь, собрать воедино.

— Мне было дозволено покуситься на царские украшения. Иным — нельзя, — просто ответил Фёдор, проводя своей рукой по щеке. — Такова была воля царя, на том и всё.

— Откуда ведал ты, что дозволено? — спросил Андрей. — Не иначе как того же дня вора мы вешаем на воротах дома его. То в назидание иным слугам государевым учиняется, али не прав я?

Басманов улыбнулся да замер, точно мысль какую-то уловить хотел. Всё то небольшое время размышлений своих глядел он в отражение.

— Ведал, — коротко ответил Фёдор. — Иначе бы не позарился.

Гладкая белая кожа блестела от тёплой воды, которой умывался молодой опричник.

— Не иначе, что ныне ты на особом счету у государя? — спросил немец столь добродушно и по-свойски, что Басманов не услышал ни ревности, ни зависти в голосе друга.

Сам Фёдор улыбнулся мысли той, решил не отвечать. Он выпрямился в полный рост и обернулся на чужестранца, который явно стоял в смятении. Не нашёл Андрей, что молвить — всё пустое. Махнул рукой, перекинул полотенце через плечо. Не проронив ни слова, Фёдор вытер лицо. Напоследок он оглядел себя в серебряной глади, после чего обернул зеркало тёмно-синим бархатом и перевязал кожаным шнуром. Припрятав своё сокровище за пазухой, он вместе с другом направился к трапезной палате.

Сводчатые потолки опирались о толстые четырёхугольные столбы. Окна лили сквозь свои мутно-молочные стёкла солнечный свет, который всё смелее и смелее вступал в свои права. На стенах, потолках и массивных столбах оставались размытые узоры-блики, нарисованные светом молодого солнца. Людей уже собралось немало — опричники сидели, неравномерно занимая места за столами. Все движения их, как и поток тихой бескостной речи, указывали на неторопливый дух, что царил в трапезной. Одеты они были не по уставу — видно, мужчины и воины оставили свои кольчуги и мрачные одеяния вне этих стен. Сейчас же они собрались с тем, чтобы звенеть не оружием, но чашами с прохладным питием, которое призвано было унять буйство вчерашнего застолья.

Царский трон пустовал. Лишь свет, мягкий да золотистый, скользил по резным узорам, то прячась в углублениях, то дерзко сияя на рёбрах. Судя по тому, что слуги государевы уже приступили к утренней трапезе, дожидаться владыки не стоило.

Фёдор мельком оглядел утреннее застолье. Он взглядом искал своего отца. Басман-отец уже с утра опохмелялся от вчерашнего пира и болтал с Афанасием Вяземским. Низкий бас их был легко

различим в слабом шуме, что наполнял палату. Однако по мере того, как собравшиеся в трапезной стали замечать Фёдора, разговоры делались всё тише. Он повёл головою, оглядывая опричников да думных бояр. Считав некое недовольство и холод на суровых бородатых лицах, Фёдор лишь вскинул да изогнул брови соболиные, дивясь такому приёму.

Басман-отец, слышав перемену в общем гуле в трапезной, умолк, не досказав мысли своей Афанасию, да и обернулся ко входу в залу. Свёл брови Алексей от чувства прескверного, видя, какого нрава опричина ныне к Фёдору. Сам же младший Басманов будто бы и не замечал тех взглядов. С тем настроением, что было на грани холодной враждебности, и занял молодой опричник место подле отца своего.

Не успел Фёдор сесть за стол, как подле него опричник принялся хлопывать себя по карманам, по груди да проверил кольца на руках своих. После того опричнику было будто всё ещё тревожно — отсел от юноши, продолжая проверять сохранность вещей своих. Басманов-младший с любопытством глядел на это действие. Все опричники, что сидели за столом, тотчас же принялись будто бы рыскать по карманам. Движения их были широки да размашисты, точно на потеху.

Лицо Алексея всё мрачнело по мере того, как странная игра охватывала весь зал. Булатов Иван, сидя вдали от обоих Басмановых, так же принялся шарить по карманам своим. Опричники хлопали себя, даже не имея карманов. Ещё мгновение, и Алексей встал бы в полный рост, и без мордобоя не обошлось бы. Но по незримому знаку все как один унялись, оставив ту глупую игру. Фёдор, казалось, даже был несколько расстроен — он едва смог получить какое-то веселие. Коротко вздохнув, Басманов приступил к еде.

* * *

Нынче выдался день светлый да морозный. Сказочное покрывало из тысяч снежных искр ослепляло взор. Снег стал мягким и податливым — от простого шага оставался глубокий след сапога али подкованного копытца. Детвора, что служила при дворе, смогла-таки улизнуть от повинностей по хозяйству да и сбежалась во двор. Предавалась она зимним забавам — лепили кривобоких снеговиков да снежных баб, кидались снежками и валялись в сугробах, оставляя после себя чудные следы.

— Разойдись, детвора! Едут опричники государевы! — кричал привратник, надрывая ослабшее горло.

Изо рта его валил густой пар, что на солнце обращался молочным цветом и быстро возносился вверх. Хоть дети и были объ-

яты весельем и раздольем, знали они строго, кто есть опричники. Страшные фигуры в чёрных одеяниях в глазах детворы были воплощением мрачных образов из сказок о потусторонних силах. То были стража Калинова моста, вороны Кошея али кромешники. С тем чувством страха, которое свойственно не только детям, как бы ни хотели то отрицать, ребятишки бросились бежать врассыпную, стоило привратнику возвестить о приближении опричников к воротам крепости.

Холопы, закутанные в заячьи тулупы али ещё какого зверя мелкого, принялись отворять ворота. Во двор, заснеженный и истоптанный, въехало несколько всадников. Попрятавшаяся детвора украдкой глядела на них, затаив дыхание. С громким басистым хвастовством оглядывали опричники награду свою, которую забрали они из лап опальных князей. То были и золото с тканями, и оружие искусное, да и живой товар — будь то скот али девицы — всё привозили в Слободу, в дар ли государю, себе ли в имение — всё одно.

Менее всего награбленного было у юноши, что первым въехал в крепость. Оттого, верно, лошадь его и неслась пуше остальных соратников, ибо не была утруждена ношею драгоценной. Сам же юноша всем видом давал знать, что находится в предобрейшем расположении духа. То имело странное действие, ибо лицо хоть и светилось добродушной улыбкой, но было испачкано в чёрной крови. мех на шапке и воротнике плаща слипся, как пряди чёрных волос, что ниспадали упругими волнами на его плечи. Он соскочил с лихой лошади своей и любовно коснулся морды зверя. Лошадь всё била копытом, не уняв ещё пыл, что поднялся в дороге.

— Ну всё, красавица, уж время и уняться, — трепал Фёдор по загривку любимицу свою.

Тотчас же конюшие подбежали, помогая опричникам увести лошадей. Когда один из слуг подошёл к Фёдору, холоп с коротким поклоном обратился к опричнику.

— Помилуйте, Фёдор Алексеич! — произнёс конюший, принимая поводья его лошади.

Не говоря ни слова, молодой опричник кивнул, веля молвить далее.

— Вас, Фёдор Алексеич, государь звал, — доложил холоп.

— Передавай мой поклон да скажи, что надобно мне в ином виде предстать перед владыкой, — ответил Фёдор, невольно проводя кончиками пальцев по лицу своему.

— Велел государь явиться тотчас же, как придёте вы в Слободу. Иначе никак, — помотал головою конюший.

Басманов глубоко вздохнул, взглянув вслед своей Данке, которую уводили под уздцы прочь от него.

«Ну что ж, раз велено...» — подумал Фёдор, на ходу наклонившись к мягкому сугробу.

Юноша зачерпнул белого снега да принялся растирать его в ладонях, смывая кровь с рук. Прежде чем взойти на каменную лестницу, устланную красным ковром да припорошённую снегом, Фёдор вновь наклонился к сугробу, как вдруг чувства его велели обернуться. За углом под лестницей, куда уж не доходил полуденный золотой свет, прятался мальчишка с девчонкою. Дети сидели в полумраке и с любопытством глядели за опричными лошадьми да за всадниками в чёрных одеяниях.

Мальчишка показался более знакомым, нежели обычные дети, что шныряли туда-сюда, прислуживая при дворе. Острая память Фёдора тотчас же припомнила тот вечер, когда он получил в дар зеркало. Мысли направились в иное русло, притом молодой опричник не мог бы отследить эту нить, но вскоре разум его заняли образы далёкого прошлого.

Припомнилось Фёдору и его детство. Стоял такой же морозный день, и воздух был напоён солнечным золотом, слепя глаза. В тот день, когда он глядел как замороженный, как лошади, просто непомерно великие, вздымали свои сильные ноги да широкие копыта в воздух. Какая сила таилась в тех лошадях. Федя был мальчишкой, но уже тогда не был в силах отвести взгляда, всё глядел да глядел на сильный круп, лоснящуюся на солнце шерсть, широкую мощную шею. Уже тогда выбежал он навстречу конюшым. Слуги с перепугу принялись оттащить сына хозяйского из-под копыт лошадей, всё веля мальчику держаться дальше. Да разве слышал, разве внимал юный Фёдор назиданиям слуг?..

В сердце его пробудился огонь желания. Он жаждал причаститься той дикой силы, того неистового буйства, с которой лошади били копытами оземь. Фёдор сохранил то желание, что выросло в великое умение — и теперь молодой опричник хвастливо и самодовольно, но истинно мог похвалиться умением ездить верхом. Немудрено, ежели именно благодаря тому умению он ныне имеет свой статус да место при дворе.

Те воспоминания не были столь далёкими. Фёдор не заметил, как принялся подниматься по лестнице. Растерев свежим снегом лицо, он сильно взбодрился — чуткая кожа его отозвалась ядрёною свежестью. Талый снег оставался каплями на щеках, лбу, ресницах. Мороз тут же дал знать о себе, вонзая свои коготки в лицо. Резкий выдох сорвался с губ молодого опричника, ког-

да тот провёл рукой по шее. Холод пробил его до мурашек, тело точно вновь пробудилось.

Фёдор поднялся по лестнице и с каждым шагом мысленно перебирал, с чем же зовёт его государь. Отворив двери в сам царский дворец, он снял шапку и убрал рукою волосы назад.

«*Всё одно, не избежать ни наказания его, ни милости...*» — думал Фёдор, подняв взгляд на расписные сводчатые потолки. Глазами скользил он по закрученным узорам, идя далее по коридору в тронный зал. По дороге он расстегнул своё зимнее одеяние, скинув плащ, подбитый соболиным мехом, почти на самые плечи. Также пришлось расстегнуть верхние пуговицы кафтана, ибо дворец топили сильнее, чем думалось Фёдору, когда он едва зашёл с уличного мороза.

Зал насквозь был пронизан косыми лучами уже вечерявшего солнца. За тем светом, точно за золотой пеленой, возвышался трон. Подле него на ступени сидел писарь с раскладным деревянным столом. Скрежет пера ритмично разносился гулким эхом, пока писец выводил длинное кружево письменных знаков. Иоанн восседал на троне в облачении, золото которого затмевало зарево раннего вечера, что горело за окном. Тихим, но звучным голосом, мерно диктовал он письмо, когда Фёдор приблизился и отдал земной поклон.

— Пресветлейший владыка, — произнёс Фёдор, поднимая взгляд свой, — вот я, раб ваш верный и покорный слуга, предстаю пред вами.

Трон стоял против света, отчего лицо Иоанна и весь облик его пребывали в мягкой тени, в то время как молодой опричник, напротив, стоял, объятый лучами угасающего солнца. Иоанн сидел, подперев рукою лицо. Сейчас одежда Фёдора столь явственно освещена, что царь мог разглядеть едва отличимые тона крови на чёрном плаще своего опричника. Некоторое мгновение Иоанн просто осматривал Басманова.

Привыкнув к тому, что мрачное молчание прескверно переносится подданными, Иоанн размышлял, отчего же молодой опричник не проявляет того тревожного волнения, будучи вызванным без повода, да притом без перемены дорожной одежды. Фёдор выжидал, когда государь молвит своё слово. Наконец Иоанн сложил руки перед собою, сев прямо и глядя на Басманова.

— Как думаешь ты, Федя, с чем вызвал я тебя? — спросил царь.

Тот в ответ лишь пожал плечами да закатил глаза, точно старался углядеть что-то в потолках залы.

— Не ведаю я, светлый государь, — просто ответил он. — Раз было велено явиться — мой долг предстать пред вами, а не мудрствовать.

Иоанн не скрывал улыбку, которую вызвал ответ. Вновь повисла тишина, однако тревожности не было в ней. Напротив, царило незримое радушие и тепло давнишних друзей.

— Что омрачает думы ваши в сей светлый день? — спросил Фёдор, нарушив тишину, и с теми словами медленно прошёлся к окну.

Иоанн подивился, не без улыбки, но подивился смелости. Невольно потеряв руки, царь глубоко вздохнул. Тяжесть, незримая, но едва ли не вдавившая Иоанна в трон, сжала его плечи. Мрачные думы тотчас же отразились на его челе. Фёдор видел ту перемену, сохранив на лице своём живой интерес к словам своего владыки.

— Я был проклят Господом, когда венчался на царствование на Руси, — вздохнул Иоанн, опуская руки на подлокотники. — Иного изъяснения не открывается разуму моему. Ежели хочет Господь видеть меня оружием своим — так тому и быть. Перед ним ответ держать и буду. А перед людьми...

Царь отмахнулся, и улыбка мелькнула на губах его.

— А нет у них власти надо мной, — продолжил царь. — Ежели хотят они, чтобы был я суров, чтобы жесток был, так буду, да не так, как молят они. Жаждут же, что иных карать будем, что у иного отбирать будем! Всё ждут, как падёт кто из них, чтобы вцепиться гнилыми зубами своими в неостывшую плоть. И ведь доносят и доносят! Государь-государь! А Ивашко вор! А Колька изменник! Тьфу. Ну, поди сам и прибей!

Фёдор усмехнулся.

— И в самом-то деле, — вздохнул Иоанн, потирая переносицу, — одно дело — сироты да вдовы убогие! Нет у них силы поразить врагов да злодеев. Иное дело — мужи Руси! Разным богам служим мы, разным. Молю о милости к ближним, и какою мольбой то обращается ко мне? Всё жаждут казней, наказаний... Смуту наводят, будто и без них уж наступил рай на земле Русской... Кто тебе то зеркало послал?

Царь резко поднял взгляд на Фёдора. Басманов было прислонился к стене, скрестив руки на груди, но стоило государю обратиться к нему, молодой опричник тотчас же шагнул вперёд. Басманов пожал плечами, мотая головой.

— Не ведаю я, — ответил Фёдор.

— Так разведай! И имена доложишь мне, — Иоанн взмахнул своей рукой. — Что за позор, в царских палатах да рыщут крысы!

— Что велите делать, как разыщу смутьянов среди братии нашей? — спросил Фёдор.

Вопрос этот явно воодушевил государя.

— Не спугни раньше положенного часа, — произнёс царь. — Доколе известно мне, язык твой остёр, да как нужда в том есть, речь твоя обратится извилистой змеёю.

— Так разве то порок? — усмехнулся Фёдор, пожав плечами да наклонив голову набок.

Иоанн на мгновение замолчал.

— Как умение твоё может быть пороком али благодетелью? — спросил государь. — То есть умение, и всё на том.

Юноша коротко улыбнулся словам Иоанна.

— Покуда оружия твои, помыслы да умения направлены супротив врагов Родины нашей... — продолжал тем временем государь, указывая на ладони юноши.

Из-за нежной белизны на коже Фёдора отчётливо виднелись следы крови, которые молодой опричник не успел смыть, наспех растирая холодный снег. Красные пятна касались рукавов и меха. Сейчас угасающее солнце преисполнилось в силе своего золотого сияния и озаряло юношу с головы до ног, проявляя каждое пятно на его чёрном одеянии и изящных кистях.

— И, — продолжил Иоанн, — покуда ты мне верен, нет на руках твоих греха.

Фёдор опустил взгляд и отдал низкий поклон. На том они и разошлись, не обмолвившись боле ни словом. Оба ощущали нужду буквально в нескольких мгновениях в этом зале, из которого каждую минуту утекало драгоценное закатное солнце. Казалось, нужная мысль вот-вот соберётся из мутных мечущихся образов в голове. Но сейчас тому было не суждено сбыться. На том и разошлись — государь отдал приказ молодому опричнику, и приказ должно исполнить.

* * *

Мчались всадники страшною дорогою. Уж то Москва была — всё кругом, — лишь снега белые раскинулись саваном. Гонят да пригоняют лошадей своих опричники, стегают что есть мочи. Впереди несётся конь, помимо всадника, поперёк седла тело перекинута — ни живое, ни мёртвое. Перебитые в кровь руки стянуты ремнями. Окоченели пальцы на морозе. На голове мешок, да сквозь ткань грубую холщовую всё проступает кровь. Въехали опричники на двор заснеженный да скинули поклажу свою. Человек уж и не шевелится, пнул главарь в живот связанного, а тот и звуку не подал.

— Подонок этот сучий, — громко объявил опричник громовым басом своим, — руку поднял на слугу государева! Да с тем и измену уготавливал! В цепях держать выблядка поганого!

Мужчина вновь со всею злобой пнул изменника, да тот лежал на холодном снегу, точно чувства давно покинули его.

Резкие удары кожаного хлыста разрезали горячую плоть. Свист разлетался от каждого взмаха кнута и летел гулким эхом под низкими мрачными сводами подвала.

Стены будто бы дышали, когда на их камнях дрожало пламя от редких факелов. Мальчик стоял в стороне, силясь вжаться в стену. Ребёнок глядел, как фигура молодого опричника вновь и вновь обрушивает град ударов на искривлённое в колодках тело. В полумраке всё обратилось кромешной мешаниной дьявольских видений и отблесков пламени со стены.

Опричник обернулся на мальчика, складывая пополам хлыст в руках. Кровь капала с плети на каменный пол. Фёдор кинул плеть мальчику. Ребёнок, оцепеневший от ужаса, не словил брошенного ему орудия и поднял хлыст уже с пола. Тем временем Басманов встал на одно колено и схватил за волосы узника. Мальчонка, стоявший всё то время в стороне, не слышал, какие слова произносил Фёдор твёрдым шёпотом, точно вбивал их заключённому.

Ребёнок боялся пошевелиться. Он сам не заметил, с какою силой сжимал в своих руках хлыст. Кровь, чёрная и густая, быстро стала липнуть к рукам.

Опричник медленно поднялся с земли и взмахнул головою, стряхивая волосы со своего лица. Он перевёл взгляд на мальчишку и подозвал холопа жестом. Ребятёнку понадобилась пара мгновений, чтобы пробудиться от того морока, который сковал его. Выйдя из оцепенения, он приблизился к опричнику. Фёдор тяжело дышал, но стоило мальчику сделать несколько робких шагов, он мгновенно перевёл дыхание. Опричник присел на корточки, встретившись с мальчиком взглядом.

— Неужто страшит тебя эта кровь? — спросил Фёдор, подняв свои руки.

Холоп сглотнул да часто закивал, пряча взгляд в каменный пол.

— Жаль, что не страшился ты врать мне, мелкий ты сучёныш, — с каким-то тихим сожалением вздохнул Басманов. — И какой же дьявол надумил тебя выдаваться посланником самого государя?

Мальчик тотчас же поднял глаза — они блестели, точно были гладким стеклом. Взгляд преисполнился страшного смятения и ужаса. Рот мальчонки вздрагивал, точно вот-вот готов был разорваться плачем.

— Ты, верно, смекнул уже, отчего велел я тебе пойти со мною, несмышлёныш? — спросил Фёдор, заглядывая в глаза мальчика.

В голосе опричника звучал лёгкий укор, точно в речи той хранилось некое сожаление, некое утешение.

— Помилуйте, боярин! — шмыгнул носом мальчишка. — То пригрозили мне да мамке моей!

— И то припугнуло тебя боле, чем я? — усмехнулся Фёдор, через плечо поглядев на узника.

Фигура, искривлённая и замученная в колодках, едва сохраняла человеческий облик, особенно утопая в кромешном полумраке кремлёвских подвалов. Мальчишка судорожно замотал головой, глотая холодный сырой воздух подземелья.

— Кто? — тихо спросил Фёдор, глядя прямо ребёнку в глаза.

— Б... Булатов Иван! — дрожащим голосом бросил мальчик.

— Помимо того, кто? — спросил Басманов.

— Не знаю я! Правда, Богом клянусь, не знаю! — затараторил мальчик.

Язык от страха заплетаться начал, и едва внятно вылетали слова его. Молодой опричник встал в полный рост да потрепал парнишку по голове. Молча вышли сквозь мрачные коридоры во светлые горницы государевы.

* * *

Трели трещоток разнеслись над самым ухом Алексея Басманова. Чудом изворотились скоморохи, отскочив от тяжёлой руки опричника, да пустились в пляс. Не было в них никакой боязливости — подшучивали дураки над боярами да воеводами, украдкой подглядывая лишь на величественную фигуру на троне. Покуда мягкая улыбка теплилась на губах великого государя, забава та продолжалась, и то и дело к столам опричной братии подскакивали и тотчас отбегали музыканты да плясуны. Алексей Басманов вытер рукою усы, по которым стекало сладкое вино, да всё поглядывал на распахнутые двери в залу. Духота стояла в палате, перенасытившаяся жаром от поданной дичи да рыбы.

— Чего ж, Алёш, не весело тебе? — спросил государь. Иоанн мягко улыбался, следя взглядом своим тёмным за безумною игрой красок скоморохов.

— Федька опять шляется где-то, — вздохнул Басманов, чуть откинувшись назад.

Государь заулыбался пуще прежнего.

— Пушай шляется, — взмахнул царь рукой, унизанной перстнями, да и продолжил глядеть за дураками ряжеными.

Один из скоморохов, одетый по особому замыслу какому-то, уж было начал приставать и к кравчим, что разносили чаши с вином. Лицо его скрывала маска, к которой крепились длинные косы, что уж пылились и перепачкались, ибо волочились они

прямо по полу. На шее навешано было бус столько, что звенели они, стуча друг о друга при каждом шаге, что и говорить о той резвости, коей предавался скоморох!

Длинное одеяние его походило на женский сарафан, красная ткань коего исшита бисером да атласными лентами. Раз уж лицо танцора сокрыто было маской, все движения его были с большим размахом, нежели должно было.

Подскочил он к кравчим да и взял в руки свои чаши. Держа их в руках, низко поклонился, едва не расплескав питье прямо на одеяние опричников. Так и обходил престранный скоморох весь стол — иного за плечо трепал, иному — подавал кушанья вместе с кравчими, иного косами заденет, будто бы ненароком, да как даст дёру от тяжёлой руки опричников.

На забаву резвились дураки да музыканты — то видно было по царскому выражению лица — пресыщенному да спокойному. Вместе с братией пил Иоанн, поднимая чашу над столом, да с душою смеялся над сказами соратников своих.

В том шуме да гаме немудрено было затеряться и пёстрому скомороху да Ивану Булатову, кои в самом деле едва не сцепились в драке. Виной тому была шутка ли, нечаянность и неуклюжесть, да, не совладал танцор с косами, что волочились за ним, да споткнувшись, окропил вином одеяние Булатова. Опричник было выругался и подскочил, дабы проучить ряженого дурака, да осадили собратья его.

— Больно много чести, на холопа-то гневаться! — произнёс соратник Булатова.

Опричник сплюнул на пол, да и сел обратно за стол.

— Чёрт с ним! — отмахнулся Иван, почесав подбородок свой, заклеимённый ожогом.

Перед лицом государя мелькали десятки образов, да помимо того приближённые князя прямо сейчас держали с ним речь, давая волю раскатистым басам своим, но зоркий взгляд Иоанна глядел сквозь весь стол на Булатова. Не мог никто заметить той перемены в лице государя — то лёгкая тень, омрачившая искрящееся веселие, тот короткий вздох сожаления не мог заметить никто. Разве что скоморох, видно, от провинности своей, лишь описал круг подле государя, да с тремя земными поклонами взял и удалился посреди пира.

* * *

Закат ныне разродился алым пламенем. Густой свет этот заливал небеса, окрашивая золочёные купола малиновыми отблесками. Солнце лениво заваливалось где-то далеко, в заснеженный лес, что раскинулся редкими клоками мелколесий вблизи

Александровской слободы. Протоптаные да выезженные санями дороги тянулись голубыми нитями, расплзаясь во все стороны. Чёрные силуэты повозок плавно плыли по снегам, спеша возвратиться засветло.

Уже вечерело. Косые лучи позднего солнца, что коснулось дальних лесов, освещали Александровскую крепость. Окрасились багрянцем белые стены да башни, внутренний двор затопила густая тень. Окна бросали длинные мутные пятна света, исполосовав коридор, по которому быстрым, но твёрдым и уверенным шагом шёл Фёдор. Полы чёрного одеяния его вздымались от каждого шага. Правая рука покоилась на сабле, в то время как левой он плавно и свободно размахивал при ходьбе.

Проходя по коридору, он рассекал собою косые лучи, оттого лицо его переменялось — то оно загоралось багрянцем уставшего солнца, то окуналось в тенистый мрак. Войдя в тронный зал, он не привлёк к себе особого внимания — лишь заскучавшие рынды обернулись на молодого опричника. Признав в нём Басманова, дали пройти дале, и вновь мины их приняли холодно-скупающее выражение.

Взору Фёдора открылся стол, устланный картами. Вокруг него склонились чёрные силуэты — то были опричники. Тут же были и отец Басманова, и князя Хворостинин да Вяземский, поодаль стоял Васька Грязной, который уж не улавливал, о чём толкует братия. Во главе возвышался царь. Руками он опирался о край стола, склонив свою голову. Он молча внимал Вяземскому. Речь князя мерно лилась, и царь изредка кивал, покуда взгляд его, мрачный и тяжёлый, был опущен вниз.

Иван Булатов был подле друзей своих, и стоял он несколько поодаль от государя. Как и все опричники, был он при оружии — с пояса свисал скрученный хлыст да сабля. Он-то первым и заметил Фёдора, явившегося на собрание, не будучи вызванным волею царской. Опричник скривил лицо, заклеимённое ожогами, в презрении, когда заметил появление Басманова. Иван отвернулся к одному из друзей, дабы сокрыть выражение своё от глаз Фёдора. Басманов же не обращал внимания на постороннее, лишь устремил взгляд на государя. Царь поднял голову, взглядом приветствуя пришлого опричника.

Фёдор отдал земной поклон, и, когда поднял лицо своё на государя, Иоанн коротким жестом взмахнул, даже не глядя в сторону Вяземского. Князю пришлось подчиниться царской воле да умолкнуть, но взгляд его устремился на Фёдора.

— Светлый и мудрый государь мой, — произнёс Басманов, не придавая внимания никому, кроме Иоанна. Фёдор оглянулся

на брата опричников в тёмном одеянии, будто бы лишь сейчас заметил их.

— Не исполнив воли моей явиться смел, отрок басманский? — спросил Иоанн, вздыхая с великой тяжестью, едва ли не с гневом в голосе.

— Великий и предобрый государь! — взмолился было Фёдор, да прервал его царь резким ударом о стол.

— Умолкни. Да сделай, что должно. Булатов! — резко окрикнул Иоанн, и голос его, сильный и звучный, разнёсся гулким эхом под сводами царской палаты.

Опричник, коего обозвал государь, тотчас поднял голову и обратил взор свой на Иоанна. Царь щёлкнул да указал на Фёдора.

— Без тебя не управиться Фёдке, — произнёс Иоанн, указывая обоим на дверь.

Басманов, точно всё ещё в оторопи от резкости да грубости речи царской, шагнул назад. Поджав губы, обернулся он на спутника своего Ивана, а с тем и на длинный коридор. Свет уж не лился из окон — недалёк был тот час, когда весь царский дворец погрузится во тьму и светом будет лишь жаркий пламень факелов. Вышли Фёдор с Иваном с царского собрания и путь свой держали сквозь уже потемневший коридор. За окном мрачнели сумерки.

— С каким же велением государя не управились, Фёдор Алексеич? — усмехнулся Булатов.

— Да вот же, Иван Иванович! — вздохнул Басманов, подыгрывая тону спутника своего. — Одно дело — изловить крыс, иное же — воздать им по заслугам.

— И в чём же уличили ту крысу, с кою расправиться не под силу тебе? — насмешкою бросил Иван.

— Как спустимся мы, всё уразумеешь, — ответил Фёдор, продолжая вести Булатова под землю.

Путь их постепенно мрачнел. С каждой ступенью воздух становился всё тяжелее. Тьма сгушалась. Редкие факелы освещали неровную каменную кладку низких потолков. Каждая неровность блестела огненными гранями, очерчивая края. Булатов заметил открытую решётку в дальней камере. Как и подумалось Ивану, Фёдор повёл его именно в ту сторону. Опричники прошли мимо решёток, за которыми страждущие узники были ни живы, ни мертвы. Бледные нагие фигуры застыли в своих оковах, не в силах прервать своего мучения голодом, холодом и глубокими изувечьями.

Иван встал на пороге. В углу лежала бесформенная куча грязного тряпья, каковую с трудом можно было назвать человеком — столь слаб был свет, что достигал глубин темницы. Булатов переступил порог и оказался внутри мрачного каменного мешка,

в котором смерть уже оставила своё холодное дыхание. Естественном своим ощутил вдруг Иван холод, пробивший его по спине. То был призыв чисто звериной природы, но было поздно — не успел Булатов и обернуться, как ощутил жгучую боль у себя под сердцем.

Иван, не помыслив ни мгновения, хотел было выхватить саблю, но не смог — та глухо рухнула на пол, застланный погнившей соломой. Булатов видел рваный край ремня своего, который срезал Фёдор.

— Мразь псоватая! — выругался Иван, стиснув зубы до скрипу.

Не дав Булатову задеть себя, Фёдор ловко изворотился от шаткого удара вслепую, да успел клинок свой обернуть в ране. Иван слабо пошатнулся, но устоял на ногах, хоть и взревел от боли. Если бы Булатов бросился на Басманова несколько живее, перевозимая адскую боль от нанесённой раны, быть может, опричники и сцепились бы в борьбу, да Фёдор был проворен, как сам чёрт из преисподней.

Мгновенной тенью он пролетел, оказавшись по ту сторону решётки. Секунда промедления — и Булатов бы огрел хлыстом руки Басманова, да тому не суждено было случиться в ту ночь — Фёдор запер замок, оставив Ивана запертым наедине с горой окровавленной ветоши.

На следующее утро Малюта по личному велению великого царя всея Руси спустится в подземелье царское и совершит обход свой. Опричник поднимется в покои государя — ещё не займётся заря, но государь будет уже готов нести службу Господу. Малюта доложит, что тот подоконник отделан. Иоанн коротко кивнёт. То не будет ни знамением одобрения, ни сожаления, лишь безмолвным приказом не молвить и слова о том, отныне и впредь.

* * *

Не всем уж было суждено встретить этот рассвет, и в том есть какое-то горькое упущение. Светлело с каждым днём всё раньше, и хоть морозы не отступали от владений своих — реки по-прежнему были окованы льдом, а снег укутывал своим плотным одеялом дали, — но всё же нынче, обращая глаза к небесам, люди видели светлое полотно, раскинувшееся бесконечно широко, охватывающее своим безграничным куполом целый мир. Странники успевали засветло проделать более долгий путь, прежде чем холод и мрак ночи настигали их в лесной чаще или на равнинах с мелкосельем вдоль дорог.

Раннее солнце заливалось мягким малиновым светом, преисполняясь золотого сияния. Нежная заря застала гонца прямо подле ворот Александровской крепости. Привратник тотчас же впустил всадника, и тот въехал во двор, осаждая свою изнурённую

лошадь. Животное тяжело дышало, поднимая в воздух столб пара. Гонец спешился, но один лишь взгляд на каменную лестницу пробивал его до дрожи. Перемолвившись с конюшими, которые приняли уздцы лошади, посланник глубоко вздохнул и направился во дворец. Но едва он заметил чью-то громоздкую фигуру, прогуливающуюся во дворе, тотчас же метнулся с лестницы. Гонец узнал опричника и почти с ходу рухнул в ноги.

— Алексей Данилыч, благослови Господь вас и семью вашу! — взмолился гонец. Его дыхание ещё не восстановилось с долгой дороги, оттого слабый голос его хрипел, точно сорванный.

— Да полно в снегу-то валяться, право! — Алексей подхватил за плечо гонца, поднял с земли да отряхнул ручищею своей. — Какая нужда у тебя?

— Сударь, помилуйте! — вновь взмолился гонец, доставая из внутреннего кармана письмо. — Государю передать надо...

— От кого же сие послание? — спросил Басманов, уж было протянув руку свою.

— От Курбского Андрея... — ответил гонец.

От того имени Алексея точно огнём обожгло. Отдёрнул руку он да помотал головою своей.

— От изменника-то? От Иуды этого проклятого? — спросил Басманов, точно сам у себя.

— Страшусь я гнева государева... — обречённо вздохнул посланник.

— Кто ж не страшится? — произнёс Алексей, заглядывая за плечо гонца, заметив чей-то силуэт, выходящий с конюшен.

Напрягая глаза свои, опустил Басманов густые брови, вглядываясь в того мужчину. По чёрному одеянию Алексей тотчас же распознал опричника, но боле он сказать не мог, куда фигура не приблизилась несколько к ним, подходя к каменной лестнице. То лицо быстро распознал Басманов, ибо лишь двое при дворе брили бороды — то был его сын али немец. По росту да по походке отец точно признал, что то был чужеземец.

«Латин же не смекнёт, что за Курбский вовсе...» — подумалось Алексею, да мысль та придала улыбку выражению лица опричника.

Гонец заметил пристальный взгляд Басманова и обернулся.

— Того опричника звать Андреем Владимировичем. Немец он, не наш, — указал Алексей. — Ежели и не смекнёт, что за Курбский, того гляди, он и передаст письмо государю, и не сыщешь гнева царского на голову свою.

— Благодарю вас, Алексей Данилыч! — пламенно бросил гонец, кланяясь в пол.

Не тратя ни мгновения, бросился посланник вслед Андрею, спешно поднимаясь по каменным оледенелым ступеням. Алексею же овладело любопытство, с коим он и наблюдал за тем, как немец окликнул немца. Завязалась короткая беседа. Басманов не мог слышать слов, но видел, как немец таки принял послание. Пожав плечами, Алексей усмехнулся самому себе.

* * *

Немец поднялся в свои покои и переменял облачение, дабы предстать на совете в должном облике. Сборы его не заняли много времени, и через несколько минут уж отправился в тронный зал. Когда он переступил порог, первым делом заприметил молодого Басманова, с которым более всего находился в дружеских сношениях. Фёдор стоял, опёршись спиной на стол да скрестив руки на груди. Он, точно утомлённый вечною строгостью уставного облачения, лишённого украшательства, ныне предстал пред советом в синем кафтане, что так и мерцал жемчугом да мелким бисером в отблесках свечей. В левом ухе поблёскивала длинная серебряная серьга каплевидной формы. Заметив друга своего, Фёдор ответил улыбкой да коротким кивком.

— Государь ещё не явился? — спросил Андрей, оглядывая собравшихся думных бояр да опричников.

— Всё в трудах наш великий государь. Обождём, — пожал плечами Басманов.

Немец оглядел украшения на одежде юноши, и если и хотел сказать что, то воздержался, махнув рукою. Фёдор вскинул бровь, точно заметив, что друг его не выразил мысли своей, быть может, даже остроумной, но Андрей сохранил молчание, вглядываясь в лица собравшихся.

Стоял тихий гомон голосов. Соратники Булатова который день шептались меж собою, не получал ли кто вестей от Ивана. Опричники же разводили руками, не ведая, что ответить. Боле всех недоумевал Малюта, с особым пристрастием расспрашивал братию, все лишь руками разводили. По взгляду их можно было прочесть негласный приговор — то пропадали люди и боле видные, нежели Булатов, что и молвить тут?

Фёдор слушал те толки с той же улыбкой, которая была присуща ему обычно. Когда Малюта опросил и Фёдора с Андреем-немцем об участии Ивана, то Басманов лишь пожал плечами.

— Ведаю я не боле, чем ты, — ответил Фёдор, глядя Малюте в глаза.

Покуда не явился светлый государь в величественном и лучезарном облачении своём, братия продолжала переговариваться меж собою, но все голоса во мгновение стихли, лишь государь по-

казался в зале. Братия пала ниц на каменный пол. Иоанн же поднял руку свою и осенил опричников крестным знамением.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — произнёс Иоанн, плавно водя рукою своей в воздухе, устремляя взор куда-то ввысь, точно глядел он сквозь стены, сквозь сам камень.

Опричники постепенно поднимались с колен, покуда владыка обходил вокруг стола, отбивая каждый шаг свой ударом посоха. Царь занял место во главе стола, окидывая свою братию взглядом.

— Великий государь, — с поклоном обратился Андрей-немец. Коротким кивком Иоанн велел продолжить.

— Почтенно передаю вам письмо, владыка, — продолжил чужеземец, доставая из внутреннего кармана послание, принятое от гонца.

Государь было протянул руку, унизанную перстнями.

— От Андрея Курбского, — доложил немец.

Опричники замерли, боясь тронуться с места. Иоанн же слегка наклонил голову да раскрыл шире глаза свои. Все взоры усталились разом на великого государя. Его молчание страшило ныне боле, нежели громкая брань. Иоанн коснулся пальцами желтоватого конверта, да что-то сделалось с ним. Бумага упала ему под ноги. Взгляд свой, медленно наполняющийся горячим безумием, устал на Андрея. Ноздри вздымались от каждого вздоха.

— Чего ж я стал слаб да немощен... — вздохнул Иоанн, чётко проговаривая слова, стиснув зубы.

На лице Андрея сгушались тревога и волнение. Он бросил короткий взгляд на письмо, потом обратно на государя. Иоанн кивнул и вновь протянул руку свою, дабы немец вновь вложил в неё послание. Стоило Андрею едва наклониться, опустив взгляд, резкий удар рассёк его щёку да повалил на землю.

Немец тотчас же попытался отползти прочь, но величественная высокая фигура поднялась со своего трона, в неистовом гневе сжимая свой посох, который уж окрасился кровью. Иоанн вновь замахнулся, и Андрей прикрыл лицо своё и голову, как вдруг удар пришёлся мимо него. Когда чужестранец открыл глаза, первое, что предстало пред его взором — золотой посох государя, ударивший во всей силе буквально на волосок от головы Андрея.

Затаив дыхание, немец поднял взгляд свой на государя, не предвидя того, что узреть ему пришлось. Меж Андреем и государем стояла фигура Фёдора Басманова. Тот одной рукою едва касался посоха, вторую, изогнув в локте, чуть приподнял несколько выше груди, точно готовясь самому принять удар. Сам царь был в гневе, равно как и в замешательстве. Руки его дрожали

от злости, которая сейчас наполняла жгучим огнём все жилы его, всю его плоть.

— Поди прочь, — процедил сквозь зубы Иоанн, со злостью поднимая посох свой.

— Не стоит Андрей гнева вашего, предобрейший наш владыка, — произнёс Фёдор едва ли шёпотом.

— Гнева моего на шкуре своей испытать жаждешь?! — Иоанн схватил Басманова за ворот кафтана да толкнул в сторону с такою силой, что он едва на ногах устоял.

Государь уж было замахнулся, чтобы гонцу весь гнев да учинить, ощутил, будто бы посмел кто его остановить. В гневе обернулся государь — то был Басманов. Схватился двумя руками за посох царский.

— Не ведаешь же, что творишь, вымесок басманский! — с теми словами царь было хотел вырвать оружие своё, да с первого порыву не удалось.

— Отчего не молят о милости вас? — тихо произнёс Басманов. — Ныне взываю к милости вашей, к множеству щедрот ваших.

Иоанн слышал слова Фёдора, через силу внимая им.

— Молю о милосердии, светлый государь. Внимаете вы мольбе моей? — спросил Фёдор и тут же отпустил посох.

Басманов был безоружным — будто бы в знак того он развёл руками. Фёдор глядел прямо в глаза царя, в то время как Иоанн боролся с бушующим пенистым океаном ярости и боли, который пробудился от одного лишь имени Андрея Курбского. Уж рынды подоспели, да остановил их государь, глубоко вздыхая. Он крепко сжал посох, но уже не как оружие, а как опору.

— На что мне быть милостивым, ежели подле меня столько зла? — спросил Иоанн, глядя на молодого опричника.

Фёдор медленно опустился на колени, чуть склонив голову перед государем. Он сложил руки на груди, будто бы готовясь к таинству причастия.

— Ежели нет милости боле в сердце вашем, готов принять и гнев, и ярость вашу, — произнёс Фёдор, поднимая взгляд на Иоанна. — Ибо клятву давал и служить буду вам, душою, помыслами и делом, во веки веков.

Иоанн усмехнулся и вскинул голову вверх, силясь унять боль, что терзала его. Наконец он провёл рукою по своему лицу. Потерев переносицу, он глубоко вздохнул и обратил взор на Фёдора, стоявшего перед ним на коленях.

— Аминь, — тихо произнёс Иоанн, благословляя опричника своего, коснувшись кончиками пальцев головы юноши.

Глава 4

— Я стоял в горнице, залитой светом, точно золотым мёдом. На полу каменном разбросались бусы да цветное стекло — и ступить некуда. Осторожно переминался с ноги на ногу, дабы не задеться да не израниться, как чую — руки мягкие опустились на плечи мои. Нежны были те ладони да мягкие, точно девичьи, но сила в них была, да такая, что направили меня по пути, неведомому мне доньше. Едва вздумалось мне обернуться, по челу моему скользнул шёлк да сокрыл очи мои. А всё вокруг звенит тот смех — потешаются надо мною, да беззлобно — не было в сердце моём ни толики гнева али суровости. Словно сотня рук подхватила меня — всё кружат да пересмеиваются меж собою. То бегаю меж них — чую иной раз — коснулась меня рука али нога, али ситец да атлас скользнул вновь по коже моей. Вслепую и принялся их излавливать — да что в том толку, ежели очи мне сокрыли повязкою?

* * *

Ночь обрушилась лютым морозом на Русь. Оттепель обернулась ледяным панцирем, в который заковался двор Слободы — лестницы да перила покрылись толстым ледяным слоем. Привратник уже второй час стоял да топором околачивал петли от лютых оков суровой зимы под трепетным огнём факела, что дрожал при каждом завывании ветра. В палатах гуляли сквозняки, тихо пошвыстывали ветра по длинным расписным коридорам да по лестницам, устланным красными коврами.

Раздался короткий стук в дверь. Фёдор готовился ко сну, оставшись лишь в нательной рубахе, да слышав пришлого, первым делом взгляд бросил на нож свой. Взяв оружие, прислонил он нож к стене таким манером, дабы ночной гость его не приметил, ежели переговариваться через порог будут. Едва Фёдор открыл дверь, так сразу ж с облегчением да и выдохнул.

— Уж поздно, батюшка, — произнёс он, опуская оружие.

Молодой опричник развернулся к отцу лицом да и рухнул на кровать спиною, подпёршись сзади локтями. Басман-отец не вымолвил ни слова — с мрачным выражением лица опустил ся на сундук да принялся глядеть на сына. Фёдор чуть заметно сдвинул брови, разглядывая наряд отца. На сапогах не успел оттаять снег — то значит, что Алексей со службы тотчас же и явился к сыну своему.

— Отчего явился ночью, а не утром? Неужто дело твоё не ждёт? Коли так, выкладывай, — произнёс он.

— Доложил мне Васька, как вступился ты за того латина безбородого, — вздохнул Алексей, глядя на сына своего.

Повисло молчание, что нарушалось лишь тихим скулением ветра, что беспомощно бился в окна, покрывавшиеся морозными узорами.

— Ничего ззорного не учинил, — просто ответил Фёдор, пожав плечами. — Не покарал же меня наш светлый государь.

Алексей тихо усмехнулся себе в бороду да помотал головою.

— А ты, отрок сучий, того будто жаждешь! — произнёс Басман-отец, разводя руками. — Всё рвёшься да рвёшься на погибель! И откуда в тебе удали столько?!

Фёдор молча глядел на отца, не говоря ни слова против. Заметив то, Алексей вздохнул да ссутулился и, преодолевая бессилие, поднял взгляд на сына.

— Не ведаешь ты, на что меня обрекаешь, — тихо произнёс Басман-отец, мотая головою. — Не ведаешь же, кому приказ отдадут казнить родную кровь, ежели в измене тебя обвинят языки эти паскудные? — Алексей вновь усмехнулся сам себе, проводя широкой рукой по своему лицу. — За что ж ты подставляешься да меня на муки обрекаешь? Ежели царь велит — нет тут воли моей, подчинюсь! — сквозь зубы проговорил Алексей.

— В самом-то деле? — спросил Фёдор, вскинув бровь. Лицо его омрачилось. Во взгляде поселился тот холод, который бушевал за окном, так и норовя пробиться в опочивальню.

— В самом деле, — повторил Басман, мотая тяжёлой головой. — Исполню я любой приказ. Ибо ведаю, ежели послушаюсь — то поручат то Малюте али другому мяснику на цепи царской. Уж я-то знаю — один верный удар в сердце. Чёрт тебя бы побрал, Федька, да знаю я, не дрогнет моя рука, ох не дрогнет!

— Отец, я знал, что не тронет государь меня, — твёрдо произнёс Фёдор.

Алексей наклонился, точно и не расслышал слов сына, а как дошёл до него смысл, так тотчас же усмехнулся той глупости.

— Знал он, чёртов полудурок! — Алексей всплеснул руками. — А государь-то сам не знает, карать он будет али миловать, а ты, шенок безбородый, всё-таки наперёд знал!

Фёдор вновь пожал плечами да развёл руками.

— Ежели голова у меня на плечах, ежели я в своих покоях, а не на дыбе у Гришки али в подвале сыром, стало быть, доподлинно знал, — слова те юноша произносил с простотой да лёгкостью, точно речь и вовсе никакого смысла не имела.

Алексей тяжело вздохнул да замотал головою своей, потирая затылок.

— Не смей, Фёдыка, чтобы я тебя схоронил, гадёныш, — предостерёг Басман-отец, да с тем и встал с места своего.

— Доброй ночи, отец, — произнёс Фёдор вслед.

Алексей покинул сына, и долго Фёдор ещё глядел в потолок, и ум его заняли образы того рокового застолья. При всём напускном спокойствии, коего держался молодой опричник, говоря с отцом своим, сердце и сейчас замирало от одной мысли о том миге, когда Фёдору пришлось заступиться за друга своего. На мгновение Басманов перевёл взгляд на руки свои. Они уж были чисты, но помнил он, как ослепили эти самые руки рынду, что посмел воспрепятствовать воле царской.

«Раз цел я, значит, была тому причина в разуме царя нашего...» — думал Фёдор, глубоко вздыхая. С теми мыслями он и заснул.

* * *

В распахнутые ворота въехала роскошная тройка. Ямщик, закрытый от снега тяжёлыми коврами, натягивал поводья, усмиряя лошадей. Из саней вышла боярыня важного вида. Точно всё ещё прячась ото снега, шурила она глаза свои, поглядывая на холопов, подлетевших к саням. Брезгливо она глядела на мужиков, что подавали руки свои, да сходила на снег без опоры.

Боярыня отряхивалась от снега, понося извозчика своего. Лицо её было под стать суровости речей её — губы, казалось, были поджаты во гневливости, глаза оглядывали двор чёрными мелкими бусинами.

Следом за старухой вышел из саней молодой мужчина, высокий да нескладный. Длинная шея казалась слишком нелепой для худого лица его. Даже закутавшись в меха, он не мог скрыть своей худошавости. Даже на морозе лицо его хранило бледно-желтушный оттенок, не краснея румянцем.

Гостей встречали на крыльце — сам государь облачился в тяжёлую шубу, исшитую золотом, шапку, изукрашенную камнями да мехом. Стоял Иоанн и слабо постукивал пальцем по золотому резному посоху своему, что поблёскивал в рассеянном свете, пробивавшемся сквозь облака. Подле государя стояли советники из братии его — Григорий по кличке Малюта да князь Вяземский. Опричники стояли за спиной царя мрачными тенями. Из-под чёрных плащей поблёскивала сталь оружия.

Боярыня со спутником своим ступила на лестницу, волоча по оледенелым ступеням подол шубы да юбки. Царь вышел на встречу, раскрываясь для объятий, да старуха тут же мотнула головой.

— Дай хоть в тепло зайти, Ваня... — буркнула она под нос, кивнув на двери в горницу.

Иоанн усмехнулся и перестал постукивать по посоху своему, а вместо того сжал его в руке, стукнув о лёд.

Мужчина, спутник суровой да резкой боярыни, видать, и не разделял настроения её, оттого с великою радостью и взялся за руку царя да и припал губами к перстням владыки. Лишь после того выпрямился с улыбкой беззлобной.

— Всё погляжу, Владимир, старого нраву наша Ефросинья? — с усмешкою спросил Иоанн, потрепав гостя по плечу.

— Уж скорее реки обратятся вспять, нежели матушка моя переменится, — тихо ответил мужчина, с опаской оглядываясь на величавую женщину, которая уж вошла в царские палаты и потирала руки с морозу.

Иоанн неспешно следовал с опричниками своими да с гостями по коридору, стуча златым посохом об пол каменный. Шествие их завершилось в просторной светлой зале. Топили во палатах царских, не жалея дров, — едва не обуял жар гостей. Столы, накрытые щедротами съестными, ломились под тяжестью своей. В дальнем углу, где сгущалась мрачная тень, сидели за гуслими музыканты, мерно перебирая струны. Лица их укрыты были, и прятали они глаза свои от царского взгляда.

Иоанн занял место во главе стола да с улыбкой обернулся на гостей своих. Музыка мерно лилась, приглушая и без того робкие шаги кравчих да прочих холопов, что прислуживали у стола. Княгиня Ефросинья заняла место подле государя, рядом с ней сел и сын её, который рыскал взглядом из стороны в сторону. Взгляд его, как у хорька, то перебегал с яств на роскошь царскую, то вновь обращался к государю, а с тем и обратно воротил на пиршество, что уготовано гостям было.

Опричники, что следовали за царём да гостями, остановились у входа и замерли безмолвною стражею.

Прочёл царь краткую молитву, склонив голову под незримой, но безмерной ношей своей, да осенил стол крестным знамением. То же совершили и княгиня, и сын её, и лишь с тем приступили к трапезе.

— Ты, Ваня, зря зачинил этих своих! — замотала головой Ефросинья.

Царь с того было усмехнулся, да в какой-то беспомощности замотал головою. Поднял взгляд он на спутника княгини.

— Ты гляди, братец, на бабу! — развёл руками Иоанн. — Ещё и куска в рот не положила, а уж всё брешет, мол, не разумею я в делах государственных!

— Да я ж лишь убережешь хочю державу, да и тебя, упрямец-то ты неисправимый! — точно оскорблённая, воскликнула Ефросинья. — Не друзья тебе свора эта, ой не друзья!

— Попридержи язык, — голос царя сменился, утратив насмешку свою, стал жёстким, — я каждому в братии готов доверить жизнь свою.

— От, слышал? — усмехнулась княгиня, воротясь к сыну своему. — Братия!

— Набрал заместо соли земли Русской злодеев да воров и ещё богохульничает! — Не успела Ефросинья и речи своей закончить, как резкий удар посоха об пол прервал её.

Умолкла, ибо при всей дерзости своей в обращении с государем имела она хитрость змеиную али лисью и грани переступить не смела, да завидев, как в ярости государь сжимает посох свой, не стала молвить боле. Принялась она за трапезу, будто и не было ничего. Царь хранил молчание, и взгляд его, тяжёлый и грозный, плавно опускался на старуху. Думы государя полнились замыслами, да оставались уста его сомкнутыми, хоть и проступала на них тихая да лукавая улыбка.

Как окончилась трапеза та, безмолвная и мрачная, так отдал Иоанн приказ жестом — вскинул руку в перстах царских. От того поднялся из полумрака среди музыкантов один из разодетых ряженных, да не играл, а лишь сидел, закинув ногу на ногу, и хоть лицо его было спрятано за маской расписной, видать, во внимании был слуга сей всё время. Волоча по полу длинные косы, что закреплены были на маске, ряженный слуга раскланялся перед княгиней и сыном её да спровадил их к выходу, ведя в покои, уготованные им по царскому приказу.

— Сучий же ублюдок... — сквозь зубы процедила старуха, ступая по расписным коридорам.

— Отчего же? — вопрошал сын её. — Видать, от всего сердца нынче принял нас.

— Много понимает пустая голова твоя! — Ефросинья всплеснула руками. — Али забыл уж об опале да изгнании?

— Так уж два года как миновало, доколе поминать будешь? — вздохнул Владимир, мотая головою.

— Ты глянь на него! — усмехнулась старуха, разводя руками да уперев их в боки.

Остановились они посреди коридора.

— Недалёк тот час, и снова по наветам псов его брехливых вновь сыщем мы опалу! — наставляла Ефросинья. — Вступаешься ты за брата своего, а он, думаешь, вступится? Как бы не так! Есть у него друзья! Свора эта богомерзкая! Гойда, гойда! От тебе и семейные узы! Попрал он любовь нашу, как в изгнание сослал

нас! И вновь сошлёт, уж поверь старушке своей! Добра же лишь прошу для тебя, токмо добра!

— Не кончится добром, ежели грех на душу брать придётся! — воскликнул Владимир, как мать его тотчас же метнулась к нему да закрыла рот ладонью.

В ужасе огляделась по сторонам — никого, кроме скомороха бесполезного, не было подле них. Чуть отлегло от сердца, да Ефросинья всё точно начеку была, но при том отпустила сына да пригрозила пальцем.

— Не грех то будет, ежели воспрепятствуем мы премного согрешить братцу твоему, — тихо добавила княгиня.

— Негоже... ой негоже... — тихо бормотал себе под нос Владимир.

Мать его, видать, не слышала али не хотела слышать причитаний сына. Меж тем уж и дошли до покоев. Слуга раскланялся, и едва дверь за княгиней и сыном её затворилась, снял маску да убрал свои волосы чёрные с лица, запрокинул лицо вверх. Глубокий вздох сорвался с уст его, засиявших насмешливою улыбкой. Неспешным шагом стремился молодой опричник воротиться к государю. Шёл он, насвистывая, как слышал тяжёлые шаги да звон кольчуги на лестнице, мимо которой проходил.

— Теодор? — раздался насмешливый голос немца, назвавший Басманова на свой латинский манер.

Федя усмехнулся и, завидев премного дивного любопытства в глазах друга своего, обернулся, давая Андрею разглядеть наряд причудливый. Чужеземец не сдержал восторга да присвистнул.

— И отчего же вырядился ты столь пёстро? — спросил Андрей, спускаясь по лестнице.

— Говоришь, будто не к лицу сей наряд мне, — усмехнулся Фёдор, прикрыв лицо маской.

Андрей уж вновь расплылся в улыбке да помотал головою.

— Да полно тебе! — со смехом произнёс немец. — На кой чёрт вырядился?

— По царскому велению, — с игривым смирением произнёс Фёдор. — Не в силах я перечить воле государевой.

— И ныне всей братии в бабском платье разгуливать? — усмехнулся Андрей. — Боюсь, не пойдут мне сарафаны.

— Нет, доколе мне известно, вам пока гулять в бабском платье не велено, — ответил Фёдор. — А я спешу к государю.

Коротким кивком Андрей отпустил Фёдора да и сам продолжил путь по долгу службы. Тем временем Басманов спешно ступал по коридору. От шага его позванивали бусы, накинутые на шею.

Как завидели опричники его, что караулили тронный зал, так и застыли в недоумении да смятении. Ведали они, что к госуда-

рю ныне Басманов Фёдка явиться должен, да не ожидали они сего образа. Стоило Фёдору пройти в тронный зал, как глянули опричники вслед ему, да после того, не сговариваясь, устали друг на друга. Всё храня молчание, вздохнули слуги государевы да и продолжили нести службу свою.

Фёдор же бросил маску на одну из скамеек, что приставлены были к столу. Подойдя к государю, он склонился в поклоне. Мрачное выражение лица государя мало-помалу сменялось какой-то неясной насмешкой, стоило ему завидеть в коридоре сперва Фёдора, а затем и то неловкое смятение на лицах опричников на страже.

— Есть ли благие вести? — спросил Иоанн, и по тяжёлому вздоху быстро Басманов уразумел, что не ждёт государь доброй вести из уст его.

— Благая ли весть, великий государь, что ум ваш и сердце ваше не врёт вам? — спросил Фёдор.

Иоанн горько усмехнулся и мотнул головою.

— Значит, поистине за всё добро готовы они лишь злом отплатить мне? — произнёс царь, будто бы сам усмехаясь словам этим.

— Братец ваш двоюродный, Владимир, беззлобен, но слаб духом, — произнёс Фёдор. — И с матерью со своей не совладает. А вот княгиня в самом деле вознамерилась страшное учинить.

— Прямо говорила, что сгубить меня хочет, как жену мою сгубила? — сглотнув, спросил Иоанн.

— Ежели разговорить кого велите, так проще будет с Владимиром, — ответил Басманов.

Иоанн глубоко вздохнул, заметно было, как плечи его вздымались под златую одежду.

— И после всякого зла, что стерпело сердце моё, нарекут меня Иродом грозным... — вздохнул Иоанн, мотая головою.

Подпёр он голову свою, не вынося боли, что сдавливала голову тяжёлым обручем. Фёдор, видя мрак, сгущающийся на лице государя, перевёл взгляд на музыкантов да кивнул, призывая к готовности.

Глухой подслушивал,

Слепой подглядывал... — протяжно начал Басманов.

Голос его звучал чисто и звонко, и пение то разлеталось под расписными сводами. Слова застольной песни тотчас же подхватили мягкие переливы гуслей. От этих звуков государь поднял взгляд свой, преисполненный удивления.

Безрукой чаши нёс,

На стол раскладывал.

Эти строки уж было пропелись под мерное звучание инструментов, и хоть музыканты чисто да складно играли, прервал

их государь коротким жестом да взглядом всё следил за Фёдором, за лёгкими движениями белых его рук в воздухе, за танцем его, столь простым, что не в силах был царь взгляда отвести. Ныне музыка лишь отвлекала, хоть и игралась с большим мастерством.

Заметив, как стихли музыканты, Фёдор лишь украдкой бросил короткий взгляд на царя и узрел то, что чуяло всё нутро его — взгляд Иоанна был прикован к нему. Фёдор завёл заново.

Иоанн мерно отстукивал ритм посохом своим, по мере того как Фёдор отпевал ту небылицу, которая так часто звучала под этими сводами, и лишь сейчас вся эта песня преисполнялась новой красотой, доселе неведомой, ибо то не был разношёрстный хор, разбуяненный от крепких вин.

То был один голос, что лился дикою рекой, и каждое слово звенело и распускалось, точно диковинный цветок древних преданий.

Глухой подслушивал,
Слепой подглядывал,
Безрукой чаши нёс,
На стол раскладывал.
Безгласой звал к пиру,
Безногой хаживал.
Мне то воистину
Немой всё сказывал!

Песня была коротка, и Фёдор растягивал те слова, что ранее лоснились от пьяной игривости, а теперь звучали иначе. Иоанн, не отрываясь, глядел на Фёдора, вплоть до того момента, как юноша окончил танец свой и плавно наклонился к земле. Длинные бусы его стукнули об пол, и лишь тогда царь, казалось, пробудился. Не говоря ни слова, царь выпустил из рук своих посох, прислонив его к трону. Медленно подняв ладони, Иоанн воздал похвалу слуге своему мерными хлопками. Тот звук взлетел к сводчатым потолкам да пронёсся эхом.

— Нынче, Басманов, служба твоя полнится и сим обязательством, — произнёс Иоанн.

— Ежели угодно то будет вашему светлому имени, — кротко и смиренно ответил Фёдор.

Тон голоса да манера шла супротив и вида внешнего, и цветастых одеяний на молодом опричнике. Оттого Иоанн заулыбался पुше прежнего да махнул рукою своей.

— Ступай, — произнёс царь. — Да приведи мне Гришку Скуратова.

Басманов последний раз поклонился, развернулся да с такою лихостью, что полы сарафана его вздымались над каменным полом. Украдкой полыхнули красные сапоги под одеянием шутовским, да и удалился Фёдор, оставив Иоанна с доселе неведомыми думами, каковые не мог государь ещё облечь в слова — лишь голова его мучилась, но не адским жаром, коим наполнилась она от приступов гнева али припадка ужаса. Сердце его точно охватило неясное волнение, которое, при всей колкости своей, имело необъяснимый трепет, таинство, которое пряталось средь тёмной роши, окутанной ночными сумерками.

* * *

— Вслепую и принялся их излавливать — да что в том толку, ежели очи мне сокрыли повязкою? — тихо усмехнулся Иоанн.

Глаза его, точно у незрячего, уставились куда-то в глубь храма Господня, точно пытались поймать те образы, что обуревали ум.

— И что же учинил ты, сын мой? — спросил батюшка, склонив голову пред исповедующимся.

— Точно сейчас этот шёлк премягкий, пренежный на руках моих... — тихо произнёс Иоанн, опуская взгляд на руки свои, как тотчас же сжал кулаки, преисполняясь злостью.

— И второй сон видел я, отец, — произнёс Иоанн. — Будто бы сижу я на троне. На столе предо мною блюда да чаши роскошные, из золота да в самоцветах, переливаются аки россыпь звёзд на землях южных. И сие благородие металлов да украшательств право дух захватывает, да кушаний нет в блюдах, в кувшинах да чашах — ни капли питья. И восседаю я на троне да затаил дыхание, ибо чует сердце моё ножи булатные, наставленные к голове да горлу моему, и жаждут тени лишь одного — что шевельнусь. И выжидают духи, и сверкают оружия их на свету.

— Страшишься смерти, сын мой? — спросил священник.

Иоанн усмехнулся, опуская тяжёлый взгляд свой.

— Думаешь, отче, дрожу над собственным животом я? — произнёс он. — Ежели Господь заберёт меня, кто останется во главе державы?

— Коли Господу угодно, быть посему. Пошлёт он утешение в любом горе, — смиренно ответил исповедник.

Уж сжал Иоанн чётки в кулаке своём да остыл, преисполнившись духом святой обители. Пальцами принялся быстро перебирать деревянные бусины, находя в том тень успокоения.

— Неужто и впрямь останется Русь сиротою... — вздохнул Иоанн, поглядывая на чётки.

— Каждый смертен, — произнёс священник. — Была б соль ценна, ежели в земле её бесчисленно было? Был бы каждый день

Божьим благословением, если не считать их? Едва ли здравый разум возжелает жизни вечной на земле супротив жизни на небе. Здесь бытие наше преисполнено страданиями да искушениями. Не об этой жизни думай — сохрани любовь в душе своей ради жизни вечной, ибо Бог есть любовь, и кто пребудет в любви, тот пребывает в благодетели Господней.

— Будь я добр, как велит Святое Писание, как воздавать по заслугам злодеям, убийцам, содомитам да ворам?

— Оставь то Господу. Строг суд его, но справедлив, хоть и смысл ускользает может от взора человеческого.

— Ежели Бог дал мне власть судить — карать да миловать, значит, так тому и быть, доколе не прогневаю я Господа настолько, что отберёт у меня всё, что имею я, — Иоанн перекрестился и сложил руки пред своею грудью, давая понять духовному отцу, что час исповеди окончен.

Нечего было и предпринять священнику, как осенить царя крестным знаменем да благословить его. Служба шла своим чередом. Под пение хоров Иоанн в полтона переговаривал со своими опричниками, что молились подле него.

— Шлите гонцов на Соловки. Любыми правдами и неправдами разыщите отца Филиппа, — наставлял государь.

* * *

В полумраке низких коридоров раздавались тяжёлое рыдание да всхлипывания. Скромная комнатуха робко дышала светом свечи, что лила свой дрожащий свет на белёные стены да убогую мебель, которая поскрипывала под всякой тяжестью и без такой.

— Да не реви ты, Хосподи! — всплеснула руками Глаша, утирая губу девчужке. — Да не щиплет же, мямля!

— Да не от снадобья твоего больно мне! — надрывно отвечала девчушка.

Даже нынче, хоть и раскраснелось лицо её да глаза припухли от отчаянных слёз, всё ж видно было — ох и недурна же была девчушка собою. Сидела она предо Глашею на скромном настиле, что служил ложей для крепостных крестьян. Локоны её цвета спелой пшеницы лились по плечам. На нежно-молочной коже особенно видна была краснота, какой преисполнилась девчушка, предавшись рыданиям.

Босые ножки, малые, точно у дитя, судорожно потирала она друг о друга. Нос да щёки, усыпанные бледными веснушками, наполнились краснотой. От каждого всхлипа вновь и вновь выступали слёзы на распахнутых глазах. Светлые ресницы едва были заметны — до того светлы были. Укрывалась девчушка в шерстяное

одеяло, и ручка её тряслась, судорожно сжимая края его. Губы дрожали от плача, на них алела и влажно поблёскивала ранка, заливая рот кровью. Глаша убрала волосы свои в косы да хлопотала над девицей, утирая кровь с её лица.

— Так от чего же визгу-то подняла, Дуня? — хмуро спросила женщина.

— Не любя я боле! — взывала девица, на что Глаша лишь глаза закатила да, сглотнув, продолжила рану протирать.

— Ну, полно тебе! — несколько смягчившись, вздохнула женщина, беря новый лоскут ткани. — Не попала же ты в опалу? То и неча горевать!

— А если уж и впала? Глашенька, родненькая, взгляни на меня! — взывала Дуня. — Где я нехороша?!

— Всем ты хороша! — произнесла женщина, уж не стерпев и ухватив за лицо девчущку. — Слышишь? Полно тебе реветь! Полно!

— Что же нынче со мною будет, ежели не угодна я государю нашему светлому, соколу моему премилому? — всхлипывая, бормотала Дуня, глотая слёзы. — Знаешь, как перепугалась я, когда сей ночью чуть было не придушил он меня?

Девушка невольно схватилась за нежное горло своё, на котором проступили лиловые следы от крепкой хватки.

— И ранее он был и зол, и яростен, но нынче... — Дуня вновь всхлипнула, мотая головой. Волосы лились светло-русым водопадом, вторя каждому движению. — Но нынче в самом деле страшно сделалось мне! — затаив дыхание, бормотала она.

— Такова уж их природа, — со злостью сплюнула Глаша.

Сама носила под платьем немало синяков да ссадин, что учились в постели, оттого и понимала Глаша слёзы и стенания девицы пред нею.

— Неужто иную при дворе приблизит светлый государь Иоанн Васильевич?.. — со страхом спросила Дуня. — И что нынче со мною будет? Уж, верно, ведают все, что за службу несла я при дворе... Как нынче на меня смотреть-то будут, как не на суку паршивую?

Глаша поджала губы и будто бы мгновение думала, чем утешить девку. Глубоко вздохнув, женщина положила руку на плечо Дунино, да та как подскочит и вновь визг подымет.

— Да ты ж чего вопишь аки ошпаренная? — едва не начала браниться да замахнулась уж Глаша.

Дуня тотчас же подняла руку свою и дрожащим пальцем указала на выход. Обернулась Глаша и сама встала как вкопанная.

На пороге стоял Фёдор Басманов, облачённый в чёрную мантию с саблей наперевес. Скрестил руки и прислонился боком

ко стене. Завидев, как испуганно завизжала Дуня, рассмеялся он, заходя в скромную комнату.

— Тебя, Глашенька, мой батюшка ищет, — произнёс Фёдор, бросив короткий взгляд на женщину.

Та свела брови и со всей силой сжала тряпку в руках, а затем бросила в покосившееся ведро с разошедшимся жестяным ободом. Глаша уж было вышла из комнаты, как обернулась. Опричник же бросил короткий взгляд на заплаканную Дуню да точно оценил взглядом своим. Уголки губ его чуть поднялись, да на том он и покинул скромную комнату крестьянок.

Глава 5

В палате будто бы сам воздух дышал свежестью — ныне отворены были окна, откуда веяла прохлада зимняя. На высоком троне восседал государь. Подле Иоанна сидел писец, разложив доску на коленях, да чиркал пером, выводя букву за буквой, по мере того как лилась низкая и звучная речь царя.

С улицы отдалённо доносился шум, но он утопал в мягкой игре деревянной дудки, на которой играл не кто иной, как молодой опричник Фёдор Басманов. Он сидел у окна, и свет лился ему в спину, очерчивая пряди волос шёлковым блеском. Веки Фёдора были приопущены, и взгляд ясно-голубых глаз таился под рядом чёрных чуть изогнутых ресниц. Тонкие пальцы перебирали по музыкальному инструменту, подчиняя потоки мелодии мерному и чистому звучанию.

На руках его поблёскивали драгоценные перстни тонкой работы. Во многих угадывалась рука чужеземных мастеров. Мало кто вглядывался в них, оттого и не помыслил никто, будто бы те перстни, что ныне украшали белые руки, некогда таили сияние своё в царских сокровищницах.

Едва настало утро. Быть может, то и было причиной настроя государева, ещё не отошедшего ото сна. В последнее время всё хуже и хуже почивал Иоанн, не находя покоя до глубокой ночи. Оттого, быть может, и речь его стала медленнее, да молчал Иоанн меж оконченными мыслями, точно пытаюсь изловить какую вертлявую идею в собственном разуме. То и дело обращал он взгляд на окно, а быть может, и на слугу своего, что продолжал складывать мелодию. Писец поднимал взгляд на царя, выжидая, чтобы владыка продолжил, но лишь молчание было ему ответом.

Фёдор же изредка обращал взгляд на государя, да, видно, шибко увлёкся музыкою, ибо вот уже не меньше как четверть часа молодой опричник всё лил мелодию свою, точно птица в поле —

лишь для собственного слуху да себе на отраду. Медленно Иоанн поднял руку свою, ибо шум во дворе поднялся, что за-глушал игру. Обратил взгляд свой царь на окно, и с тем же под-нялся Фёдор с места своего да, неспешно потягиваясь, обратил взор свой во двор.

Туда нынче вновь дети-крепостные набежали. Снегу выпало многим выше головы — вот раздолье-то! Ребяшня тотчас же пре-далась забавам — да как давай снежками перекидываться!

Усмехнулся Фёдор, опираясь руками на подоконник. Детвора по двору так и шныряла. Порой разбегались проказники, ежели конюхи прикрикивали на сорванцов, мол, лошадям беспокойно ото всей возни той. Ребята отбегали, да лишь до поры до време-ни — и вот они вновь резвятся, верно, даже не ведая, что они под окнами самого государя забавляются. Улыбнулся Басманов, глядя вниз на детвору.

— Пушай беснуются, — с улыбкой ответил царь, уж отчётливо разбирая ребячий звонкий смех. — Уж кому, как не детям, на по-теху снег сыплется с небес.

Басманов обернулся да украдкой взглянул на государя и вновь обратился к окну. На выступ, на который ставни опирались, вы-пало немало снега — столь много, что молодой опричник, едва закатав рукава одеянья своего, зачерпнул горсть, принявшись комкать снежок.

— Ей-богу, как мальчишка! — пригрозил Иоанн, да больше в том голосе было смеху, нежели истинного наказания.

Опёршись на руку, наблюдал владыка, как слуга его, слыша нареканья государя, замахнулся да и кинул снежок прямо в шапку одного из ребятишек, что веселились во дворе. Тотчас же среди детей началась перепалка, ибо уж объявили, будто бы сменилась игра, и хватит уж снежками бросаться. В ответ на возражение кто-то словил ещё снежок, едва ли не за шиворот — тут и воз-обновилась возня — дети вновь попрытались, кто где — да айда вновь перекидываться да пересмеиваться.

Фёдор глядел на ту потеху да прикрыл окна, вернув палате её былую тишину, хоть отдалённые окрики доносились со дво-ра сквозь мутные запотевшие стёкла. Руки свои Басманов вы-тер о шею, ибо быстро на его тёплых ладонях растаял снег. Едва он потянулся к дудочке, как государь остановил его жестом. Не без удивления взглянул Фёдор на царя.

Меж тем улица завалена была снегом, да чуть подтаявший, он быстро и со скрипом проваливался под тяжёлой поступью государевых воинов, забивался под подковы лошадей. Животные мучились в нетерпении, переступая с ноги на ногу, так и порыв-аясь мчаться по первому же зову.

Алексей заметил сына своего задолго до того, как тот подошёл к нему. Меж тем Басман-старший беседовал с Афанасием Вяземским и, отвлёкшись от собеседника, махнул пару раз сыну своему. Князь Вяземский обернулся.

— Федька твой, от же чего даёт! — усмехнулся Афанасий, заметив юношу.

— К чему клонишь? — спросил Алексей.

Не будь они с князем знакомы большую часть прожитых лет, быть может, Афанасий бы и не расслышал той угрозы, что таилась под покровом беспечной добродушности, коей Басманов ох как любил укрываться.

— Да ни к чему, — Вяземский пожал плечами. — Гляжу да радуюсь за отпрыска твоего. И года ещё при дворе не служил, а уж на пиру да на казнях государь видеть его хочет чуть ли не так же часто, как тебя, Алёш.

— И что в том такого? — спросил Басманов, чуть сведя густые брови.

— Да право, в самом деле? — Афанасий вновь пожал плечами да, отряхнув снег с сапог, обошёл Басманова. — Одно просто мне покоя не даёт — помоги мне, дружище — ослаб разум мой, память решетом. Сколько ты царю служишь?

— Третий десяток, — ответил Алексей.

— Так много? — будто бы подивился Вяземский. — Уж то почти вдвое больше, нежели возраст сына-то твоего. Я бы на месте твоём, Алёшка, благодарил Бога, что сын твой того ж расположения добился за минувшую осень да сию зиму.

С этими словами Афанасий положил руку на плечо ратного своего товарища, да Басманов отстранился, окатив князя таким взглядом, что под ним, казалось, трава бы сгнила, обратившись пылью.

— Видать, — ответил Алексей, — не дурно я служил, раз сын мой заочно уж и полюбился государю. Неужто ты, Афонь, уж изъелся желчной завистью, раз Федька боле твоего вхож в царские палаты?

— Ты гляди, как бы он не поплатился за язык развязный да скверный нрав свой. А то гляди, и не вернётся из палат сих, — ответил Афанасий.

Усмехнулся Алексей, углядев, как двое конюших выводят лошадь его. Пошёл Басманов навстречу им, да обернулся с широкою улыбкой.

— От потеха мне с того, что ты уж припугнулся с отпрыска моего безбородого, — ответил Алексей.

На том и разошлись да помчались ко распахнутым воротам. Плащи наполнялись холодным ветром, точно паруса, уходящие

в дальние воды, снег будто пеною разлетался под мощными ударами копыт.

— Гойда! Гойда! — возвещала чёрная свора всадников. — Словом и делом! Гойда!

* * *

Во мраке утопали сундуки, приставленные в дальних углах. Со шкафов тянулись лапами, точно у старых елей, кипы бумаги, что расходились и отбрасывали неопишуемые узоры теней на стены. Письмена рассекали бумагу, сплетаясь в бесконечные переплетения мыслей. За столом прямо в этот поздний час вытягивалась ещё нить — она имела переплетенья с предыдущими посланиями, но сейчас она была преисполнена гнева и волнения. Первый порыв ярости ослаб, и Иоанн мог сдерживать дрожь, что преисполняла его, когда ему приходилось писать эти строки.

«*За что ты предал меня, Андрей?*» — билось жуткими горячими импульсами в голове государя.

Эта мысль металась раненым зверем, рвалась, билась обломанными когтями о сам разум, изводила и не давала покоя с того самого мгновения, как Иоанн простился с Андреем. Сердце его знало и чётко твердило, что отныне не встретятся они боле, что эти узы, которые были крепче братских, навеки оборваны. Лишь сейчас в памяти Иоанна всплывало то, чего царь не хотел помнить. Он вспоминал застолья, с которых Курбский вставал и уходил, не откланявшись. Царь помнил, как утомлённый зрелищем казни искал взглядом подле себя Андрея и не находил, ибо тот покидал Иоанна, но царь не желал видеть знаки судьбы, читать между строк.

«*Ты был со мной всегда, ты был со мной, когда все уж готовы были зарыть меня, живого, с горячим челом и бьющимся сердцем, но ты был со мной...*»

Треск отрезвил разум Иоанна, который заслонял всё мутной пеленой. Чернила растекались по его пальцам, которые сжали перо слишком сильно. Царь замер, глядя, как под его рукой растекается чёрная лужица, прилипая к чёрному длинному рукаву его монашеского одеяния. В момент всё стихло, дрожь прошла, а рука обмякла, точно царь испустил дух свой. Не мог Иоанн сказать, сколько времени это длилось, но, когда разум и тело государя вновь наполнились жизнью, он, точно впервые, оглядел свой кабинет.

Один вид этих книг и писем давил, точно каменная плита. Сейчас, сидя в своих покоях, дух Иоанна подобен был слабому дрожащему огню свечи, который не был в силах прорваться сквозь сгустившийся на него сумрак. Робкие лучи света силились про-

биться, но мрак не отступал. И в этот момент беспомощности, что тяжелел камнем у горла, раздался стук в дверь. Сперва Иоанн в самом деле усомнился, слышит ли он этот звук воистину или же вновь демоны охватили его беспокойный ум. Однако бытие обрело вновь чёткие очертания — тени перестали извиваться дявольскими змеями на стенах, груды бумаг да писем обратились обычными посланиями да прошениями к владыке. Липкость на рукаве царя вновь дала ощутить, что он просто утомился, сочиняя ответы в этот поздний час, только и всего.

— Пушай войдёт, — произнёс царь, глядя на дверь.

Когда слуга предстал перед ним, государь на мгновение замер. Фёдор Басманов, ожидаемый сим вечером с докладом, вид имел развесёлый. Его щёки и нос преисполнились румянцем, а густые волосы, что были черней вороньего крыла, взлохматились да прядями спадали на лицо. Взгляд сейчас сверкал в приглушённом мягком свете свечи, и те отсветы лазури, что таились в них, сейчас отвечали отблесками камней драгоценных. Праздничное одеяние Фёдора нынче пестрело цветом красного вина, да и мерцание золотых нитей, оплетавших весь кафтан, было особенно заметно в царившем вокруг мраке.

— Садись же, — Иоанн опустил взгляд свой на бумагу перед ним, хоть письмо и было залито чернилами.

Юноша поклонился и лёгким своим, хоть и не очень твёрдым шагом приблизился к сундуку, что был устлан медвежьими шкурами, и опустился на него, прислоняясь спиной к стене. Молодой опричник прикрыл глаза, взглянув сквозь ресницы, и глубоко вздохнул, переводя дыхание с пути. Шея его белела, окаймлённая спутанными чёрными локонами. Он сделал ещё один глубокий вздох и обратил свой чуть помутнённый взор на государя.

— Как вы и говорили, светлый государь мой, — произнёс Фёдор, и царь не сразу узнал голос его.

Речь Басманова лилась всё так же мерно, но точно тон обрёл иную глубину, стал ниже да бархатистее.

— В самом деле, брат ваш боится княгини Ефросиньи паче генны огненной, — произнёс Басманов. — А сам он слаб. И душой, и, как ныне мне ведомо, телом. Стоило ему напиться со мною, как стал всё выбалтывать. Благо княгини подле нас не было, того гляди, сыноубийства не избежать!

Фёдор залился лёгким смехом, блуждая взглядом по завалам на полках и столе государя.

— Неужто старуха всё грезит сгубить меня? — даже с усмешкою спросил Иоанн.

— Всяко подонка своего уж небось рядит в обличье царское. Мол, когда мимо губерний ехали они в Слободу-то, встречали

их со Владимиром Старицким-то аки царя русского, — продолжил Фёдор.

— Врёшь ведь, — с обречённой усталостью вздохнул государь, мотая головой да опираясь от тяжести на руку свою.

— Ежели вру, прямо в сей миг отрежьте язык мой, — просто ответил Фёдор, и что уж точно говорило о спокойствии в настрое его, так это зев, что пристал было к нему.

Басманов потянулся, прикрыл рот свой, после встряхнул головой, убирая с лица непослушные кудри, да и не заметил или, быть может, не подал виду, что приметил то, с каким выражением глядели на него тёмные царские очи.

— И ведь смиловался... — вздохнул Иоанн наконец. — И ведь учит Писание наше милостивым быть ко врагам нашим, и ведь не хотел верить я наветам на семью, на родную-то плоть и кровь!

Царь сам, верно, и не хотел улыбаться, но губы его невольно дрогнули. Это не был смех, то было едва ли не резкое удушье, охватившее его горло.

— Родная кровь... С такой роднёй мне и сам чёрт не страшен, — произнёс Иоанн, в насмешке спрятал всю боль, что терзала его сердце.

— Какая долгая ночь, — вздохнул Фёдор, поглядывая в окно за спиной государя.

— Нет, — отрезал царь. — Не трогать ни княгиню, ни брата моего.

Фёдор развёл руками да показал свои ладони, а затем положил руку на сердце:

— И в мыслях не было, царь-батюшка!

Иоанн хмуро смотрел на опричника, но постепенно морщины от тяжких дум, исполосовавшие его лоб, стали смягчаться, покуда он глядел на Фёдора. Молодой опричник, видно, душою всё ещё веселился на застолье, оттого и болтал он ногою да напевал беззвучно очередные застольные куплеты. Молчание меж слугою и владыкой обратилось безмолвной игрой, которая могла зайти много дальше, но Фёдор нарушил тишину. Вздохнув, он вновь убрал волосы со своего лица.

— В вас так много прощения, светлый наш государь, — произнёс он, наклонив голову, и с тем чёрные волны спали боле на плечо, открывая белую шею.

— Прощения? — повторил Иоанн, точно силясь понять, какой толк в том слове. — Ох, не того ждёт от меня отчизна, вверенная мне Богом. На защиту Родины нашей стану я грозным зверем. То люблю тебе?

— Мне любя всякая воля ваша, — ответил Фёдор.

— Ежели обратится она против тебя? — усмехнулся Иоанн, вскинув бровь.

— Покуда веселят вас пляски мои, покуда сабля моя востра да ловка, не бывать тому, — беспечно ответил Басманов, будто бы смакуя слова, что произносил он государю.

— Смелый ты, Фёдка, не по годам, — усмехнулся Иоанн, мотая головой. — Послушать тебя, так ты и вовсе жизнью своей не дорожишь.

— Как же можно дорожить тем, что и не принадлежит мне? — спросил молодой опричник и подался вперёд. — Ведь клятву дал я, отныне и впредь, душа и тело мои, и жизнь моя принадлежат лишь тебе, великий государь.

— Так потому и не смей, Басманов, погибать, покуда не будет на то воли моей! — ответил Иоанн, глядя прямо Фёдору в глаза.

Насмешка тайлась в глазах обоих. Голос царя был твёрд. Фёдор сглотнул, видя, как государь изводит его своим тяжёлым взглядом. Быть может, во всём повинно питьё, да только Басманов чувствовал, будто начал понимать тайну этих глубоких глаз, которые казались чёрными во мраке, но мысль ту облечь в слова не было ни сил, ни желания — ответ тот был в лёгкой дрожи в груди, в мимолётном ощущении, что слова будто украли прямо с губ, и уже никакой нету возможности вернуть их.

— Ежели воля ваша не супротивится с волею Господа... — тихо начал Фёдор.

— Даже если указ мой и будет разиться с волею Божьей, не окончишь ты службы, покуда не дам на то добра, — оборвал его на полуслове царь.

В покоях вновь повисло молчание. Свеча дрогнула, хоть ветра и не было, точно невидимый дух посетил эту обитель. Неведомое чувство наполнило сам воздух, затаившийся в царских покоях, и опричник вместе со своим владыкой одновременно же и рассмеялись, беззлобно и легко.

Глава 6

Коридоры вторили гулким эхом шагу князя Василия Грязного. Его походка, лёгкая да чуть шаткая, знакома была всей царской дворне, да оттого и приметить можно было его издалека. Как-то завелось уж, зачастую Васька был навеселе — то с пиру али застолья, то с похмелья, то просто случай выдался заложить за воротник. Оттого и теперь шёл князь, размахивая руками, точно пустыми рукавами.

Шатался он всюду, но не направленно шёл куда-либо. Взгляд его плавал из стороны в сторону, то и дело оглядывая пролёты каменных лестниц, устланных красными коврами с узорами, глядел он и на высокие расписные своды, которые переплетались ветвями лозы над головою. Наконец сие праздное блуждание и обрело цель — в дальней зале, ежели следовать по коридору, слышна была музыка да звонкий смех. Васька верно смекнул, что именно то он и искал. Открылась ему картина, ослепляющая расслабленный ум его.

Ещё до того, как князь переступил порог, звуки музыки да смеха заполнили весь слух его. Пёстрые пятна не давались взгляду и продолжали метаться причудливыми формами меж собою. Лишь с усилением Василий стал угадывать в этой цветной круговерти пляски сарафанов да развивающихся атласных лент, вплетённых в длинные девичьи косы, человеческие фигуры.

Вглядываясь меж этих пёстрых верениц юных прелестниц, углядел Васька и музыкантов, что не раз играли на застольях для братии опричниной да самого государя. Девицы пересмеивались меж собою, и лёгкий смех их подобен был звону серебряных колокольчиков, столь резв он да переливист. Васька Грязной так и стоял на пороге, не смея войти, да всё глядел и глядел на сей круговорот.

Девицы подхватывали юбки свои, чтобы отпрыгивать друг от друга да бегать, точно дети по зале. И всё никак не мог смекнуть, от кого же разбегаются девицы, покуда не приметил в самом кругу Фёдора Басманова. Молодой опричник был разодет в шёлковую рубаху, исшитую серебром поверх тёмно-изумрудной ткани. Глаза его скрывала повязка-пояс из бордового бархата. Девицы подбегали, касались его плеча, вьющихся волос и тотчас же отбегали, отдёрнув руку точно от огня.

Фёдор же, видно, давал им приблизиться, да ровно настолько, чтобы игра продолжала звенеть юным веселием. Очередная прелестница была не столь резвой, нежели подруги, да всё же Басманов перехватил руку её. Девушка остановилась, перевела дыхание, убирая пряди, что растрепались в забаве, за уши.

Басманов снял повязку да вложил в руку девицы, а сам запрокинул голову, убирая волосы от лица. Забава притихла, и вся зала переводила дыхание. Фёдор перевёл взгляд на Ваську Грязного, который был всё это время будто бы и вовсе незрим. Фёдор отдал знак скоморохам да девицам, дабы продолжилась игра, а сам отошёл к столу да махнул Ваське, чтобы тот подошёл.

— Боюсь даже думать, чем ты маешься, Федька! — с усмешкой молвил князь, да потирал уж руки, завидя, как Басманов нали-

вает в две чаши вино из изящного серебряного кувшина, ручка какового изгибалась лебединой шеей.

— Что ж тут думать? — с улыбкой ответил Фёдор, протягивая чашу другу своему. — Служба такая. Исполняю волю светлого царя нашего.

Фёдор произнёс эти слова будто бы с сожалением, хотя улыбка на его лице была тому супротивна.

— Али нужна помощь моя, ты только свистни! — Васька залпом опустошил чашу свою в два больших глотка да обернулся на забаву девиц.

Они ловко перебежали с места на место, сторонясь той, что была в центре с завязанными глазами. Она вслепую оборачивалась каждый раз, когда иная подбежит да коснётся платья её, плеча али косы.

— А знаешь, Вась, можешь и помочь мне, — ответил Фёдор, взяв чашу свою да воротив её на стол.

Скрестив руки на груди, молодой опричник опёрся спиною о стол да поглядывал за пляской пёстрых сарафанов.

— Какая девица боле всех тебе по нраву? — спросил Фёдор, взглядом провожая то одну, то другую.

— Ишь чего! — вздохнул Василий, стараясь разглядеть всех девушек, да ловки они были и проворны.

Изредка та или иная прелестница, запыхавшись среди забавы, отходила от игрища, да не боле чем на минуту, а после того пускалась вновь, да пуше прежнего. Разбегались глаза Грязного, как вглядывался он в череду этих нежных рук, что тут же одёргивались, этих кос, что едва ли не волочились по полу. Васька уж и не силился выделить одну красавицу, а просто наслаждался этой забавой не меньше, чем сами девицы, что предавались игре. Обернувшись к другу своему, замотал Грязной головой да принялся наливать себе вновь вина в чашу.

— Уж и не скажу тебе, не скажу... Да каждая бабёнка-то, точно мёдом напоена, да пляшут как! Не скажу, мне любви все. Тяжкая служба у тебя же... — усмехнулся Василий.

— Тяжкая, — кивнул Фёдор, — куда деваться!

— Тебе уж приглянулась какая? — спросил Грязной.

Фёдор мотнул головою да лишь вздохнул, продолжая следить за игрою.

— Так бери любую, — просто ответил князь, пожав плечами.

— Так не для себя ж присматриваю, — ответил Фёдор, да тон его переменялся.

Хоть Грязной уж испился вином, да всё же уразумел — боле не скажет ничего Басманов, да и ясно ему стало, о чём речь-то и идёт.

— А... — молвил он в ответ, почёсывая затылок. — Так то не нам, псам дворовым...

— А ты уж было губу раскатал? — усмехнулся Фёдор да повёл бровью своей соболиной.

— Да катись ты к чёрту! — Васька ткнул локтем в бок Басманова. — Да перед тем загляни к отцу своему, искал он тебя.

— Будто бы прячусь я, — якобы удивлённо ответил Фёдор, пожал плечами да хлопнул в ладоши.

Музыка тотчас же стихла, и последний её отзвук прокатился под сводами. Девицы одна за другой поднимали свои светлые головы да глядели на опричника. Жестом отдал приказ свой Басманов, и через несколько минут скоморохи да прелестницы, краснощёкие да с вихрами растрепавшимися, покинули светлую залу.

* * *

— Если это ты, Васька, пошёл вон, кровопийца! — рявкнул было Алексей, да лишь отворил дверь, завидел на пороге сына своего.

Суровое лицо воеводы тотчас же переменилось, он улыбнулся и махнул внутрь покоев своих. На большом сундуке, что служил зачастую столом для Алексея, уж накрыто было кушанье — печёная рыба, деревянная миска с ломтями хлеба, несколько кусков вяленого мяса протянулось полосами на длинной деревянной тарелке. Над тем возвышался высокий медный кувшин, снизу которого цвели диковинные узоры листьев и бутонов.

— И чем же Грязной намучил тебя? — спросил Фёдор, занимая место, укрытое бархатом.

— Да проклятому ни черта поручить нельзя! — буркнул Алексей, садясь с сыном за трапезу. — От сколько он искал тебя?

Юноша пожал плечами, отламывая себе от ломтя хлеба.

— Первым делом тебя искали подле царя, — с некоторым довольством произнёс Алексей, откидываясь чуть назад на своём деревянном кресле.

Фёдор вскинул бровь и, будто бы удивлённо, спросил:

— Отчего же там?

Басман-отец усмехнулся да мотнул головой.

— Сам не знаю я, отчего нынче ты на особом счету. Ну ясно-то дело, отцу родному чего не быть радостным за сына-то своего? — спросил Алексей.

— И в самом деле, — кивнул Фёдор, слегка усмехнувшись.

— Да много подле нас с тобою, кто не рад тому, — продолжил Алексей. — Больно много зависти поднялось, особенно у старика Афоньки. Ох, и не по сердцу же ему нынешний расклад!